

У. КОЛАННЭ

ОУСАЛЬ ©
ИПРАККИ ДОННА ДАНИ

Annotation

Уильям Уилки Коллинз (1824–1889) английский писатель, основоположник так называемого «сенсационного романа», впоследствии разделившегося на приключенческий и детективный жанры. В данный том вошел роман «Отель с привидениями»

- [Уилки Коллинз.](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Постскриптум](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 -
-

Уилки Коллинз.

Отель с привидениями

Часть первая

Глава 1

В 1860 году из лондонских врачей известнейшим был доктор Уайбрау. Надежная молва приписывала ему едва ли не богатейший доход, доставляемый в наши дни медицинской практикой.

Однажды днем, уже к концу лондонского сезона ^[1], после особенно трудного утреннего приема, имея еще изрядное число домашних визитов на остаток дня, доктор только-только покончил с ленчем, как лакей объявил, что с ним желает говорить дама.

— Кто она? — спросил доктор. — Пациентка?

— Да, сэр.

— Для пациентов есть приемные часы. Скажите ей, когда приходить.

— Я говорил, сэр.

— И что же?

— Она не уходит.

— Не уходит? — с улыбкой повторил доктор. Он был не без чувства юмора, и нелепость ситуации развлекла его. — Эта настойчивая дама назвала себя? — спросил он.

— Нет, сэр. Она отказалась назваться, сказала, что не отнимет у вас и пяти минут, а дело чрезвычайно важное и до завтра не терпит. Она в приемной, и как выдворить ее оттуда, я не представляю.

Доктор Уайбрау с минуту размышлял. Более чем тридцатилетний богатый опыт дал ему знание женщин (профессиональное, разумеется), он перевидал их всякого рода — особенно же ту их породу, что не считается со временем и не преминет воспользоваться привилегиями своего пола. Взгляд на часы подтвердил, что ему пора начинать визиты к домашним больным. В сложившихся обстоятельствах оставался один-единственный выход. Ему оставалось, коротко говоря, одно — бежать.

— Экипаж у калитки? — спросил он.

— Да, сэр.

— Отлично. Без малейшего шума откройте парадное, а дама пусть себе остается в приемной. Когда она утомится ожиданием, скажите ей все как есть. Если она спросит, когда я возвращаюсь, скажите, что я обедаю в клубе, а вечером иду в театр. С богом, Томас. И тише! Если вы скрипнете сапогами, я погиб.

Он неслышно направился в переднюю, лакей шел за ним на цыпочках.

То ли дама в приемной что-то заподозрила, то ли скрипнули сапоги

Томаса, а слух у нее оказался острый, только именно так оно все и случилось: в ту самую минуту, когда доктор Уайбрау миновал приемную, дверь отворилась, на пороге встала дама и ухватила его за руку.

— Умоляю вас, сэр, не уходите, прежде не выслушав меня.

У нее был иностранный выговор, низкий и твердый голос.

Ее пальцы мягко и при этом решительно сжимали его руку.

Ни ее слова, ни цепкая хватка не заставили бы его выполнить эту просьбу. Его вынудило остановиться безмолвно говорящее лицо. Он был буквально оглушен кричащим несоответствием его мертвенной бледности — свету и жизни в стальном сверкании ее больших черных глаз. Она была одета в темное с отменным вкусом; среднего роста и, судя по всему, средних лет — что-нибудь тридцать с небольшим. Такие точеные черты, красиво очерченный нос, губы и подбородок чаще достаются иностранкам, нежели уроженкам Англии. Безусловно, красивая женщина, когда бы не эта ее смертельная бледность и не столь заметная жесткость взгляда. Первоначально поразившись ее внешности, доктор теперь, можно сказать, сгорал от профессионального любопытства. Другого такого случая, может статься, никогда не представится в его практике. «Похоже, так оно и есть, — думал он. — На это не жалко времени».

Сознавая, что произвела на него сильное впечатление, дама отпустила его руку.

— В свое время вы утешили многих страдалец, — сказала она. — Утешьте еще одну.

Не ожидая ответа, она вернулась в комнату.

Доктор вошел за ней и затворил дверь. Он усадил ее в кресло для пациентов, против окна. В тот летний день даже лондонское солнце ослепительно светило. Ее затопил сверкающий поток. Пронзительные, орлиные глаза даже не моргнули. По гладкому, без единой морщинки, лицу пугающе разливалась матовая бледность. У доктора впервые, сколько он себя помнил, зачастило сердце в присутствии пациента.

Но странно: завладев его вниманием, она, похоже, ничего не могла ему сказать. Эту решительную женщину словно охватила непонятная апатия. Вынужденный заговорить первым, доктор заурядным образом спросил, чем может ей помочь.

Звук его голоса, казалось, пробудил ее. По-прежнему не моргая от света, она отрывисто сказала:

— Я задам вам трудный вопрос.

— Какой же?

Ее взгляд, медленно двигаясь, остановился на его лице. Внешне ничем

не выдавая волнения, она облекла «трудный вопрос» в довольно необычные слова:

— Умоляю вас, мне нужно знать, не грозит ли мне опасность сойти с ума.

Кого-то, возможно, позабавят эти слова, кого-то встревожат. Доктор же Уайбрау ощутил лишь досаду. Тот ли это редкий случай, каким он представился ему при первом беглом взгляде? Не ипохондрик ли она, эта его новая пациентка, чье заболевание сводится к расстроенному желудку, а все несчастья от недалекого ума?

— Почему вы пришли ко мне? — спросил он ее резко. — Почему бы не посоветоваться с врачом, который специализируется на душевных заболеваниях?

У нее был наготове ответ.

— Я не пойду к такому врачу, — сказала она, — именно по этой причине: он специалист, у него губительная привычка все разложить по полочкам, которые он сам же выстроил. Я пришла к вам, потому что мой случай не годится ни для какой полочки. Вы известны в своих кругах разгадками таинственных заболеваний. Вы удовлетворены?

Он был более чем удовлетворен: в конце концов, его первая мысль оказалась правильной. Кроме того, она была верно осведомлена о его положении в медицинском мире.

Именно способность — и в этом ему не было равных — выявить признаки надвигающегося заболевания доставила ему славу и богатство.

— Я в вашем распоряжении, — ответил он. — Попробуем выяснить, что с вами происходит.

Он задал ей необходимые вопросы, на которые она отвечала быстро и четко, и вынужден был заключить, что душевно и физически эта странная дама пребывала в полном здравии. Не удовлетворившись вопросами, он ее внимательно прослушал, простучал. Нет, ни осмотр, ни стетоскоп не обнаружили ничего тревожного. С замечательным терпением и внимательностью, отличавшими его еще в студенческие годы, он продолжал всесторонне обследовать ее. Результат оставался прежним. Не говоря уже о мозговых нарушениях, даже нервного расстройства не обнаружилось и следа.

— Я ничего у вас не нахожу, — сказал он. — Я даже не могу объяснить причины вашей необычайной бледности. Вы ставите меня в тупик.

— Бледность — это пустое, — ответила она с некоторым нетерпением. — В молодости я едва не умерла от отравления. С тех пор у

меня этот цвет лица и такая чувствительная кожа, что от румян высыпает безобразная сыпь. Но это неважно. Я хотела, чтобы вы определенно высказали свое мнение. Я верила в вас, а вы меня разочаровали. — Она уронила голову на грудь. — Это конец, — горько вымолвила она.

Доктора кольнула жалость. А может, укол почувствовало его профессиональное достоинство?

— Все еще может кончиться хорошо, если вы решитесь помочь мне.

Она вскинула на него загоревшиеся глаза.

— Скажите откровенно, — проговорила она, — как я могу вам помочь?

— Если откровенно, мадам, вы для меня загадка. И вы предоставляете мне искать разгадку средствами моего искусства, не подавая никакой помощи. Мое искусство может многое, но не все. Наверняка что-то произошло, отчего вы встревожились, причем это не имело никакого отношения к вашему физическому состоянию. Иначе бы вы не пришли ко мне. Я не прав?

Она сжала руки на коленях.

— Вы правы! — жарко выдохнула она. — Я снова начинаю в вас верить.

— Отлично. Вы не можете рассчитывать на то, что я раскрою духовную природу вашей тревоги. Я могу только засвидетельствовать, что ее физические причины отсутствуют. Но должен вам сказать, что, если вы мне не доверитесь, ничего больше я сделать не смогу.

Она встала и прошлась по комнате.

— Допустим, я расскажу, — сказала она. — Но имейте в виду: я не назову никаких имен!

— Нет никакой нужды называть имена. Мне нужны только факты.

— Факты — это пустое, — возразила она. — Я могу поведать вам лишь свои ощущения, после чего вы, скорее всего, сочтете меня фантазеркой. Что поделать? Постараюсь вам угодить: вот вам ваши факты. И право слово, они не очень помогут вам.

Она снова села и, насколько это возможно сделать простыми человеческими словами, обрушила на доктора удивительную, дикую исповедь — ничего подобного ему не доводилось слышать.

Глава 2

— Во-первых, сэр, я вдова. А во-вторых, я выхожу замуж.

Она умолкла и улыбнулась своим мыслям. Доктора Уайбрау покорила эта улыбка, в ней было что-то одновременно грустное и жестокое: она медленно раздвинула ее губы и тут же погасла. Он снова засомневался, правильно ли поступил, поддавшись первому впечатлению. Его мысли не без грусти вернулись к заждавшимся его заурядным больным с их простыми болячками.

Дама между тем продолжала:

— В мой предстоящий брак, — сказала она, — вмешивается одно обстоятельство. Джентльмен, чьей женой я стану, уже был помолвлен, когда случайно встретил меня за границей; причем эта дама доводится ему родней, она его кузина. Не ведая того, я отняла у нее возлюбленного и поломала жизнь. Я говорю «неведомо для себя», поскольку он мне сказал о помолвке после того, как я приняла его предложение. Когда мы уже потом встретились в Англии и, разумеется, возникла опасность, что я узнаю о ней, — тогда он и сказал мне правду. Само собой, я вознегодовала. У него было наготове оправдание: он показал мне собственноручное письмо этой дамы, в котором она расторгала помолвку. В жизни не приходилось мне читать более благородного, более великодушного письма. Я рыдала над ним, хотя не умею оплакать и собственные невзгоды. Будь в нем хоть малейшая надежда на прощение, я бы определенно отказала. Но твердость — причем без капли гнева, без слова упрека, даже с искренними пожеланиями счастья, — эта вот твердость, говорю я, не оставляла никакой надежды. Я оказалась мягкосердечной, я сказала: «Хорошо, я согласна». И через неделю (я не могу без содрогания думать об этом) мы поженимся.

Она точно содрогнулась и вынуждена была прерваться, собраться с силами, прежде чем смогла продолжать. Не получая никаких фактов, доктор испугался, что его ждет долгий рассказ.

— Извините за напоминание, но меня ждут больные люди, — сказал он. — Чем скорее вы заговорите по существу, тем лучше будет для них и для меня.

Снова на ее губы набежала эта странная улыбка — сразу грустная и жестокая.

— Все, что я говорю, я говорю по существу, — ответила она. — Вы убедитесь в этом через минуту... — Она продолжала свою историю: —

Вчера — не бойтесь, я не буду углубляться в прошлое дальше вчерашнего дня, — вчера я была приглашена на ваш английский ланч. Некая дама, совершенно незнакомая мне, пришла с опозданием, когда мы уже встали из-за стола, и сразу прошла в гостиную. Случилось так, что она села рядом со мной. Нас представили. Заочно мы знали друг друга. То была женщина, у которой я похитила возлюбленного, та самая женщина, что написала такое благородное письмо. Теперь извольте слушать! Вы досадовали, не находя ничего интересного для себя в моих словах, а я говорила это все для того, чтобы вы поняли: у меня не было неприязненных чувств к этой даме. Я восхищалась ею, сочувствовала ей — мне не в чем упрекнуть себя. Это очень важно, как вы сейчас убедитесь. Что касается ее, то я полагала, что ей изложили все обстоятельства и она понимает: я никоим образом не заслуживаю упрека. Так вот, после этого необходимого уведомления объясните мне, если можете, почему, поднявшись с кресла и встретив взгляд этой женщины, я похолодела с головы до пят, почему меня бросило в дрожь, почему я впервые в жизни извела смертельный страх.

Доктор наконец проявил интерес к рассказу.

— Может быть, вас чем-нибудь поразила внешность этой дамы? — спросил он.

— Абсолютно ничем! — бурно возразила та. — Вот вам ее портрет. Самая обычная англичанка: ясные, холодные голубые глаза, слабым румянцем подернутое лицо, безразлично-вежливый вид, крупные, мягкие губы и довольно полные щеки и подбородок — только и всего, ничего особенного.

— Так, может, когда вы взглянули на нее, вас поразило что-нибудь в выражении ее лица?

— Она с понятным любопытством смотрела на женщину, которую предпочли ей, и еще, возможно, дивясь тому, что эта женщина не блещет красотой и обаянием; эти оба чувства отражались на ее лице, сколько позволяли приличия — не больше нескольких секунд, — пока я вообще что-то видела. Я говорю «пока», поскольку мучительное волнение, которое она мне внушила, помутило мое сознание. Если бы я добралась до двери, я бы бежала из этой комнаты — так она меня напугала. Но я даже стоять не могла — я просто упала в кресло. Я в ужасе глядела в эти спокойные голубые глаза, взиравшие на меня с тихим изумлением. Сказать, что они меня гипнотизировали, — значит, ничего не сказать. Это глядела ее душа и видела меня насквозь без всякого усилия с ее стороны. Я передаю вам свое впечатление — со всем ужасом и безумием, какие там были. Эта женщина, хотя сама она о том и не ведает, назначена быть моим злым гением. Ее

невинный взгляд высмотрел во мне ростки зла, о которых я не подозревала, и я чувствовала, как под этим взглядом они воспрянули. Если я в будущем наделаю ошибок, если даже совершу преступление, она покарает меня, причем не по собственной даже воле — в этом я твердо убеждена. В одну минуту я все это поняла — и, очевидно, это сказалось на моем лице. Эта добрая, бесхитростная душа даже встревожилась за меня: «Боюсь, вам в этой комнате слишком жарко. Вот понюхайте соль». Я еще слышала ее добрый совет, но потом уже ничего не помню — потеряла сознание. Когда я пришла в чувство, все гости уже разошлись, со мной оставалась только хозяйка дома. С минуту я ничего не могла ей сказать, то ужасное чувство, которое я пыталась описать, вернулось ко мне вместе с сознанием. Обретя речь, я умоляла ее рассказать мне всю правду об этой женщине, чье место я заняла. Понимаете, во мне теплилась надежда, что она, быть может, не заслуживает своей доброй славы, что в том благородном письме она искусно лицемерила, что, короче говоря, она втайне ненавидела меня и ей хватило ума скрыть это. Но нет! Хозяйка сызмала знала ее, они были между собой как сестры, и своей добротой, невинностью и неспособностью кого-либо ненавидеть та равнялась с самыми великими святыми. Так рухнула последняя надежда — моя надежда на то, что я испытала всего-навсего чувство опасности перед лицом врага. Но оставалась еще одна попытка, и я ее предприняла. Я отправилась к человеку, за которого выхожу замуж. Я умоляла его вернуть мне мое согласие. Он отказал. Я заявила, что сама расстрою нашу помолвку. Он показал мне письма от своих сестер, братьев, близких друзей: те заклинали его подумать еще раз, прежде чем жениться на мне; все передавали слухи, ходившие обо мне в Париже, Вене и Лондоне, а в них одна гнусная ложь.

«Если вы откажетесь выходить за меня замуж, — сказал он, — вы признаете правдивость этих слухов, признаете, что боитесь предстать перед обществом в качестве моей жены».

Что я могла ответить на это? Возразить было нечего — он был совершенно прав: упорствуй я в своем отказе — и результатом станет полное крушение моей репутации. Я согласилась на венчание, как было договорено, и ушла. Прошла ночь, и я пришла к вам с окрепшим убеждением: этой невинной женщине суждено сыграть роковую роль в моей жизни. Я пришла к вам с одним-единственным вопросом, и вы единственный человек, который может на него ответить. Спрашиваю вас последний раз, сэр: кто я — демон, видевший ангела-мстителя, или всего-навсего жалкая жертва повредившегося рассудка?

Доктор встал, полный решимости прекратить беседу.

Услышанное произвело на него сильное и тягостное впечатление. Чем дольше он слушал ее, тем больше крепло в нем убеждение в порочности этой женщины. Напрасно пытался он увидеть в ней человека, заслуживающего сострадания, человека с болезненно впечатлительным воображением, сознающего готовность ко злу, которая таится и в наших душах, и честно старающегося открыть свое сердце и искупить вину благим порывом. Переломить себя он не смог. Какое-то упрямое чувство удерживало его только что не словами: «Остерегитесь довериться ей!»

— Я уже высказал вам свое мнение, — сказал он. — Медицина, насколько я могу судить, не видит признаков расстройства вашего рассудка или угрозы такового. А что до впечатлений, о которых вы поведали, могу только сказать, что это тот редкий случай, когда, смею думать, требуется скорее духовная помощь, нежели медицинская. В одном можете быть уверены: все, что вы сказали мне в этой комнате, не выйдет за ее стены. Ваша исповедь будет сохранена в тайне.

С какой-то обреченной покорностью она выслушала его до конца.

— Это все? — спросила она.

— Это все, — ответил он.

Она положила на стол маленький конверт с деньгами.

— Благодарю вас, сэр. Вот ваш гонорар.

С этими словами она поднялась. Ее устремленные вверх безумные темные глаза выражали столько отчаяния и невысказанной муки, что доктор отвернулся, не в силах вынести это зрелище. Его покорила сама мысль — взять у нее что-либо, до чего она коснулась, не говоря уже о деньгах. По-прежнему не глядя на нее, он сказал:

— Заберите, мне не нужен гонорар.

Она либо пропустила его слова мимо ушей, либо просто не слышала. Все так же не опуская глаз, она медленно выговорила:

— Пусть приходит конец. Я перестаю бороться, я смиряюсь.

Она опустила вуаль, кивнула доктору и вышла из комнаты.

Он позвонил и последовал за ней в переднюю. Когда слуга закрыл дверь, доктора вдруг охватило любопытство, недостойное его и тем не менее совершенно неодолимое. Покраснев, как мальчик, он сказал слуге:

— Следуйте за ней до дома и выясните ее имя.

Тот с минуту смотрел на хозяина, не веря своим ушам. Доктор Уайбрау молча обменялся с ним взглядом. Зная цену этому молчанию, послушный слуга взял шляпу и поспешил на улицу.

Доктор вернулся в приемную. У него резко переменилось настроение. Не оставила ли эта женщина заразу, которую он подхватил? Какой бес

обуял его, что он уронил себя в глазах собственного слуги? Он вел себя позорно — он сделал шпионом человека, столько лет беспорочно служившего ему. Одна эта мысль причиняла ему мучительную боль. Он выбежал в переднюю, открыл дверь. Слуги уже не было видно, и звать его было поздно. Оставалось одно утешение — работа. Он сел в экипаж и отправился объезжать своих больных.

Если когда и мог знаменитый целитель поколебать свою репутацию, так это в тот самый день. Никогда еще не был он так сух с больными. Никогда еще не откладывал на завтра то, что следовало сделать сегодня: выписать рецепт, дать свое заключение. Донельзя недовольный собой, он вернулся домой раньше обычного.

Слуга воротился еще раньше. Доктору Уайбрау было совестно спрашивать его. Не ожидая вопроса, слуга сам отчитался в своей миссии:

— Имя дамы — графиня Нарона. Она живет...

Не желая слышать адрес, доктор кивком подтвердил важность открывшегося имени и прошел в приемную. Гонорар, который он не смог вернуть, так и лежал на столе в белом конвертике. Он переложил его в большой конверт, запечатал, написал на нем «В пользу бедных» и адрес ближайшего полицейского суда, потом позвал слугу и велел ему утром же передать это судье. Не забывавший своих обязанностей слуга, помедлив, задал обычный вопрос:

— Обедать будете дома, сэр?

Поколебавшись, тот сказал:

— Нет, я обедаю в клубе.

Самой покладистой моральной категорией является так называемая совесть. В одном душевном состоянии совесть строго судит человека, выносит ему приговор; в другом же они прекрасно договариваются между собой, поделив ответственность. Когда доктор Уайбрау вторично уходил из дома в тот день, он даже не пытался скрыть от себя, что решил обедать в клубе с единственной целью: послушать, что говорят в свете о графине Нароне.

Глава 3

В былые времена, желая развлечь себя сплетнями, мужчина шел в дамское общество. Сейчас он поступает умнее. Он идет в курительную комнату своего клуба.

Доктор Уайбрау раскурил сигару и огляделся вокруг. Весь светский конклав собрался. В комнате было достаточно народу, однако общий разговор не клеился. Сам того не ожидая, доктор внес требуемое оживление. Когда он поинтересовался, не знает ли кто графиню Нарону, ответом ему был едва ли не общий вопль изумления.

— Такой странный вопрос, — заключил конклав, — здесь еще не звучал. Всякий мало-мальски светский человек знает графиню Нарону.

Авантюристка, оставившая по себе в Европе самую худую славу, — так они все аттестовали его гостью с мертвенным цветом лица и сверкающими глазами.

Переходя к подробностям, каждый внес свою лепту в скандальную биографию графини. Было сомнительно, та ли она, за кого себя выдает, то есть уроженка Далмации. Сомнительно, была ли она замужем за графом, чьей вдовой она себя объявляет. Сомнительно, точно ли братом доводится ей ее спутник в путешествиях, называющий себя бароном Риваром. Молва называла барона завсегдатаем всех карточных столов на континенте. Молва нашептывала, что в Вене его так называемая сестра едва не оказалась замешанной в громком деле об отравлении; что в Милане ее знали как австрийскую шпионку; что в ее парижских апартаментах полиция раскрыла частный игорный дом; что нынешнее ее появление в Англии было следствием этого разоблачения. И только один из собравшихся в курительной комнате вступился за поруганную даму, заявив, что о ней судят чересчур строго и несправедливо. Но человек этот был адвокатом, и его вмешательство ни к чему не привело: нашли, что в нем говорит дух противоречия, вообще свойственный людям этой профессии. Его язвительно спросили, как он находит обстоятельства помолвки графини, и он характерно ответил, что эти обстоятельства делают честь обеим сторонам и что, по его мнению, у будущего супруга завидный жребий.

Выслушав все это, доктор исторгнул долгий вопль изумления, поинтересовавшись именем джентльмена, за которого графиня готовится выйти замуж.

Курящие собратья единодушно признали, что знаменитый доктор не

кто иной, как второй Рип Ван Винкль ^[2], и что он только сейчас пробудился от своего фантастического двадцатилетнего сна. Похвально, конечно, что человек весь ушел в свою профессию и у него нет ни времени, ни желания ловить обрывки сплетен за обеденными столами и на балах. Но когда человек не знает, что графиня Нарона заняла в Гомбурге ^[3] деньги не у кого иного, как у лорда Монтбарри, а потом обманно вынудила предложение руки и сердца, такой человек, может статься, никогда не слышал и о самом лорде Монтбарри. Тут развеселившаяся клубная молодежь послала лакея за «Книгой пэров» и зачитала, к вящей пользе доктора, заметку об упомянутом аристократе, перемежая чтение дополнительной информацией от себя:

— «Герберт Джон Уэствик. Первый барон Монтбарри, из Монтбарри в Королевском графстве Ирландия. Возведен в звание пэра за отличную военную службу в Индии. Родился в 1812 году». Сейчас, значит, доктор, ему сорок восемь лет. «Не женат». Через неделю доктор женится на прелестнице, о которой мы говорили. «Предполагаемый наследник, второй брат его светлости, — Стивен Роберт; женат на Элле, младшей дочери преподобного Сайласа Мардена, ректора Раннигейта, имеет троих дочерей. Младшие братья его светлости, Фрэнсис и Генри, неженаты. Сестры его светлости: леди Барвилл замужем за сэром Теодором Барвиллом, баронетом; и Анна, вдова Питера Норбери, эсквайра из Норбери Кросс». Хорошо запомните родственников лорда, доктор. Три брата: Стивен, Фрэнсис и Генри Уэствики; и две сестры: леди Барвилл и миссис Норбери. Все пятеро будут отсутствовать на венчании, все пятеро сделают все возможное, чтобы его предотвратить, если графиня допустит хоть малейшую оплошность... Добавьте к этим враждебным членам клана еще одну оскорбленную родственницу, в «Книге», правда, не упомянутую молодую леди...

Поднявшийся возмущенный ропот пресек дальнейшие разоблачения:

— Не упоминайте несчастную, тут негоже глумиться. В бесчестье она повела себя благородно. Только одно может извинить Монтбарри: либо он безумец, либо дурак.

В таких словах высказалось единодушное возмущение. Посекретничав с соседом, доктор выяснил, что речь шла об известной ему (по исповеди графини) даме, которую оставил лорд Монтбарри. Звали ее Агнес Локвуд. Судя по рассказу, она была много привлекательнее графини и несколькими годами моложе ее. При том, что мужчины каждый божий день творят глупости из-за женщин, чудовищное ослепление Монтбарри далеко

превосходило все известное. В этом пункте сошлись все, включая адвоката. Ни одному не припомнились бесчисленные примеры, когда даже не притязавшие на красоту женщины пробуждали необоримое вожделение; и те самые члены клуба, которых графиня, при всех ее несовершенствах, очаровала бы без труда, задайся она этой целью, — они же больше всех поражались выбору Монтбарри.

Замужество графини еще вσεцело владело общим разговором, когда в курительную вошел член клуба, с чьим появлением воцарилась мертвая тишина. Сосед доктора Уайбрау шепнул:

— Брат Монтбарри — Генри Уэствик.

Горько усмехнувшись, вошедший обвел взглядом собрание.

— Вы говорите о моем брате, — сказал он. — Не обращайтесь на меня внимания. Никто не презирает его больше меня. Продолжайте, джентльмены, продолжайте.

Лишь один из присутствующих поймал его на слове — заступник графини.

— Я остаюсь в одиночестве, — сказал он, — однако мне не стыдно повторить мое мнение в чьем бы то ни было присутствии. Я считаю, что с графиней Нароной обходятся жестоко. Отчего ей не стать женой лорда Монтбарри? Кто решится сказать, что в этом браке ею движут корыстные расчеты?

Брат Монтбарри резко повернулся к говорившему.

— Я осмелюсь утверждать это, — ответил он.

Такой ответ мог сбить любого. Адвокат даже не дрогнул.

— А я уверен в своей правоте, — возразил он, — и утверждаю, что доход его светлости только-только поддерживает его положение; далее, что этот доход почти целиком извлекается из недвижимости в Ирландии, каковая вся до последнего акра есть неотчуждаемая собственность.

Брат Монтбарри сделал знак, что покуда у него нет возражений.

— Если его светлость умрет первым, — продолжал адвокат, — по моим сведениям, единственное содержание, которое он оставит своей вдове, будет арендное содержание собственности, а это не более четырех сотен в год. Пенсия и выплаты, естественно, прекратятся с его смертью. Поэтому все, что достанется графине, — это четыреста фунтов в год, если он оставит ее вдовой.

— Четыреста фунтов не все, что он оставит, — последовал ответ. — Мой брат застраховал свою жизнь на десять тысяч фунтов, всю эту сумму в случае своей смерти он завещал графине.

Это заявление произвело сильное действие. Все переглядывались,

повторяя поразительные слова «десять тысяч фунтов». Прижатый к стене, адвокат предпринял последнюю попытку удержаться на своей позиции.

— Могу я спросить, кто включил это соглашение в брачный контракт? — спросил он. — Уж, верно, не сама графиня?

— Брат графини, — ответил Генри Уэствик, — а это одно и то же.

Сказать больше было нечего — во всяком случае, в присутствии брата лорда Монтбарри. Разговор перешел на другие темы, и доктор отправился домой.

Однако нездоровое его любопытство в отношении графини все еще не было утолено. На досуге он нет-нет и раздумывал о том, удастся ли семейству лорда Монтбарри в конце концов расстроить этот брак. Больше того, его разбирало желание увидеть этого потерявшего голову человека. В немногое, оставшееся до венчания время он каждый день заходил в клуб, рассчитывая услышать что-нибудь новое. Но все оставалось по-прежнему, насколько это было известно в клубе. Положение графини было прочным; решение Монтбарри сделаться ее супругом несколько не поколебалось. Они оба были католиками, поэтому венчаться им предстояло в капелле на Испанской площади. Вот, собственно говоря, и все, что узнал доктор.

В день бракосочетания, немного поборовшись с собой, он таки пожертвовал своими большими и гинейми и тайком отправился посмотреть венчание. До самого последнего дня он будет гневаться на всякого, кто напомнит ему об этом приключении.

Венчание носило сугубо приватный характер. Перед церковными дверями стоял закрытый экипаж; внутри здания различалось несколько фигур, в основном простой люд, большинство пожилые женщины. Доктор Уайбрау узнал некоторых своих клубных собратьев, как и он, привлеченных сюда любопытством. У алтаря стояли четверо: жених, невеста и двое свидетелей — пожилая женщина, возможно, компаньонка или горничная графини, и, несомненно, ее брат, барон Ривар. Гости со стороны невесты, как и сама невеста, были в обычном выходном платье. В отношении внешности лорд Монтбарри был типичный военный средних лет: ни лицом, ни фигурой он не выделялся. И барон Ривар, со своей стороны, тоже являл собой распространенный и хорошо известный тип. Эти колючие усы, нагловатый взгляд, завитую шевелюру, молодеватую посадку головы сотни раз встретишь на парижских бульварах. Единственной его примечательной чертой было то, что он нимало не походил на свою сестру. И священник, совершавший обряд, был безобидный, угодливый старикашка, кое-как отправлявший свою службу и с трудом опускавшийся на ревматические колени. Единственно, кто

привлек к себе внимание, была сама графиня, но она подняла вуаль только с началом службы, а в скромном ее платье и разглядывать было нечего. Трудно себе представить более скучное и менее романтическое венчание. Время от времени доктор оглядывался на двери, глядел на хоры, смутно ожидая появления какого-нибудь протестующего, незнакомца, владевшего страшной тайной и посланного прекратить этот обряд. Но ничего подобного не происходило — ничего из ряда вон выходящего, ничего драматического. Объявленные мужем и женой, те двое ушли в сопровождении своих свидетелей расписываться в приходской книге. А доктор Уайбрау все ждал, он еще упорно надеялся на то, что должно же произойти нечто, заслуживающее внимания.

Новобрачные вышли и рука об руку направились из церкви. При их приближении доктор Уайбрау отступил назад, но графиня, к его смущению, высмотрела его. Он услышал, как она сказала мужу:

— Одну минуту, я вижу своего друга.

Монтбарри кивнул и остановился.

Она подошла к доктору, взяла его за руку и сильно сжала ее. Он сквозь вуаль почувствовал нестерпимый взгляд ее темных глаз.

— Видите, еще один шаг на пути к концу! — Прошептав эти странные слова, она вернулась к мужу.

Доктор еще собирался с мыслями, когда лорд и леди Монтбарри сели в свой экипаж и уехали.

Снаружи, перед дверьми церкви, стояли три-четыре члена клуба, как и доктор Уайбрау, наблюдавшие церемонию из любопытства. Рядом с ними в одиночестве стоял брат невесты. Очевидно, ему хотелось на свету разглядеть человека, с которым разговаривала его сестра. Его нагловатые глаза с подозрением ощупали лицо доктора. Но вот облачко развеялось, барон с очаровательной любезностью улыбнулся, поднял шляпу, приветствуя сестриного друга, и ушел.

На ступенях церкви составился клубный конклав. Начали с барона:

— Чертовски мерзкий вид у этого афериста!

Потом досталось Монтбарри:

— Он собирается везти эту ужасную женщину в Ирландию?

— Ну что вы! Как он посмотрит в глаза своим арендаторам? Они все знают про Агнес Локвуд.

— Понятно. Тогда куда же он направляется?

— В Шотландию.

— И она согласилась?

— Это всего на пару недель. Они вернутся в Лондон и уедут за

границу.

— И уже никогда не вернутся в Англию?

— Как знать! Вы заметили, как она посмотрела на Монтбарри, когда подняла вуаль в начале службы? На его месте я бы дал тягу. Вы ее видели, доктор?

Но к этому времени доктор уже вспомнил про своих пациентов, и с него было достаточно клубных сплетен. Он последовал примеру барона Ривара и удалился.

«Видите, еще один шаг на пути к концу», — повторял он про себя, направляясь домой.

К какому концу?

Глава 4

В тот день, когда те двое вступили в брак, в маленькой гостиной своей лондонской квартиры Агнес Локвуд в одиночестве сжигала письма, которые в минувшее время писал ей Монтбарри.

Тот язвительный портрет, что набросала графиня в разговоре с доктором Уайбрау, и близко не передавал обаяния, составлявшего самую примечательную черту Агнес, — безыскусного выражения доброты и чистоты, привлекавших всякого, кто ее видел. Она выглядела много моложе своих лет. Светлолицая и застенчивая, она легко сходила за девочку, хотя на самом деле приближалась уже к тридцати. Она жила с преданной няней на скромный доход, которого хватало как раз на них двоих. Ни следа понятной грусти не было на ее лице, когда она медленно рвала письма и бросала обрывки в огонь, специально для того разведенный. К несчастью для себя, она была из тех женщин, которые слишком глубоко чувствуют, чтобы выплакаться. Бледная и спокойная, она холодными подрагивающими пальцами уничтожала одно письмо за другим, не отваживаясь напоследок перечесть их. Она как раз рвала последнее, чтобы бросить его в прожорливое пламя, как вошла старая няня и спросила, желает ли она видеть «мастера ^[4]Генри», имея в виду самого младшего из семейства Уэствиков, того самого, кто публично порицал своего брата в курительной клуба.

Агнес помедлила в нерешительности. Слабый румянец выступил у нее на лице.

Много воды утекло с тех пор, как Генри Уэствик признался ей в своей любви. Она же призналась ему в том, что сердце ее отдано старшему брату. Он примирился с порушенными надеждами, и с тех пор они общались дружески и по-родственному. Никогда прежде он не связывался у нее с неприятными воспоминаниями. Но сегодня, когда его брат, обвенчавшись с другой женщиной, окончательно предал ее, ей почему-то было неприятно его видеть. Помнившая их еще малыши детьми, старая няня терпеливо выжидала. Она, конечно же, симпатизировала Генри и потому поспешила ему на помощь:

— Он говорит, что уезжает, дорогая, и просто пришел проститься.

Эта простая причина возымела свое действие. Агнес решила принять кузена.

Тот вошел так стремительно, что обрывки последнего письма

Монтбарри она бросила в огонь уже при нем. Она поспешила заговорить первой.

— Ты так неожиданно уезжаешь, Генри. Дела? Или развеяться?

Вместо ответа он ткнул пальцем в догоравшее письмо и черный пепел, устилавший дно камина:

— Ты жжешь письма?

— Да.

— Его письма?

— Да.

Он мягко взял ее за руку.

— Я не знал, что вторгаюсь, когда тебе надо побыть одной. Прости, Агнес. Я навещу тебя, когда вернусь.

Слабо улыбнувшись, она показала ему на кресло.

— Мы знаем друг друга с детства, — сказала она. — Чего ради я буду играть в самолюбие перед тобой? Зачем мне иметь от тебя секреты? Некоторое время назад я отослала твоему брату все его подарки. Мне посоветовали сделать больше — ничего не оставлять, что могло бы напомнить о нем. Словом, сжечь его письма. Я последовала этому совету, но, признаться, когда я рвала это последнее письмо, у меня дрогнула рука. Нет, не потому, что оно последнее, а потому, что в нем было вот это.

Она раскрыла ладонь и показала ему локон Монтбарри, перевязанный золотой нитью:

— Что ж, пусть сгорит заодно со всем.

Она бросила локон в огонь. С минуту она стояла спиной к Генри, держась за каминную доску, и глядела в огонь.

Он сел в кресло, выражая лицом противоречивые чувства: в глазах у него стояли слезы, а брови сердито хмурились. Он пробормотал себе под нос:

— Черт бы его взял!

Она собралась с духом и свой вопрос задала, уже повернувшись к нему лицом:

— Так почему ты уезжаешь, Генри?

— У меня скверное настроение, Агнес, и я хочу сменить обстановку.

Она не сразу продолжила разговор, по его лицу она явственно видела, что, отвечая на ее вопрос, он думал о ней. Она чувствовала к нему благодарность, но ее душа была не с ним: ее душа еще была с человеком, который ее оставил. Она снова отвернулась и уставилась в огонь.

— Это правда, — спросила она после долгого молчания, — что они поженились сегодня?

Его односложный ответ прозвучал резко:

— Да.

— Ты был в церкви?

Он возмутился вопросу.

— «В церкви»? — повторил он. — Да я бы скорее пошел... — Он вовремя сдержался. — Как ты можешь спрашивать? — продолжал он тише. — Я не разговаривал с Монтбарри, не виделся с ним с тех пор, как он выказал себя перед тобой подлецом и дураком, кем он и является на деле.

Она молча вскинула на него глаза. Он понял ее и попросил прощения, однако ярость его не унялась.

— Расплата, — сказал он, — настигает иных еще в этой жизни. Он еще раскается в том, что женился на этой женщине.

Агнес села в соседнее кресло и поглядела на него с легким удивлением.

— Можно ли так сердиться на нее лишь потому, что твой брат предпочел ее мне? — спросила она.

— Тебе совсем некого защищать в этом мире, кроме графини? — резко оборвал ее Генри.

— А почему не защищать ее? — удивилась Агнес. — Я ничего дурного про нее не знаю. В тот единственный раз, что мы виделись, она была такая растерянная, беспокойная, у нее был совершенно больной вид, и она действительно была нездорова настолько, что потеряла сознание, хотя там было не жарче, чем в моей комнате. Почему не отдать ей справедливость? Мы знаем, что у нее не было никакого намерения сделать мне плохо; ей ничего не было известно о моей помолвке...

Генри нетерпеливо поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Так можно оправдать и простить все что угодно, — перебил он ее. — Мне не по душе твоя терпимость, когда с тобой обошлись самым безобразным образом. Постарайся забыть их обоих, Агнес. Господи, если бы я мог тебе помочь в этом!

Агнес взяла его за руку.

— Ты очень добр ко мне, Генри. Но ты не совсем правильно понимаешь меня. Я сама и мои неприятности представлялись мне совсем в ином свете, когда ты вошел. Неужели мое чувство к твоему брату, задавала я себе вопрос, которое без остатка заполняло мое сердце и востребовало все лучшее во мне и истинное, — неужели оно может пройти и не оставить о себе никакой памяти? Я уничтожила последние свидетельства, напоминавшие мне о нем. В этой жизни я его больше не встречу. Но неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? И я

отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга? Что ты об этом думаешь, Генри? Я не могу в это поверить.

— Если бы ты могла его наказать, как он того заслуживает, — твердо ответил Генри Уэствик, — я бы, пожалуй, мог согласиться с тобой.

Едва он кончил говорить, как в дверях появилась старуха няня с известием о новом госте.

— Простите, что тревожу вас, милая. Миссис Феррари хочет узнать, когда она сможет сказать тебе несколько слов.

Задержав ее, Агнес повернулась к Генри:

— Ты ведь помнишь Эмили Бидуэлл, мою любимую ученицу в деревенской школе, хотя это было давно? Потом она была у меня горничной. Она ушла, когда вышла замуж за итальянца Феррари, курьера [5], и, боюсь, у них не очень хорошо обстоят дела. Ты не будешь возражать, если я минутой-другую поговорю с ней?

Генри стал прощаться.

— В другое время я бы с удовольствием повидал Эмили, — сказал он, — а сейчас мне лучше уйти. У меня душа не на месте, Агнес. Задержись я у тебя, не дай бог, наговорю такого, чего лучше сейчас не говорить. Вечером на почтовом я переберусь через Ла-Манш — и посмотрим, как-то мне помогут несколько недель в другой обстановке. — Он взял ее за руку. — Хоть что-нибудь я могу для тебя сделать? — действительно спросил он.

Поблагодарив, она постаралась тихо высвободиться. Он удержал ее подрагивающей рукой.

— Благослови тебя Бог, Агнес, — сказал он запнувшимся голосом, не в силах поднять на нее глаза.

Ее лицо вспыхнуло и в следующую секунду покрылось смертельной бледностью. Она знала его сердце так же хорошо, как он сам его знал, и от переживаний не могла вымолвить ни слова. Он поднес ее руку к губам, жарко поцеловал ее и, по-прежнему не глядя на нее, вышел из комнаты. Хромавшая следом няня проводила его до лестницы. Она не забыла о неудавшемся соперничестве младшего брата за руку Агнес.

— Не падайте духом, мастер Генри, — шепнула старуха со здоровой бесцеремонностью простолюдинки. — Попытайте ее еще разок, когда вернетесь.

Оставшись одна, Агнес прошла по комнате, стараясь успокоиться. Она остановилась перед маленькой акварелью на стене, доставшейся ей от матери. Там была она сама, маленькой девочкой. «Насколько бы мы были

счастливей, — грустно подумала она, — если бы никогда не выросли».

Вошла, почтительно приседая и часто покашливая, жена курьера — кроткая, понурая пигалица со светлыми ресницами и слезящимися глазами. Агнес приветливо пожала ей руку.

— Ну, Эмили, что я могу для тебя сделать?

На это жена курьера дала странный ответ:

— Даже боюсь говорить вам, мисс.

— Что, такая обременительная просьба? Садись, я хочу послушать, как ты живешь. Может, за разговором просьба сама собой выскажется. Как с тобой обходится муж?

Светло-серые глаза Эмили совсем заволоклись слезами. Она покачала головой и обреченно вздохнула:

— Пожаловаться, мисс, вроде бы и не на что, только, боюсь, не думает он обо мне. И к дому потерял интерес, даже, могу сказать, скучно ему дома. Для нас обоих было бы лучше, мисс, если бы он уехал куда с путешественниками, не говоря уж про деньги, которых с грехом пополам хватает. — Она поднесла к глазам платок и вздохнула совсем безнадежно.

— Я не очень понимаю, — сказала Агнес. — По-моему, твой муж подряжался везти нескольких дам в Италию и Швейцарию?

— Тут ему не повезло, мисс. Одна леди заболела, а другие без нее не поехали. Они заплатили ему месячное жалованье как компенсацию, а нанимали ведь на осень и зиму, так что он много потерял.

— Сочувствую, Эмили. Будем надеяться, что скоро ему представится другой случай.

— Теперь не его очередь, мисс, когда в контору придут новые заявки на курьеров. Их там столько сейчас сидит без работы. Вот если бы его рекомендовали в частном порядке... — Она многозначительно смолкла.

Агнес поняла ее без лишних слов.

— То есть вам нужна моя рекомендация, — сказала она. — Что же ты сразу не сказала?

Эмили залилась краской.

— А как бы ему это было кстати! — сказала она, смущаясь. — Сегодня в контору пришло письмо, интересуются хорошим курьером. Договор на шесть месяцев, мисс. А на очереди другой, и секретарь, конечно, будет его рекомендовать. Если бы муж мог отправить с той же почтой свои рекомендации с одним-единственным словечком от вашего имени, мисс, то чаша весов, как говорится, может, и склонилась бы в его пользу. Для господ частная рекомендация большое имеет значение.

Она снова замолчала, снова вздохнула и устала в ковер, словно

имела причину стыдиться за себя.

Агнес стала утомлять таинственность, с которой высказывалась ее гостья.

— Если ты хочешь, чтобы я повлияла на кого-нибудь из моих друзей, почему ты не назовешь имя?

Жена курьера пустила слезу:

— Мне стыдно, мисс.

— Что за чушь, Эмили! Либо назови имя, либо оставим этот разговор.

Эмили предприняла последнюю отчаянную попытку. Она судорожно скомкала платок и выпалила:

— Лорд Монтбарри.

Агнес поднялась и взглянула на нее.

— Ты меня огорчаешь, — сказала она ровным голосом, хотя такого лица жена курьера у нее никогда прежде не видела. — Ты достаточно знаешь, чтобы понимать невозможность для меня сношений с лордом Монтбарри. Я всегда предполагала в тебе некоторую чуткость. Очень жаль, что я ошиблась.

При всей своей потерянности Эмили как должное восприняла упрек. Она понуро скользнула к двери.

— Простите меня, мисс. Ей-богу, я не такая дурная, как вы думаете. Все равно простите меня. — Она открыла дверь.

Агнес позвала ее. Это извинение с оговоркой смутило ее честное и великодушное сердце.

— погоди, — сказала она. — Нельзя так расставаться. Я не хочу обмануться в тебе. Что, по-твоему, я должна сделать?

На сей раз Эмили ухватило ума отвечать без околичностей:

— Мой муж отошлет свои рекомендации лорду Монтбарри в Шотландию, и я хотела, чтобы вы позволили ему приписать в письме, что, мол, знаете его жену с детства, что благополучие в нашей семье вам не безразлично. Сейчас я уже этого не прошу, мисс. Я теперь вижу, что я плохо придумала.

— Да так ли уж плохо? — Нахлынувшие воспоминания и нынешние горести заступались перед Агнес за эту женщину. — Не бог ведь что ты просишь, — сказала она с отзывчивостью, на которую всегда была готова. — Но вряд ли я могу допустить, чтобы в письме твоего мужа упоминалось мое имя. Повтори еще раз, что именно он хочет сказать.

Эмили повторила и еще подала совет, в глазах людей непишущих исполненный особого значения:

— Может, вы проверите, мисс, как это смотрится в письме?

Смешная мысль, но Агнес уступила.

— Если я позволю вам упомянуть мое имя, то нужно решить, что именно вы должны сказать.

И она набросала несколько простых и ясных слов: «Осмелюсь доложить, что мою жену ребенком знала мисс Агнес Локвуд, которая по этой причине отчасти заинтересована в моем благосостоянии». Упоминание ее имени в одной-единственной фразе даже не предполагало, что Агнес могла это позволить или вообще об этом знала. Поборов последние сомнения, она передала листок Эмили.

— Твой муж должен переписать это в точности, ничего не меняя, — предупредила она. — Только на этом условии я выполню твою просьбу.

Эмили была растрогана до глубины души. Агнес поспешила выпроводить ее из комнаты.

— Ступай же, пока я не раскаялась и не забрала записку обратно, — сказала она.

Эмили исчезла.

«Неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? Неужели я отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга?» Агнес бросила взгляд на каминные часы. И десяти минут не прошло с тех пор, как она задавалась этим же глубокомысленным вопросом. Поразительно, насколько будничным получился ответ на него. Вечерняя почта напомнит Монтбарри о ней, когда он будет выбирать себе слугу.

Через два дня она получила несколько благодарственных строк от Эмили. Ее муж получил это место. Феррари наняли самое малое сроком на шесть месяцев.

Часть вторая

Глава 1

Пробыв в Шотландии всего неделю, милорд и миледи неожиданно вернулись в Лондон. Мельком повидав озера и горы на севере, ее светлость не пожелала углублять знакомство с ними. Когда поинтересовались причиной того, она отвечала с римским лаконизмом:

— Я видела Швейцарию.

Еще неделю молодожены прожили в Лондоне в совершенном затворничестве. В один из этих дней, исполнив поручение Агнес, няня вернулась домой в небывалом возбуждении. Она видела, как из дома с вывеской модного дантиста выходил лорд Монтбарри собственной персоной. Эта добрая женщина не без злорадства расписала его до крайности болезненный вид:

— Щеки, дорогая, впали, а борода совсем стала седая. Надеюсь, дантист его еще помучит!

Зная, с каким жаром ненавидит изменщика преданная ей няня, Агнес сделала скидку на значительную долю преувеличения в представленной картине. Новость была досадна тем, что посеяла в ней тревогу. Если она среди бела дня разгуливает по улицам, покуда лорд Монтбарри остается в Лондоне, то какие могут быть гарантии, что в следующий раз он не столкнется с нею? И следующие два дня, коря себя за недостойное поведение, она безвыходно провела дома.

На третий день светская хроника оповестила читателей газет, что лорд и леди Монтбарри отбыли в Париж и далее проследуют в Италию.

Зашедшая в тот же вечер миссис Феррари рассказала, что муж распрощался с ней самым нежным образом; маячившая за граница сильно смягчила его нрав. Из слуг, ехавших с путешественниками, была еще только горничная леди Монтбарри, женщина замкнутая, необщительная, как передавала Эмили. Брат ее светлости, барон Ривар, был уже на континенте. По договоренности он должен был ждать сестру и зятя в Риме.

Скучные недели сменяли одна другую в жизни Агнес. Она с замечательным мужеством переносила свое положение; в часы вынужденного досуга читала или рисовала, не упуская ни единой возможности отвлечься от печальных воспоминаний. Но она так преданно любила, так глубока была ее рана, что вся ее духовная работа не приносила нужного утешения. Общаясь с ней в будничной обстановке, люди обманывались насчет ее внешнего спокойствия и заключали, что мисс

Локвуд, похоже, справляется со своими невзгодами. Однако старая, еще со школьных лет, подруга, повидав Агнес в свой краткий наезд в Лондон, несказанно расстроилась перемене в ней. Эта дама была миссис Уэствик, жена второго брата лорда Монтбарри, в «Книге пэров» названного предполагаемым наследником. Сам он был в отъезде, присматривал за своими рудниками в Америке. Миссис Уэствик настаивала, чтобы Агнес поехала с ней к ним в Ирландию.

— Поживи со мной, пока нет мужа. Побудешь за старшую у моих троих девчушек; из чужих в доме только гувернантка, и я заранее знаю, что она тебе понравится. Собирай вещи, и завтра я заеду за тобой перед поездом.

Приглашение было сделано от чистого сердца, и Агнес с благодарностью его приняла. Она провела три счастливых месяца под кровом у своей подруги. Девочки висли на ней в слезах, когда она уезжала, младшенькая просила взять ее с собой в Лондон. Наполовину в шутку, наполовину всерьез она сказала старой подруге при прощании:

— Если от вас уйдет гувернантка, придержи место для меня.

Миссис Уэствик рассмеялась. Умные же ребята приняли эти слова всерьез и обещали держать ее в курсе.

Едва мисс Локвуд вернулась в Лондон, как прошлое, которое она так старалась забыть, напомнило о себе. Она облобызала старушку няню, оставшуюся приглядеть за квартирой, и та сразу выложила ошеломляющую новость:

— Приходила миссис Феррари, дорогая, она в ужасном виде, спрашивала, когда ты вернешься. Ее муж без всякого предупреждения ушел от лорда Монтбарри — и никто не знает, где он и что.

Агнес удивленно глянула на нее.

— Ты отвечаешь за свои слова? — спросила она.

— Господь с тобой! Эта новость пришла из конторы курьеров на Голден-сквер, от самого секретаря — вот так-то!

Услышанное поразило и встревожило Агнес. Вечер был ранний. Она сразу послала к миссис Феррари — сказать, что приехала.

Через час явилась плохо владевшая собой от тревоги жена курьера. Ее рассказ, как скоро она обрела связную речь, целиком подтвердил слова няни. Достаточно быстро получив письма из Парижа, Рима и Венеции, Эмили затем писала ему дважды — он не отвечал. Тревожась за него, она пошла в контору на Голден-сквер: может, там что знают? Как раз в то утро секретарь получил письмо из Венеции от одного их курьера. В нем содержалась ошеломляющая новость касательно Феррари. Его жене

разрешили снять копию с письма, и сейчас она передала ее Агнес.

Автор письма сообщал, что в Венецию он прибыл совсем недавно. Прежде он слышал, что Феррари живет с лордом и леди Монтбарри в одном из старинных венецианских палаццо, которое те сняли на срок. С Феррари они были друзья, и он пошел проведать его. Безрезультатно позвонив в дверь, он узкой венецианской улочкой прошел к боковому входу. У этой двери, словно уверенная, что он сюда неминуемо придет, стояла бледная женщина с выразительными темными глазами. Оказалось, что это не кто иной, как леди Монтбарри.

Она спросила по-итальянски, что ему нужно. Он ответил, что ему нужно видеть курьера Феррари, если это возможно. Та сообщила, что Феррари покинул палаццо, не выставив никаких претензий и даже не оставив адреса, на который ему можно переслать его месячное жалованье (оно тогда ему полагалось). Пораженный курьер спросил:

— Не оскорблял ли кто Феррари? Не было ли какой ссоры?

Дама отвечала:

— Ничего подобного, насколько я знаю. Я леди Монтбарри, и я положительно утверждаю, что в этом доме с Феррари обращались чрезвычайно доброжелательно. Мы, как и вы, поражены его исчезновением. Если вы про него что-либо услышите, умоляю, дайте нам знать. Мы по крайней мере заплатим деньги, которые ему причитаются.

Спросив еще, в какой день и час Феррари ушел из палаццо, и получив ясные ответы, курьер распрощался и ушел.

Он сразу же повел необходимое расследование — впрочем, без всякого результата. Никто не видел Феррари, никто, похоже, не был облачен его доверием. Даже о таких важных персонах, как лорд и леди Монтбарри, никто не знал ничего, — по крайней мере ничего такого, что представляло интерес.

Говорили, что до исчезновения Феррари от леди Монтбарри ушла ее горничная, уехав к своим родственникам домой, и что леди Монтбарри даже не пыталась подыскать себе новую горничную. Говорили, что его светлость хворает, что он стал совершенным затворником, никого не принимает, даже соотечественников. Отыскали глупую старуху, убиравшую в палаццо, — утром она приходила, а вечером уходила. Пропавшего курьера она не видела. Не видела даже лорда Монтбарри, который из-за болезни не выходил из комнаты. Ее светлость, «любезная и славная госпожа», сама обихаживала своего благородного супруга. Насколько старуха могла судить, других слуг, кроме нее, в доме не было. Еду приносили из ресторана. Лорд, говорили, не любит посторонних. Его зять,

барон, обычно запирался где-то в глубине палаццо, производя (по словам любезной госпожи) химические опыты. От этих опытов иногда стоял ужасный запах. Недавно к его светлости вызывали врача — итальянского врача, он старожил Венеции. Расспросили и этого джентльмена (врача знающего и достойного). Оказалось, что он тоже не видел Феррари. Его вызывали в палаццо уже после исчезновения курьера, как о том свидетельствовала его памятная книга. У милорда, сказал доктор, бронхит. И хотя приступ был сильный, оснований для беспокойства пока нет. Если появятся тревожные признаки, он договорился с ее светлостью, чтобы она позвала еще одного врача. А вообще ничего, кроме хорошего, о миледи сказать нельзя. Она круглыми сутками у постели мужа.

Вот и все подробности, которые выведал курьер, друг Феррари. Полиция не забывала о пропавшем, и это была единственная надежда, которая еще оставалась у жены Феррари.

— Что вы думаете об этом, мисс? — нетерпеливо спросила бедная женщина. — Что вы мне посоветуете?

Агнес была в растерянности. Она едва слышала, что говорила Эмили. Упоминание Монтбарри в письме курьера, его болезнь, его затворничество разбередили старые раны. Она забыла думать о пропавшем Феррари; душой она была в Венеции, у постели больного.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — сказала она. — Я никогда не сталкивалась с таким серьезным делом.

— А вам не поможет, мисс, если вы прочтете письма моего мужа? Их всего три. Это недолго.

Из сочувствия к ней Агнес прочла эти письма. Они не отличались особой сердечностью. Самыми теплыми в них были обязательные слова: «Дорогая Эмили» и «Целую, твой...». Отзыв о лорде Монтбарри в первом письме был не очень благоприятным:

«Мы уезжаем из Парижа завтра. Мне лорд не очень нравится. Он гордый и холодный человек и, между нами, скуповатый. Мне пришлось поспорить с ним из-за такой чепухи, как несколько сантимов в гостиничном счете; и еще я пару раз слышал, как супруги резко говорили друг с другом, поскольку ее светлость не сдерживает себя в соблазнительных парижских лавочках. „Я не могу себе этого позволить; вам должно хватать вашего содержания,“ — вот такие слова приходится ей выслушивать. Что до нее, то она мне нравится. Она держится легко и приятно, как все иностранцы, она говорит со мной так,

словно я тоже человек».

Следующее письмо было из Рима.

«Из-за причуд милорда, — писал Феррари, — нам всем не сидится на одном месте. Словно его зуд разбирает. Я думаю, у него беспокойно на душе. Его, скорее всего, мучат воспоминания. Я то и дело застаю его за чтением старых писем, когда ее светлости нет дома. Мы должны были остановиться в Генуе, но он погнал нас дальше. То же самое во Флоренции. Но здесь, в Риме, миледи потребовала остановиться. Здесь нас встретил ее брат. Милорд и барон уже успели поссориться (мне горничная рассказывала). Барон просил денег взаймы. Милорд отказал таким тоном, что барон оскорбился. Миледи их помирила, заставила пожать друг другу руки».

Третье, последнее письмо было из Венеции.

«Милорд продолжает экономить. Вместо того чтобы остановиться в гостинице, мы сняли сырой, весь в плесени, расползшийся во все стороны старый дворец. В отелях миледи требует личных апартаментов, а палаццо на два месяца обойдется дешевле. Милорд хотел снять на большой срок — он говорил, что венецианский покой хорошо действует на его нервы. Но какой-то иностранный архитектор подрядился переделать палаццо в гостиницу. Барон еще с нами, и ссоры из-за денег продолжаются. Барон мне не нравится, и в миледи я разочаровываюсь. Все было гораздо приятнее, пока к нам не присоединился барон. Милорд аккуратный казначей. Для него это вопрос чести. Он ненавидит расставаться с деньгами, но расстается, потому что связан словом. Я регулярно получаю свое жалованье в конце каждого месяца, причем ни франка лишнего, а чего я только ни делал, что не входит в обязанности курьера! Представь, барон пытался занять денег у меня! Он заядлый игрок. Я не поверил, когда мне об этом сказала горничная миледи, но с тех пор я повидал достаточно и знаю, что это правда. И много еще я нагляделся такого, что не прибавило уважения к миледи и барону. Горничная говорит, что собирается уходить. Она англичанка, дама почтенная, строгая, не то что я. Жизнь у нас скучная. В гости не

ходим, у себя не принимаем. Милорд не видит ни единой живой души — ни консула даже, ни банкира. Выходит всегда один, и всегда под вечер. Когда дома, запирается у себя в комнате и всячески избегает жены и барона. Я считаю, добром тут не кончится. Если милорд что-нибудь заподозрит, последствия будут ужасные. Монтбарри лучше не искушать, он ни перед чем не остановится. Однако жалованье у меня хорошее, и заговаривать об уходе, как горничная, мне не пристало».

Быстро же пришло наказание изменнику! Стыд и горечь терзали Агнес душу, когда она возвращала письма. Плохая она сейчас советчица.

— Единственно, что я могу предложить, — сказала она в дополнение к словам утешения и надежды, — это посоветоваться с человеком, который гораздо опытнее нас с тобой. Что если я попрошу моего адвоката — он к тому же мой друг и опекун — зайти завтра, как освободится, и что-нибудь посоветовать нам?

Эмили благодарно ухватилась за это предложение. Договорились, когда встретиться завтра. Письма остались у Агнес; жена курьера наконец ушла.

Вымотавшаяся и удрученная Агнес прилегла на кушетку. Заботливая няня принесла чашку бодрящего чая. Ее забавная болтовня, как она тут справлялась без Агнес, действовала успокоительно на сокрушенное сердце ее госпожи. Они мирно беседовали, когда громкий стук во входную дверь заставил их вздрогнуть. Кто-то спешно поднимался по лестнице. Дверь распахнулась, и в гостиную с безумным видом вбежала жена курьера.

— Он мертв! Они убили его! — Выговорив эти дикие слова, она рухнула на колени перед кушеткой, вытянула руку, что-то сжимавшую в кулаке, и потеряла сознание.

Взглядом велев Агнес открыть окно, няня начала приводить женщину в чувство.

— Что это? — воскликнула она. — Да у нее письмо в руке! Взгляните-ка, мисс.

На раскрытом конверте явно измененным почерком было написано: «Для миссис Феррари». На почтовом штемпеле значилось: «Венеция». В конверте был лист иностранной почтовой бумаги и что-то сложенное вдвое.

На бумаге также измененным почерком была выведена единственная фраза: «Пусть это облегчит вам утрату мужа».

Агнес развернула вторую бумагу.

Это был кредитный билет Английского банка на тысячу фунтов.

Глава 2

На следующий день мистер Трой, друг и советчик Агнес, пожаловал к ней, о чем было договорено накануне вечером.

Миссис Феррари, по-прежнему убежденная в смерти мужа, оправилась настолько, что могла присутствовать на совещании. С помощью Агнес она поведала адвокату то небольшое, что знала об исчезновении Феррари, и предложила все письма, имевшие к этому отношение. Мистер Трой сначала прочел три письма, написанные Феррари жене, потом письмо, написанное приятелем Феррари и содержащее рассказ о его посещении палаццо и разговоре с леди Монтбарри, и в последнюю очередь — ту единственную фразу, написанную безымянной рукой, что сопровождала необычный подарок жене Феррари.

Позднее прославившийся защитой интересов леди Лидьяр в деле о краже, обычно называемом «Дело о деньгах миледи», мистер Трой был не только человек опытный и знающий, но также, что называется, повидавший людей и дома, и за границей.

Проницательный, со своеобразным юмором, отзывчивый, чему не мешал даже его профессиональный опыт юриста, он при всех своих достоинствах едва ли подходил сейчас на роль советчика. Миссис Феррари, отличная жена и хозяйка, была самой заурядной женщиной. Мистер Трой меньше всего мог рассчитывать на то, чтобы завоевать ее расположение: он был прямой противоположностью самого заурядного мужчины.

— У бедняжки совсем больной вид! — этими бесцеремонными словами по адресу миссис Феррари юрист открыл вечернее заседание.

— Она перенесла ужасный удар, — заметила Агнес.

С интересом, которого заслуживает человек, перенесший ужасный удар, мистер Трой снова взглянул на миссис Феррари. Он рассеянно побарабанил пальцами по столу. Наконец он заговорил:

— А вы, уважаемая, верите тому, что ваш муж умер?

Миссис Феррари поднесла платок к глазам. Слово «умер» слабо выражало ее мысли.

— Убили! — не отнимая платка, сказала она твердо.

— Зачем? И кто? — спросил мистер Трой.

Миссис Феррари помешкала с ответом.

— Вы читали письма моего мужа, сэр, — начала она. — Наверное, он обнаружил... — Споткнувшись, она не стала продолжать.

— Что он обнаружил?

Людское терпение не безгранично — даже терпение новоиспеченной вдовы. Раздраженная этим холодным вопросом, миссис Феррари высказалась наконец начистоту.

— Насчет леди Монтбарри и барона! — истерически взвизгнула она. — Этой скверной женщине барон такой же брат, как я. А мой муж прознал об их преступлении. Из-за этого и горничная ушла от госпожи. Если бы Феррари тоже ушел, он сейчас был бы живой. Они его убили. Да, убили, чтобы это не дошло до ушей лорда Монтбарри. — Рубленными фразами, срывающимся голосом миссис Феррари высказала свое мнение о случившемся.

Придерживая свою точку зрения про запас, мистер Трой слушал с насмешливо-одобрительным видом.

— Изложено хоть куда, миссис Феррари, — сказал он. — Вы отлично построили свою речь, искусно сплели свои выводы. Будь вы мужчиной, из вас вышел бы славный адвокат — вы бы прибрали к рукам всех присяжных. Кончайте же дело, уважаемая, кончайте дело. Расскажите нам, кто послал это письмо, кто вложил кредитный билет. Едва ли те двое, что убили Феррари, порывшись в карманах, стали бы вам посылать тысячу фунтов. Кто же тогда? Я вижу штамп на письме: «Венеция». Может быть, у вас есть там друг с большим сердцем и таким же большим кошельком, который посвящен в тайну и желает успокоить вас анонимно?

Ответить было непросто. Миссис Феррари стала закипать ненавистью к мистеру Трою.

— Я вас не понимаю, сэр, — сказала она. — По-моему, сейчас не время шутить.

Тут вмешалась Агнес. Она под села поближе к своему советчику и другу.

— Какое же может быть самое вероятное объяснение, по вашему мнению? — спросила она.

— Я оскорблю миссис Феррари, высказав его, — ответил мистер Трой.

— Нет-нет, сэр, вы меня не оскорбите! — вскричала миссис Феррари, к этому времени откровенно ненавидевшая мистера Троя.

Адвокат откинулся в кресле.

— Отлично, — сказал он самым добродушным образом. — Давайте внесем ясность. Заметьте, мадам, я не оспариваю ваш взгляд на положение дел в венецианском палаццо. В подтверждение его у вас есть письма вашего мужа; в вашу пользу и то важное обстоятельство, что горничная леди Монтбарри действительно оставила дом. Возможно, таким образом,

предположить, что лорда Монтбарри сделали жертвой гнусного обмана, что мистер Феррари первым обнаружил это и что виновные имели основания бояться не только того, что он сообщит лорду Монтбарри о своем открытии, но и выступит главным свидетелем против них, если этот скандал будет обнародован в суде. А теперь следите. Допуская все эти соображения, я вывожу совершенно иное заключение, нежели то, к которому вы пришли. Итак, ваш муж оказывается в этом жалком семействе на третьем — причем его положение самое щекотливое. Что он делает? Если бы не кредитный билет и приложенная к нему записка, я бы заключил, что он мудро отказался быть причастным к позорному разоблачению, тайно бежав из дворца. Деньги вносят поправку, и не в пользу мистера Феррари. Я по-прежнему убежден, что он держится в стороне. Но я теперь добавлю, что ему заплатили за это; и вот эта банкнота не что иное, как цена его отсутствия, которую виновные выплатили его жене.

Слезящиеся глазки миссис Феррари вдруг вспыхнули огнем; ее скучное, серое лицо стало наливаться краснотой.

— Это ложь! — вскричала она. — Вам должно быть стыдно говорить такие вещи о моем муже!

— Я же говорил, что мои слова оскорбят вас, — сказал мистер Трой.

Снова с миротворческой целью вмешалась Агнес. Оскорбленную жену она взяла за руку, адвоката просила пересмотреть догадку в той части, что бросала порочащий свет на Феррари. Она еще говорила, когда в комнату вошел лакей с визитной карточкой. На карточке стояло имя Генри Уэствика; карандашом были приписаны тревожные слова:

«У меня дурные вести. Пожалуйста, сойди на минуту вниз».

Агнес тут же вышла из комнаты.

Оставшись наедине с миссис Феррари, мистер Трой наконец выявил лучшие черты своей натуры. Он постарался примириться с женой курьера.

— Милейшая, вы имеете полное право возмущаться тем, что на вашего мужа ложится пятно, — начал он. — Скажу даже, я вас уважаю за то, что вы так горячо вступаетесь за него. Однако не забывайте, что в таком серьезном деле я обязан высказать свои мысли без обиняков. У меня не может быть никакого намерения оскорбить вас: ведь я совершенно посторонний и вам, и мистери Феррари. Тысяча фунтов — это большие деньги, и вполне извинительно, если небогатый человек соблазнится ими вплоть до того, чтобы на некоторое время просто отойти в сторону —

ничего больше. Действуя от вашего имени, я преследую одну-единственную цель: узнать истину. Если вы дадите мне время, то отчаиваться найти вашего мужа, поверьте мне, еще рано.

Жена Феррари с недоверием слушала. Ее скудный умишко, до краев наполненный неблагоприятным мнением о мистере Трое, уже не мог перебороть первоначальное впечатление.

— Премного благодарна вам, сэр, — только и сказала она.

Глаза же ее сказали больше: «Можете говорить все, что угодно. Я не прощу вас до самой смерти».

И мистер Трой перестал стараться. Он сосредоточенно крутанулся на своем кресле на колесиках, сунул руки в карманы и стал глядеть в окно.

Воцарилось недолгое молчание, нарушенное открывшейся дверью.

Мистер Трой быстро повернулся к двери, ожидая увидеть Агнес. Но, к его удивлению, вошел незнакомец — цветущий джентльмен со следами боли и растерянности на красивом лице. Он взглянул на мистера Троя и сумрачно кивнул головой.

— К несчастью, я принес мисс Агнес вести, чрезвычайно ее расстроившие, — сказал он. — Она ушла к себе и просила меня извиниться за нее и продолжать разговор от ее имени. — Объяснив таким образом свое появление, он заметил миссис Феррари и сердечно протянул ей руку. — Давненько мы не виделись, Эмили. Боюсь, с тех пор вы успели забыть мастера Генри.

После некоторого замешательства она его признала и спросила, не может ли она чем помочь мисс Локвуд.

— С ней нянюшка. Лучше оставить их в покое. — Он снова взглянул на мистера Троя. — С вашего позволения, меня зовут Генри Уэствик. Я младший брат покойного лорда Монтбарри.

— Покойного лорда Монтбарри?! — воскликнул мистер Трой.

— Мой брат умер вчера вечером в Венеции. Вот телеграмма.

С этими ошеломляющими словами он передал ее мистеру Трою.

В бумаге было следующее сообщение:

«От леди Монтбарри. Стивену Роберту Уэствику, отель „Ньюбери“, Лондон. Ехать бесполезно. Лорд Монтбарри умер от бронхита сегодня вечером в 8.40. Подробности письмом».

— Этого ожидали, сэр? — спросил адвокат.

— Не скажу, что для нас это была полная неожиданность. Три дня назад мой брат Стивен (он теперь глава семьи) получил телеграмму, что

обнаружены тревожные симптомы и приглашен второй врач. В ответ он телеграфировал, что выезжает из Ирландии в Лондон и далее в Венецию и просит направлять ему сообщения в отель. В следующей телеграмме сообщалось, что лорд Монтбарри находится в бессознательном состоянии и, приходя в себя, никого не узнает. Брату советовали задержаться в Лондоне и ждать следующих сообщений. Третья телеграмма у вас в руках. Вот все, что я пока знаю.

Случайно взглянув на жену курьера, мистер Трой поразился выражению безотчетного ужаса на ее лице.

— Миссис Феррари, вы слышали, что рассказал мне мистер Уэствик?

— Все до последнего слова, сэр.

— Вы хотите что-нибудь спросить?

— Нет, сэр.

— Мне показалось, что вы встревожены, — настаивал адвокат. — Или это по-прежнему тревога о муже?

— Я никогда не увижу своего мужа, сэр. Вы знаете, что я так думала все время, сэр. А теперь я просто уверена в этом.

— То есть вы убедились в этом после услышанного?

— Да, сэр.

— А почему? Вы мне не скажете?

— Нет, сэр. Просто у меня такое чувство, а почему — не знаю.

— Ах, чувство, — презрительно отозвался мистер Трой. — Когда дело доходит до чувств, дорогуша... — Не докончив фразы, он встал, чтобы попрощаться с мистером Уэствиком. На самом деле он был порядком растерян и не желал выказывать это перед миссис Феррари. — Примите мои соболезнования, сэр, — обратился он к мистеру Уэствику. — До свиданья.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Генри повернулся к миссис Феррари.

— От мисс Локвуд, Эмили, я слышал о вашей беде. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Ничем, сэр. Благодарю вас. После того, что случилось, тут не до меня. Я зайду завтра. Может, чем и пригожусь мисс Агнес. Мне ее очень жаль. — Церемонно присев, она неслышно удалилась, преисполненная самых мрачных ожиданий относительно мужа.

Оставшись один, Генри Уэствик оглядел маленькую гостиную. Никаких дел у него здесь не было, но он медлил уходить. Для него много значило просто побыть вблизи Агнес и увидеть ее вещи. Вот в углу ее стул, рядом на столике вязанье, на маленьком мольберте у окна — последний

рисунок, он еще не закончен; на диване недочитанная книга, заложенная пеналом. Он разглядывал все эти предметы, напоминая ему о любимой женщине, ласково брал их в руки и со вздохом опускал на место. Ах, как далеко, как недостижимо далеко она еще от него! «Она никогда не забудет Монтбарри, — подумал он про себя и взял шляпу. — Никто из нас так не переживает его смерть, как она. Жалкий негодяй, как она его любила!»

На улице, когда Генри уже вышел из дверей, его остановил знакомый — надоедливый любопытный тип, вдвойне неприятный ему в ту минуту.

— Скверные новости о брате, Уэствик. Довольно неожиданная смерть, не правда ли? Никто в клубе даже не подозревал, что у Монтбарри слабые легкие. Что будут делать страховые конторы?

Генри вздрогнул. Мысль о том, что брат застраховал свою жизнь, даже не приходила ему в голову. Что будут делать страховые конторы? Будут платить. Ни в малейшей степени не была загадочной смерть от бронхита, удостоверенная двумя врачами.

— Зря вы задали мне этот вопрос, — раздраженно сказал Генри.

— Ага! — сказал его приятель. — Вы думаете, вдова получит эти деньги? Я тоже так думаю!

Глава 3

Несколько дней спустя лондонские поверенные ее светлости направили в страховые конторы (их было две) формальный отчет о смерти лорда Монтбарри. В каждой конторе страховка составляла пять тысяч фунтов, причем взнос был сделан за один год. Ввиду этих чрезвычайных финансовых обстоятельств члены обеих контор сочли желательным обсудить создавшееся положение. На совещание были вызваны врачи, рекомендовавшие заключить с лордом Монтбарри соглашение на страхование жизни. Анализ их рекомендаций возбудил известный интерес у страховых агентов. В целом не отказываясь платить страховку, обе конторы договорились послать в Венецию следственную комиссию, дабы собрать дополнительную информацию.

Мистер Трой с самого начала был в курсе этих событий. Новостями он поделился с Агнес, высказав попутно важное соображение.

«Насколько я знаю, вы близко знакомы с леди Барвилл, старшей сестрой покойного лорда Монтбарри. Поверенный ее мужа связан с одной из этих двух страховых контор. В отчетах этой комиссии может вполне содержаться что-нибудь, касающееся исчезновения Феррари. К такому документу, разумеется, не подпустят посторонних, но для сестры покойного могут сделать исключение. Если сэр Теодор Барвилл настаит, то адвокаты если и не допустят леди Барвилл к отчету, то по крайней мере ответят на благоразумные вопросы, которые она перед ними поставит. Дайте знать, что вы думаете о моем предложении, как можно скорее».

С обратной почтой пришел ответ. Агнес отказывалась воспользоваться предложением мистера Троя.

«Мое, казалось бы, безобидное участие, — писала она, — повлекло за собой такие печальные последствия, что я не могу и не смею дальше связывать себя с делом Феррари. Если бы меня не вынудили разрешить этому несчастному воспользоваться моим именем, покойный лорд Монтбарри его бы не нанял, и его жена не прозябала бы сейчас в вечной тревоге. Я не взгляну на этот

отчет, если даже его вложат мне в руки. Я достаточно узнала об этой ужасной жизни в венецианском палаццо. Если миссис Феррари сама решит обратиться к леди Барвилл с вашей помощью, тогда другое дело. Но и в этом случае я решительно настаиваю, чтобы мое имя не упоминалось. Простите меня, милый мистер Трой! Я очень несчастная и очень неблагоприятная, но я всего-навсего женщина, и не надо ждать от меня слишком многого».

Потерпев здесь неудачу, адвокат высказался за то, чтобы постараться найти английскую горничную леди Монтбарри. Это превосходное предложение имело один недостаток: для его осуществления требовались деньги, а их не было — миссис Феррари и думать не хотела воспользоваться тысячефунтовой банкнотой. Ее отдали на хранение в банк. При одном ее упоминании она вздрагивала и восклицала: «Кровавые деньги!»

Вот так получилось, что под давлением обстоятельств попытка разгадать тайну исчезновения Феррари была на время отложена.

Шел последний месяц 1860 года. Начав расследование 6 декабря, комиссия продолжала работу. Между тем 10 декабря кончился срок, на который покойный лорд Монтбарри снял венецианское палаццо. Страховые конторы были извещены телеграммой, что леди Монтбарри отбывает в Лондон в самом скором времени. Говорили, что барон Ривар приедет с ней в Англию, но сам тут не останется, если, конечно, его услуги не понадобятся ее светлости. «Известный энтузиаст химии», барон прослышал, что в Соединенных Штатах недавно сделаны важные открытия в этой области, и горел желанием лично разобраться в них.

Собрав все эти сведения, мистер Трой своевременно передал их миссис Феррари, которая, тревожась о муже, стала частой — излишне частой — посетительницей его конторы. Услышанным она поделилась с друзьями и со своей покровительницей. Агнес твердо отказалась слушать и решительно пресекла дальнейшие разговоры о жене лорда Монтбарри, коль скоро лорда Монтбарри уже нет в живых.

— Для советов у тебя есть мистер Трой, — сказала она, — а если понадобятся деньги, располагай тем немногим, что у меня есть. За это я прошу только, чтобы мне не причиняли боли. Я стараюсь избавиться от воспоминаний, — ее голос дрогнул, — которые стали еще горше после смерти лорда Монтбарри. Молчи, и ты поможешь мне обрести душевный покой, если это вообще возможно. Пока я вместе с тобой не смогу

порадоваться возвращению твоего мужа, я ничего об этом не желаю слышать.

Настало 13 декабря, и в распоряжение мистера Троя поступила интересная свежая информация. Страховая комиссия завершила свою работу: в тот день из Венеции пришел отчет.

Глава 4

14 декабря члены правления и их юрисконсульты встретились для чтения отчета за закрытыми дверями. Секретность была условием, при котором члены комиссии знакомили с результатами своего расследования:

«Имеем честь сообщить Правлению, что мы прибыли в Венецию 6 декабря 1860 года. В тот же день мы прошли в палаццо, где до последовавших затем болезни и смерти проживал лорд Монтбарри.

Со всей мыслимой любезностью нас принял брат леди Монтбарри, барон Ривар. „Во все время его болезни моя сестра одна ухаживала за ним, — сообщил нам барон. — Она сокрушена скорбью и усталостью, не то, конечно же, приняла бы вас лично. Что вам желательно, джентльмены? Что я могу для вас сделать вместо ее светлости?“

Согласно данным нам распоряжениям, мы сообщили, что смерть и погребение лорда Монтбарри за границей делают желательной более подробную, чем это возможно в переписке, картину его болезни и сопровождавших ее обстоятельств. Мы объяснили, что закон предусматривает известную отсрочку в выплате по страховому полису, и заверили, что проведем расследование, насколько это возможно, щадя чувства ее светлости и не чиня неудобств другим членам семьи, проживающим в доме.

На это барон отвечал: „Я единственный, кто здесь живет. И я сам, и дворец в вашем распоряжении“. Мы постоянно отмечали прямодушие этого джентльмена и расположенность оказывать нам содействие.

В тот же день мы обошли весь дворец, исключая только комнату ее светлости. Это огромное помещение, лишь отчасти меблированное. Покои, которые занимали лорд Монтбарри и члены семьи, размещались на первом и частью втором этажах. Мы побывали в спальне, где умер милорд, — это в самом углу здания; к ней примыкает маленькая комната, которую он использовал под кабинет. Дальше за ними покои, которые он держал закрытыми, преследуя цель, как нам сказали, заниматься без помех и в совершенном одиночестве. По другую сторону были спальня ее светлости и гардеробная, где до своего отъезда в Англию спала ее горничная. Еще дальше — столовая и приемная, выходящая в вестибюль, откуда открывается парадная лестница.

На втором этаже обитаемыми были только небольшая гостиная и спальня, которые занимал барон, и еще одна комната, чуть дальше,

служившая спальней курьеру Феррари.

Комнаты на третьем и цокольном этажах стояли необставленные и были в совершенном запустении. Мы поинтересовались, есть ли помещения под цоколем, и нам сообщили, что там подвал, куда мы можем спуститься, если пожелаем.

Для очистки совести мы спустились и в подвал. В старые времена, примерно несколько веков назад, там, говорят, располагалась темница. Воздух и свет лишь в слабой степени проникали в эту печальную обитель через забранные железными решетками горловины труб под самыми сводами, выходявших на задний двор. Ведущая вниз каменная лестница закрывается опускной дверью, при нас она была открыта. Барон сам спустился с нами в подвал. Мы заметили, что будет крайне неприятно, если дверь за нами опустится и отрежет выход. Барон улыбнулся: „Не тревожьтесь, джентльмены. Дверь надежна. Мне самому было важно убедиться в этом, когда мы сюда въехали. Мой излюбленный предмет занятий — экспериментальная химия, и с тех пор, как мы в Венеции, здесь моя мастерская“.

Последние слова объяснили странный запах в подвале, который мы почуяли сразу же, как вошли туда. Этот запах действовал как бы в два приема. Поначалу он был даже ароматный, но потом делался откровенно тошнотворным. Повсюду были не требовавшие разъяснений бароновы печки и реторты, кулечки с химикалиями, на которых четким почерком были выписаны имена и адреса поставщиков. „Заниматься здесь не очень приятно, но сестра у меня хрупкое существо, она терпеть не может запахов и взрывов и поэтому выселила меня сюда вниз, чтобы не слышать и не обонять моих опытов“. Он вытянул руки, и мы увидели, что в доме он ходит в перчатках. „Случаются неудачи, — сказал он, — как ни стараешься быть осторожным. На днях, испытывая новый состав, я сжег себе руки. Они только-только стали заживать“.

Мы приводим эти малозначительные подробности лишь в подтверждение того, что никакие попытки утаить что-либо не препятствовали нашему осмотру. Позднее нам даже представилась возможность побывать в комнате его светлости, когда она вышла подышать воздухом. Нам было поручено обследовать жилище его светлости, поскольку его крайне замкнутый образ жизни в Венеции и поразительное исчезновение обоих слуг из дома могли быть в подозрительной связи с характером его смерти. Мы не обнаружили ничего, подтверждающего это подозрение.

Что касается уединенного образа жизни его светлости, мы беседовали

на эту тему с единственными посторонними людьми, с кем он поддерживал хоть какую-то связь, — с консулом и банкиром. В банк он зашел всего однажды, чтобы получить деньги по кредитному письму, и тогда же отклонил предложение банкира навестить его дома, сославшись на нездоровье. В том же смысле его светлость писал консулу, отсылая ему визитную карточку. Он извинялся, что не может нанести ответный визит этому джентльмену, навестившему его в палаццо. Мы видели это письмо, и решаемся предложить вашему вниманию копию с него. „Прожив много лет в Индии, я загубил свое здоровье. Я перестал появляться в обществе, и моим единственным занятием в жизни стало изучение восточной литературы. Не будь воздух Италии мне полезен, я бы не думал уезжать из Англии. Простите великодушно книжного червя и калеку. Моя деятельная жизнь подошла к концу“. Эти несколько строк, по нашему мнению, объясняют добровольное затворничество его светлости. Эти соображения, однако, не избавили нас от расследования в других направлениях. Ничего возбуждающего недобрые подозрения не стало нам известно.

Что касается ухода горничной миледи, мы видели ее расписку в получении жалованья, и там было определено высказано, что она оставляет службу у леди Монтбарри, поскольку ей не нравится континент и она желает вернуться на родину. Это не столь уж редкий случай с английскими слугами, вывезенными за границу. Леди Монтбарри сообщила нам, что другую горничную она нанимать не стала, поскольку его светлость крайне раздражали посторонние люди в доме при тогдашнем состоянии его здоровья.

Исчезновение курьера Феррари само по себе крайне подозрительно. Ни ее светлость, ни барон не могли этого объяснить; предпринятое нами расследование не пролило ни малейшего света на это событие, как и не подтвердило прямой или косвенной связи его с целью нашего расследования. Мы пошли даже на то, чтобы осмотреть чемодан, оставшийся после Феррари. В нем были только одежда и белье — не было ни денег, ни клочка бумаги в карманах. Чемодан этот находится сейчас в полиции.

Мы нашли также возможность privately побеседовать со старой женщиной, убирающей комнаты ее светлости и барона. Она попала на это место по рекомендации ресторатора, который доставлял еду в палаццо во время проживания там семьи. Отзывы о ней самые благоприятные. К сожалению, по своей ограниченности она не годится на роль свидетельницы. Нашим терпеливым и подробным расспросам она внимала с полной готовностью, однако выявить что-либо достойное внимания для

внесения в этот отчет так и не удалось.

На следующий день мы имели честь беседовать с леди Монтбарри. Ее светлость выглядела донельзя изможденной и больной и не совсем могла уяснить, чего мы добиваемся. Представивший нас барон объяснил ей причину нашего приезда в Венецию и, как мог, заверил ее, что это всего-навсего формальность с нашей стороны. Успокоив ее таким образом, барон предупредительно удалился.

Вопросы, которые мы предложили леди Монтбарри, касались в основном болезни его светлости. Из ее сбивчивых, но, безусловно, искренних ответов составила следующая картина: лорд Монтбарри недомогал уже давно, был возбужден и раздражителен. Впервые на простуду он пожаловался 13 ноября; ночь была беспокойная, с жаром, и следующий день он провел в постели. Ее светлость предложила позвать врача. Он запретил, сказав, что с таким пустяком, как простуда, справится не хуже врача. Чтобы пропотеть, он попросил приготовить горячий лимонад. К этому времени горничная уже покинула дом, и за лимонами отправился курьер Феррари (он в ту пору был единственный слуга в доме). Ее светлость собственноручно приготовила питье. Оно подействовало, и лорд Монтбарри на несколько часов заснул. Позже в тот день леди Монтбарри понадобилась помощь Феррари, и она позвонила. Никто не пришел на звонок. Напрасно искал его барон Ривар и в палаццо, и на улице. С того времени следы Феррари потерялись. Это случилось 14 ноября.

Ночью, дополняя простуду, вернулись признаки лихорадки. Отчасти они могли быть приписаны беспокойству и тревоге по случаю исчезновения Феррари. Скрыть это обстоятельство не удалось, поскольку его светлость постоянно звонил, настаивая, чтобы Феррари сменил леди Монтбарри и барона у его постели.

Утром 15-го (в тот день к ним приходила убирать старуха) у его сиятельства разболелось горло, он почувствовал тяжесть в груди. Тогда же и на следующий день ее светлость и барон пытались убедить его вызвать врача. Он по-прежнему отказывался. „Я не хочу видеть рядом с собой посторонних лиц; простуда пройдет сама по себе, без доктора“ — таким был его ответ. Когда же 17-го ему стало совсем худо, было решено послать за врачом, не спрашиваясь у него. Посоветовавшись с консулом, барон Ривар обратился к услугам доктора Бруно, известного в Венеции первоклассного врача, в пользу которого говорило и то, что он бывал в Англии и знаком с английской практикой.

До сих пор отчет о болезни его светлости был составлен со слов леди Монтбарри. Более подходящим языком изложенное продолжение есть в

отчете этого врача, переписанном нами.

„В моем врачебном журнале отмечено, что впервые я видел лорда Монтбарри 17 ноября. Он страдал от острого приступа бронхита. Из-за упорного нежелания больного прибегнуть к медицинской помощи было потеряно драгоценное время. В целом состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Нервная система его была расстроена — он слушался и возражал одновременно. Когда я говорил с ним по-английски, он отвечал по-итальянски: когда я заговаривал с ним по-итальянски, он переходил на английский. Впрочем, это мало что значило: болезнь зашла далеко — и он был в состоянии произнести лишь несколько слов за один раз, и то шепотом.

Я сразу же прибегнул к необходимым средствам. Копии рецептов (в переводе на английский) прилагаю к настоящему заключению — пусть они говорят сами за себя.

Следующие три дня я постоянно посещал больного. Принятые средства помогли — он медленно, но верно пошел на поправку. Я мог со спокойной совестью заверить леди Монтбарри, что пока опасности не предвидится. Вот образец преданной жены! Напрасно я склонял ее принять услуги опытной сиделки; она никого не хотела допускать к уходу за мужем. День и ночь эта достойная женщина дежурила у его постели. Во время кратких отдыхов ее подменял брат. Последний, признаюсь, оказался славным собеседником, когда нам представлялась редкая возможность переговорить. Он увлекается химией, что-то делает в наводящем жуть подвале рядом с водными пучинами; и ему пожелалось показать мне свои опыты.

Мне же хватает химии с моими рецептами, и я отказался. Он воспринял это вполне добродушно.

Впрочем, я отвлекся от моего предмета. Возвращаюсь к больному лорду. Вплоть до 20 числа дела обстояли в целом неплохо. Когда утром 21-го я нанес лорду Монтбарри визит, он был совершенно не готов к роковому перелому, вдруг наступившему. Это был рецидив болезни, серьезный рецидив. Осматривая его с целью выявить причину, я нашел симптомы пневмонии — попросту говоря, воспаления легких. Он трудно дышал; прокашлявшись, получал частичное облегчение. Я строго расспросил окружающих, и меня заверили, что с лекарствами

соблюдалась необходимая осторожность и больного берегли от сквозняков. Мне весьма не хотелось добавлять леди Монтбарри огорчений, но, когда она предложила пригласить еще одного врача, я вынужден был признаться, что также вижу в этом неотложную необходимость.

Ее светлость просила не считаться с расходами и пригласить лучшего специалиста, который, к счастью, оказался доступен. Лучший итальянский врач живет в Падуе. Его зовут Торелло. Я отправил к нему нарочного. Вечером 21-го Торелло приехал и подтвердил мое заключение: это пневмония, и жизнь нашего пациента в опасности... Я рассказал, какими средствами пользовал больного, он их все одобрил. Он дал рекомендации и по настоятельной просьбе леди Монтбарри задержался с возвращением в Падую до следующего утра.

Ночью мы с ним по очереди следили за больным. Болезнь, неуклонно развиваясь, одолела наше противодействие. Наутро доктор Торелло уехал. „От меня больше нет никакой пользы, — сказал он. — Больной обречен, и он должен об этом знать“.

На следующий день я как можно осторожнее предупредил милорда, что его час пробил. Мне говорят, что есть серьезные причины изложить все происходившее между нами в ту минуту в подробностях. Я выполняю эту просьбу.

Лорд Монтбарри с приличествующим мужеством принял весть о надвигающейся смерти, хотя и не веря ей до конца. Он попросил меня нагнуться поближе и спросил: „Вы уверены?“. Обманывать было не ко времени, и я сказал: „Безусловно“. Он немного помолчал, потом шепнул снова: „Поищите под подушкой“. У него под подушкой я нашел письмо, готовое к отправке, запечатанное и с маркой. Я едва расслышал его последние слова: „Отправьте сами“ — и я, разумеется, собственноручно отправил его. Я видел лондонский адрес. Улицы не помню, но помню, что оно было адресовано даме с итальянской фамилией Феррари.

В ту ночь милорд чуть не умер от удушья. Я помог ему справиться с приступом. Когда наутро я сказал, что отправил письмо, он взглядом выразил, что понял меня. Это был его последний проблеск сознания. Когда я увидел его в следующий раз, ему уже было ни до чего. Поддержанный возбуждающими средствами, он протянул до 25 числа и вечером того же дня, не

приходя в сознание, скончался.

Что касается причины его смерти, то, с вашего позволения, просто абсурдно задаваться этим вопросом. Бронхит, переходящий в пневмонию, и был тем заболеванием, от которого он скончался, — это ясно как дважды два. Собственное заключение доктора Торелло с копией выписанного мною свидетельства о смерти должны удовлетворить (как дают мне понять) некие английские конторы, в которых была застрахована жизнь его светлости. Английские конторы, должно быть, основал тот знаменитый святой и скептик, упомянутый в Новом завете, чье имя было Фома!“

Этими словами заканчивается свидетельство доктора Бруно.

Необходимо отметить, что, отвечая на вопросы, леди Монтбарри не могла сказать ничего положительного по поводу письма, которое отправил доктор по просьбе лорда. Когда его светлость написал его? Что в нем было? Почему он держал его в секрете от леди Монтбарри, от барона? Почему он вообще писал жене курьера? На эти вопросы нам не удалось получить никакого ответа. Бесполезно считать это обстоятельство подозрительным. Чтобы подозревать нечто, необходимо строить догадки. Письмо же под подушкой милорда сбивает с толку окончательно. Возможно, обращение к миссис Феррари могло бы развеять эту тайну. Ее адрес легко узнать в итальянской конторе курьеров на Голден-сквер.

Заканчивая настоящий отчет, мы хотим привлечь ваше внимание к выводам, которые подтверждаются результатами нашего расследования.

Прямой вопрос, вставший перед нами и членами Правления, суть следующий: обнаружались ли в результате следствия чрезвычайные обстоятельства, которые бы проливали подозрительный свет на смерть лорда Монтбарри? В ходе расследования, безусловно, обнаружались чрезвычайные обстоятельства, как то: исчезновение Феррари, необычное отсутствие домашней прислуги, таинственное письмо, которое по просьбе его светлости отослал врач. Но где доказательства, что любое из этих обстоятельств было бы подозрительным образом и непосредственно связано с тем единственным событием, которое нас интересовало, — со смертью лорда Монтбарри? В отсутствие такого доказательства и при наличии заключения двух знаменитых врачей совершенно невозможно оспаривать формулировку свидетельства, а именно: что его светлость умер естественной смертью. Мы вынуждены поэтому доложить, что нет никаких убедительных оснований для отказа в выплате той суммы, на которую была

застрахована жизнь покойного лорда Монтбарри. Эту записку мы отсылаем завтрашней почтой, 10 декабря, дабы иметь время получить ваши дальнейшие инструкции (если таковые последуют) в ответ на телеграмму о завершении нашего расследования, которую мы отправляем сегодня вечером».

Глава 5

— Вот что, дорогуша, что у вас там есть — выкладывайте немедленно. Я не хочу без нужды вас торопить, но сейчас рабочее время, и, кроме вас, есть еще люди, которым я нужен.

Обращаясь с обычным для него грубоватым добродушием к жене Феррари, мистер Трой со значением взглянул на настольные часы и приготовился слушать, что ему имела сказать его посетительница.

— Это, сэр, опять к тому письму, с билетом на тысячу фунтов. — начала миссис Феррари. — Я выяснила, кто его послал.

Мистер Трой вздрогнул:

— Вот это новость! Кто же?

— Лорд Монтбарри, сэр.

Мистера Троя нелегко было удивить. Однако сообщение миссис Феррари буквально ошеломило его. Некоторое время он молча смотрел на нее в немом изумлении.

— Чепуха, — сказал он, приходя в себя. — Тут какая-то ошибка. Такого просто не может быть.

— Никакой ошибки нет, — как всегда уверенно возразила миссис Феррари. — Сегодня утром ко мне приходили два страховых агента, просили показать письмо. Так они прямо изумились, особенно, когда слышали про банкноту. Зато они знают, кто отправил письмо. По просьбе его светлости письмо послал из Венеции врач его светлости. Спросите их сами, сэр, если мне не верите. Такие вежливые джентльмены, спросили, как я могу объяснить, что лорд Монтбарри послал мне письмо и эти деньги. Я ответила им, как думаю: сказала, что его светлость проявил ко мне доброту.

— Проявил доброту? — в совершенном изумлении спросил мистер Трой.

— А как же, сэр? Лорд Монтбарри знает всех своих домочадцев и меня помнит еще с Ирландии, когда я ходила в школу в их поместье. Когда бы он смог, он бы защитил моего мужа, а он сам попал в лапы миледи и барона. Единственное, что он мог для меня сделать, это обеспечить вдову, как полагается благородному человеку.

— Прелестное объяснение, — сказал мистер Трой. — Как к нему отнеслись ваши гости из страховой конторы?

— Они спросили, есть ли у меня доказательства, что муж умер.

— И что вы им сказали?

— Я сказала: у меня есть больше, чем доказательства. У меня есть уверенность.

— Это, разумеется, их удовлетворило?

— На словах они этого не сказали, сэр. Они переглянулись друг с другом и потом попрощались.

— Хорошо, миссис Феррари. Если у вас нет какой-нибудь еще необыкновенной новости для меня, я, пожалуй, тоже с вами попрощаюсь. Я принимаю к сведению вашу информацию — поразительную, признаться, информацию — и, не располагая доказательствами, ничего больше сделать не могу.

— Я представлю вам доказательство, сэр, раз оно вам так нужно, — сказала миссис Феррари с достоинством. — Только сначала я хочу знать, как на это посмотрит закон. Вы, может, видели в газетах светскую хронику и знаете, что леди Монтбарри приехала в Лондон и остановилась в отеле «Ньюбери». Я хочу к ней сходить.

— Что-что? А зачем, позвольте спросить?

Миссис Феррари перешла на заговорщицкий шепот:

— Чтобы заманить ее в ловушку. Я не назову горничной своего имени, скажу, будто бы по делу. А миледи с порога объявлю: «Я пришла, миледи, подтвердить получение денег, отправленных вдове Феррари». Ага, вот и вы вздрогнули, мистер Трой! Что значит — застать врасплох! Не беспокойтесь, сэр, я увижу доказательство, которое вам всем так нужно, на ее виноватом лице. Уж я замечу, если оно хоть чуть изменится. Мне только одно хочется узнать: как на это посмотрит закон?

— Закон посмотрит на это сквозь пальцы, — сдержанно ответил мистер Трой. — Другое дело, как на это посмотрит ее светлость. У вас в самом деле достанет смелости, миссис Феррари, выполнить свой замечательный план? Мисс Локвуд отзывалась о вас, как о человеке, скорее нервном и боязливом. Если я могу доверять собственным наблюдениям, вы, должен сказать, подтверждаете эту характеристику.

— Если бы вы жили в деревне, сэр, а не в Лондоне, — ответила миссис Феррари, — вы бы знали, что иногда и овца бросается на собаку. Когда я буду стоять перед этой негодяжкой и думать об убитом муже, то если кому и придется испугаться, то, конечно, не мне. Прямо сейчас и пойду, сэр. Вы услышите, чем это кончится. До свиданья.

Нагнав страху, жена курьера набросила на плечи накидку и вышла из комнаты.

Мистер Трой улыбнулся, скорее сочувственно, нежели ядовито.

«Простушка, — подумал он. — Если даже наполовину правда то, что говорят о леди Монтбарри, миссис Феррари с ее западней там нечего делать. Интересно, чем это все кончится?»

При всей своей опытности мистер Трой даже представить себе не мог, чем это все кончилось.

Тем временем миссис Феррари исполняла принятое ею решение. Прямо из конторы мистера Троя она отправилась в отель «Ньюбери». Леди Монтбарри была дома и была одна. Однако администрация отеля не решалась ее беспокоить, коль скоро гостя отказывалась назвать себя. С делом еще разбирались, когда в вестибюле появилась новая горничная ее светлости. Она была француженка и, когда спросили ее, решила вопрос быстро, просто и разумно, как полагается французам. У мадам была такая респектабельная внешность. (У мадам могли быть причины не называть себя, и милади ^[6]могла принять эти причины. Во всяком случае, распоряжения не принимать незнакомых дам не было, и мадам и милади предстояло разобраться самим.) Не будет ли мадам так любезна подняться за горничной к милади?

Хотя она и была полна решимости, но сердце миссис Феррари было готово выпрыгнуть из груди, когда провожатая ввела ее в приемную и постучала в дальнюю дверь.

Поразительно, как люди с тонкой нервной организацией чрезвычайным напряжением воли могут решиться на самые отчаянные поступки.

Из-за двери послышался низкий, печальный голос:

— Войдите.

Толкнув дверь, горничная доложила:

— К вам по делу, милади! — И тотчас удалилась.

В эти несколько секунд пугливая миссис Феррари справилась с колотящимся сердцем; чувствуя, как у нее холодеют руки, сохнет во рту и огнем пылает голова, она шагнула через порог и стала перед вдовой лорда Монтбарри, внешне держась с таким же отменным хладнокровием, как и сама ее сиятельство.

Несмотря на раннее время, в комнате был полумрак, шторы были опущены. Леди Монтбарри лежала спиной к окнам, словно ей был в тягость даже приглушенный свет. С того памятного дня, когда доктор Уайбрау видел ее у себя в приемной, она удручающе переменялась. Прежней красоты не осталось и следа, лицо усохло — кожа да кости; еще необычайнее стал контраст между мертвенно-бледным цветом лица и

холодно сверкавшими темными глазами. Облаченная во все темное, за исключением сверкавшего белизной вдовьего чепца, с кошачьей грацией свернувшаяся на зеленой кушетке, она взглянула на незнакомку, нарушившую ее одиночество, с мимолетным любопытством. И тут же снова опустила глаза на щиток, которым прикрывалась от огня.

— Я вас не знаю, — сказала она. — Что вам нужно?

Миссис Феррари попыталась ответить. Первоначальный прилив смелости схлынул, отважные слова, которые она собиралась сказать, еще стучали в ее голове, но уста ее были мертвы. Повисло молчание. Леди Монтбарри снова взглянула на безгласную незнакомку.

— Вы не слышите меня? — спросила она.

Снова молчание.

Леди Монтбарри бесстрастно перевела глаза на щиток и задала следующий вопрос:

— Вам нужны деньги?

Деньги! Одно это слово подстегнуло угасавшее мужество жены курьера. Она собралась с силами, обрела голос:

— Будьте любезны взглянуть на меня, миледи, — сказала она в дерзком порыве.

Леди Монтбарри в третий раз подняла на нее глаза. С губ миссис Феррари сорвались роковые слова:

— Я пришла, миледи, чтобы подтвердить получение денег, отосланных вдове Феррари.

Блестящие темные глаза леди Монтбарри неотступно смотрели на женщину, обратившую к ней эти слова. Ни тень смущения или тревоги, ни минутный интерес не потревожили мертвенной застылости ее лица. Все так же покойно лежала она на кушетке, так же ровно держала свой щиток. Подвергнутая испытанию, она его выдержала.

Снова повисло молчание. Леди Монтбарри задумалась. На тонких губах обозначилась и тут же изгладилась улыбка, вместе печальная и жестокая. Она повела щитком в дальний угол комнаты.

— Будьте любезны, сядьте в то кресло, — сказала она.

Обескураженная, не зная, что говорить и как поступать, миссис Феррари безотчетно повиновалась. Поднявшись на кушетке, леди Монтбарри с нескрываемым интересом смотрела, как та проходит по комнате, потом снова прилегла.

— Нет, — сказала она вполголоса, — походка у нее твердая. Она не пьяна. Остается только предположить, что она сумасшедшая.

Больно уязвленная этими словами, миссис Феррари бросила в ответ:

— Я не больше, чем вы, пьяна или сумасшедшая.

— Вот как? — сказала леди Монтбарри. — Тогда вы просто нахалка. Я заметила, что в условиях своей ничем не сдерживаемой свободы невежественные англичане легко становятся нахалами. Нам, иностранцам, это особенно бросается в глаза на улице. Соответствовать вам я, разумеется, не собираюсь. Я вообще не представляю, что вам сказать. Моя горничная опрометчиво допустила вас ко мне. Видимо, ваша приличная внешность ввела ее в заблуждение. Кто вы, собственно говоря? Вы упомянули фамилию курьера, который очень странным образом нас покинул. Так он что, был женат? И вы его жена? А вы не знаете, где он находится?

Возмущение миссис Феррари прорвалось сквозь все препоны. Она двинулась к кушетке; отвечая гневно, с жаром, она уже ничего не страшилась.

— Я его вдова, и вы это знаете, злодейка! Ах, в недобрый час мисс Локвуд рекомендовала моего мужа его светлости!

Она едва успела договорить, как с кошачьей прытью леди Монтбарри метнулась с кушетки, схватила ее за плечи и стала неистово трясти.

— Лжете! Вы лжете! Вы лжете! — Трижды выкрикнув это обвинение, она отпустила ее и в отчаянии воздела руки к небу: — О Святая Мария! Неужели курьер попал ко мне через эту женщину? — Она стремительно кинулась за миссис Феррари, пытавшейся улизнуть из комнаты. — Оставайтесь, глупая! И отвечайте. Если вздумаете возражать, то, Небо свидетель, я задушу вас вот этими руками. Садитесь и ничего не бойтесь. Несчастливая, это я боюсь! Боюсь до потери рассудка. Признайтесь, что вы лгали, когда только что упомянули имя мисс Локвуд. Хотя нет, я не поверю вашей клятве. Я никому не поверю, кроме самой мисс Локвуд. Где она живет? Говорите адрес, ехидна, и можете убираться!

Объятая ужасом, миссис Феррари колебалась. Леди Монтбарри угрожающе вскинула руки и наставила на нее длинные худые восковые пальцы. При виде их миссис Феррари дрогнула и сказала адрес. Леди Монтбарри презрительно кивнула ей на дверь, но тут же передумала.

— Нет, стойте! Вы расскажете о случившемся мисс Локвуд, и она откажется меня принимать. Я пойду туда сейчас же, вместе с вами, но только до порога, в дом я вас не возьму. А сейчас сядьте, я звоню своей горничной. Отвернитесь. Ей незачем видеть ваше испуганное лицо.

Она позвонила, появилась горничная.

— Немедленно плащ и шляпу.

Горничная вынесла из спальни плащ и шляпу.

— Кэб к подъезду — и чтобы мигом!

Горничная исчезла.

Леди Монтбарри посмотрелась в зеркало и с той же кошачьей прытью обернулась к миссис Феррари.

— Я уже наполовину труп, правда? — сказала она с прорвавшейся невеселой иронией. — Дайте мне вашу руку.

Она взяла миссис Феррари за руку и вышла из комнаты.

— Пока вы меня слушаетесь, вам нечего бояться, — сказала она, спускаясь с ней по лестнице. — У дома мисс Локвуд мы расстанемся, и больше вы меня никогда не увидите.

В вестибюле их встретила хозяйка отеля. Леди Монтбарри с любезной улыбкой представила ей свою спутницу:

— Это мой добрый друг, миссис Феррари. Я так рада, что она зашла ко мне.

Хозяйка проводила их до двери. У подъезда их ждал кэб.

— После вас, миссис Феррари, — сказала ее сиятельство. — Скажите человеку, куда ехать.

Кэб тронулся. Настроение леди Монтбарри снова переменилось. С глухим страдальческим стоном она откинулась на подушки. Погруженная в свои мрачные мысли, она и думать забыла о спутнице, которую подчинила своей железной воле, и хранила зловещее молчание до самого дома мисс Локвуд. Там она воспрянула. Она вышла прежде, чем кучер спустился с козел, и захлопнула дверцу перед самым носом миссис Феррари.

— Отвезите даму еще на милю по пути к ее дому, — сказала она, расплачиваясь с кучером. Уже в следующую минуту она стучала в дверь. — Мисс Локвуд у себя?

— Да, мэм.

Она переступила через порог, и дверь закрылась за нею.

— Куда ехать, мэм? — спросил кучер.

Миссис Феррари поднесла руку ко лбу, собираясь с мыслями. Могла ли она покинуть друга и благодетельницу на милость леди Монтбарри? Она еще старательно и безуспешно соображала, как поступить, когда остановившийся у подъезда джентльмен бросил взгляд на оконце кэба и увидел ее.

— Вы тоже хотите зайти к мисс Агнес? — спросил он.

Это был Генри Уэствик. Узнав его, миссис Феррари благодарственно сложила руки.

— Входите же, сэр! — вскричала она. — Входите немедленно! Эта страшная женщина у мисс Агнес. Идите и защитите ее!

— Какая женщина? — спросил Генри.

Ответ лишил его дара речи. Изумление и гнев отразились на его лице, когда он услышал ненавистное имя.

— Я позабочусь, — только и сказал он.

Он постучал и, в свою очередь, был впущен.

Глава 6

— Леди Монтбарри, мисс.

Агнес писала письмо, когда слуга поверг ее в изумление, назвав имя гостьи. Ее первым побуждением было не принимать непрошеную посетительницу. Но леди Монтбарри предусмотрительно шла следом за слугой. Агнес не успела открыть рот, как та уже входила в комнату.

— Прошу извинить, что я без приглашения, мисс Локвуд. Я должна задать вам один вопрос, ответ на который мне чрезвычайно важен. Кроме вас, никто мне не ответит. — Опустив долу сверкающие темные глаза, леди Монтбарри открыла встречу, выговорив эти слова низким, запинаящимся голосом.

Агнес молча указала ей на кресло. На это у нее хватило сил — ни на что больше. Все, что она читала о тайной и зловещей жизни в венецианском палаццо, все, что слышала о печальной кончине Монтбарри, погребенного на чужбине, все, что знала о таинственном исчезновении Феррари, — все это разом ударило ей в голову, когда на пороге предстала закутанная в черное фигура.

Странное поведение леди Монтбарри добавило новых загадок к сомнениям и дурным предчувствиям, что мучили ее. Авантюристка, оставившая по себе память в обществах всей Европы, фурия, терзавшая в отеле миссис Феррари, она непостижимо преобразилась в робкую, трепетную женщину. Прорвавшись в комнату Агнес, леди Монтбарри, однако, так и не отважилась поднять на нее глаза. Она едва добрела до кресла, которое ей указали, и, опершись на спинку, переждала.

— Дайте мне немного собраться с силами, — слабо сказала она.

Понуриив голову, она стояла перед Агнес, словно сознающий свою вину преступник перед суровым судьей. Повисшая тишина была буквально напитана страхом с обеих сторон. Тут отворилась дверь, и вошел Генри Уэствик.

Метнув на леди Монтбарри пристальный взгляд, он с холодной вежливостью поклонился и молча прошел в комнату. При виде деверя женщина воспрянула духом. Распрямилась поникшая фигура. Она открыто, с вызовом взглянула в глаза Уэствику и с холодной, презрительной улыбкой вернула ему поклон.

Генри подошел к Агнес.

— Ты приглашала леди Монтбарри? — ровным голосом спросил он.

— Нет.

— Тебе желательно ее присутствие?

— Мне очень тяжело ее видеть.

Обернувшись, он взглянул на невестку.

— Вы слышите? — холодно спросил он.

— Слышу, — ответила она еще холоднее.

— Ваш визит, мягко выражаясь, некстати.

— Ваше вмешательство, мягко выражаясь, неуместно.

Уколов его ответом, она приблизилась к Агнес. Присутствие Генри Уэствика взбодрило ее, придало смелости.

— Позвольте спросить у вас одну вещь, мисс Локвуд, — сказала она с изысканной вежливостью. — Вам не доставит затруднений ответить. Когда курьер Феррари обращался к моему покойному мужу с просьбой о месте, разрешили ли вы...

Решимость покинула ее, она смолкла. Ее била дрожь, она упала в кресло и после минутной борьбы взяла себя в руки.

— Разрешили ли вы Феррари, — продолжала она, — действуя вашим именем, определиться к нам курьером?

Вопреки своему обычаю, Агнес не дала прямого ответа. То, что именно эта женщина упомянула, хотя бы мимоходом, имя Монтбарри, смутило и взволновало ее.

— Я много лет знаю жену Феррари, — начала она, — и заинтересована в том, чтобы...

Леди Монтбарри моляще вскинула руки.

— Ах, мисс Локвуд, не отвлекайтесь вы на эту жену! Дайте мне ясный ответ на ясный вопрос!

— Позволь, я ей отвечу, — шепнул Генри. — Я внесу полную ясность.

Агнес отрицательно повела рукой. Прервавшая ее реплика леди Монтбарри напомнила ей о чувстве долга перед собой.

— Когда Феррари писал покойному лорду Монтбарри, — сказала она, — он, безусловно, упомянул мое имя.

И все равно она искренне не понимала, какую цель преследует ее гостя. В своем нетерпении леди Монтбарри уже не владела собой. Она вскочила с кресла и двинулась к Агнес.

— С вашего ли ведома и позволения использовал Феррари ваше имя? — спросила она. — К этому сводится мой вопрос. Ради бога, ответьте: да или нет?

— Да.

Одно это слово подкосило леди Монтбарри. Ее пылавшее жизнью

лицо враз увяло, она стояла истуканом перед Агнес, и таким глубоким был ее столбняк, что те двое не могли различить ее дыхания.

— Очнитесь, — нелюбезно окликнул ее Генри. — Вы получили ответ на свой вопрос.

Она повернулась к нему.

— Я получила свой приговор, — ответила она и сделала движение уходить.

К изумлению Генри, Агнес задержала ее:

— Погодите, леди Монтбарри. Я в свою очередь хочу вас спросить. Вы говорили о Феррари. О нем я тоже хочу поговорить.

Леди Монтбарри молча склонила голову. Она достала платок и дрожащей рукой поднесла его ко лбу. Увидев это, Агнес отшатнулась.

— Вам неприятен этот разговор? — осторожно спросила она.

Все так же молча леди Монтбарри жестом просила ее продолжать.

— О Феррари ничего не слышно в Англии, — сказала она. — Вы что-нибудь знаете? Если вы что-то слышали, может, вы скажете мне из сострадания к его жене?

Тонкие губы леди Монтбарри распустились в улыбку — печальную и жестокою одновременно.

— Почему вы меня спрашиваете об этом пропавшем курьере? — сказала она. — Когда приспееет время, мисс Локвуд, вы узнаете, что с ним случилось.

Агнес вздрогнула.

— Не понимаю, — сказала она. — Каким образом я узнаю? Мне кто-нибудь скажет?

— Кто-нибудь вам скажет.

Генри не мог дальше отмалчиваться.

— Этот «кто-нибудь» не вы ли, ваша светлость? — с издевательской вежливостью спросил он.

— Вы правы, мистер Уэствик, — ответила та с презрительным равнодушием. — В один прекрасный день я могу оказаться тем человеком, который расскажет мисс Локвуд, что случилось с Феррари, если... — Она смолкла, не сводя глаз с Агнес.

— Если что? — спросил Генри.

— Если мисс Локвуд вынудит меня к этому.

Агнес слушала, теряясь от изумления.

— «Вынудит»? — повторила она. — Как я могу вас вынудить? Вы хотите сказать, что моя воля сильнее вашей?

— А вы хотите сказать, что свеча не сжигает бабочку, когда та летит на

ее огонь? — ответила леди Монтбарри. — Вы слышали когда-нибудь о такой вещи, как упоение ужасом? Оно-то и влечет меня к вам. Я не имею права приходить к вам, я не желаю приходить к вам: вы мой враг. Впервые в жизни вопреки моей воле я покоряюсь врагу. Судите сами: я жду, потому что вы велели ждать, и, пока я стою здесь перед вами, меня разбирает страх — клянусь вам! Не допускайте, чтобы я возбуждала в вас любопытство или жалость. Следуйте примеру мистера Уэствика. Будьте со мной жестки, грубы и неумолимы, как он. Отпустите меня. Велите мне уйти.

В этой странной речи честная и прямодушная Агнес уяснила для себя только одну вещь.

— Вы ошибаетесь, считая меня своим врагом, — сказала она. — Зло, что вы мне причинили, отдав руку лорду Монтбарри, было неумышленным. Я уже при его жизни простила вам свои страдания. Тем более я прощаю вам теперь, когда его нет.

Генри слушал ее со смешанным чувством восторга и раздражения.

— Не говори более! — воскликнул он. — Слишком много чести для нее. Она не стоит этого.

Его слова прошли не замеченными леди Монтбарри. Казалось, вниманием этой странно переменчивой женщины целиком завладели простые слова, в которые Агнес облекла свой ответ. Покуда она слушала, ее лицо принимало выражение тяжелой, безысходной печали. И разительно переменялся голос, когда она заговорила. В нем звучало смирение, утратившее последнюю надежду.

— Добрая, невинная душа, — сказала она. — Что значит ваше участливое прощение? Что значат ваши прегрешения рядом с моими великими грехами, за которые с меня спросится? Я не хочу вас пугать. Просто я себя оплакиваю. Знаете ли вы, что такое — чувствовать надвигающуюся беду и при этом надеяться, что ваша уверенность не подтвердится? Когда я впервые встретила вас еще до замужества и впервые ощутила ваше влияние, у меня была эта надежда. Эта жалкая надежда теплилась во мне вплоть до сегодняшнего дня. Ответив на мой вопрос относительно Феррари, вы ее убили.

— Как я могла погубить вашу надежду? — спросила Агнес. — Если я разрешила Феррари упомянуть мое имя в письме лорду Монтбарри, то как это может быть связано со странными и страшными вещами, которые вы мне рассказываете?

— Близится время, мисс Локвуд, когда вы сами все раскроете. Пока же я постараюсь подобрать внятные слова, чтобы вы поняли, в чем состоит мой страх перед вами. В тот самый день, когда я похитила вашего героя и

погубила вашу жизнь — я твердо уверена, что в тот самый день! — вас сделали орудием возмездия за все мои многие прошлые грехи. Такое и прежде случалось, когда один человек, сам того не ведая, способствовал тому, что в другом вызревало зло. И вы этому уже способствовали — и поспособствуете впредь. Вы подведете меня к тому дню, который все выявит и назначит мне наказание. Мы еще встретимся — в Англии или в Венеции, где умер мой муж, — и встретимся в последний раз.

При всем своем здравомыслии или неприязни к предрассудкам Агнес была под сильным впечатлением от той серьезности, с которой это все было высказано. Она побледнела и взглянула на Генри.

— Ты понимаешь ее? — спросила она.

— Нет ничего легче, — пренебрежительно отозвался он. — Она знает, что стало с Феррари, но признаться не смеет и городит всякую чепуху. Вели ей уйти.

Даже окажись здесь и залай собака, леди Монтбарри и тогда бы договорила все, что ей надо было сказать Агнес.

— Посоветуйте вашей забавной миссис Феррари еще немного подождать, — сказала она. — Что случилось с ее мужем, вы узнаете, а потом расскажете ей. Беспокоиться вам не о чем. Какой-нибудь пустяковый случай сведет нас в следующий раз — такой же пустяковый, как появление в нашем доме Феррари. Чепуха, говорите вы, мистер Уэствик? Будьте снисходительны к женщинам. Мы все городим чепуху. До свиданья, мисс Локвуд.

Она поспешно, словно боясь, что ее остановят во второй раз, открыла дверь и покинула их.

Глава 7

— Как ты думаешь, она сумасшедшая? — спросила Агнес.

— Просто испорченный человек, я думаю. Лживая, суеверная, неискоренимо жестокая, но не сумасшедшая. Главное, за чем она пришла сюда, это получить удовольствие, напугав тебя.

— Она действительно напугала меня. Стыдно сказать, но это так.

Генри взглянул на нее, помялся и опустился на кушетку рядом.

— Я очень тревожусь за тебя, Агнес, — сказал он. — Если бы не счастливый случай, надоумивший меня зайти к тебе сегодня, кто знает, что могла наговорить и даже сделать без свидетелей эта негодная женщина. Дорогая, ты ведешь до крайности беззащитную, одинокую жизнь. И мне больно думать об этом. Нужно изменить свою жизнь — особенно после сегодняшнего случая. Нет-нет, не надо говорить мне, что у тебя есть старая нянюшка. Она слишком старая, и она не твоего разряда — ее общество не может быть достаточной защитой для дамы твоего положения. Не заблуждайся относительно меня, Агнес: я говорю только из самой искренней преданности тебе. — Он замолчал и взял ее за руку.

Она сделала слабую попытку освободиться и смирилась.

— Неужели никогда не придет такой день, когда мне будет дано право защищать тебя? Когда ты навсегда станешь украшением и радостью моей жизни? — Он мягко пожал ее руку.

Она не отвечала. Ее лицо залил румянец. Глаза смотрели в сторону.

— Неужели я имел несчастье обидеть тебя? — спросил он.

На этот вопрос она ответила чуть слышно:

— Нет.

— Тогда я тебя расстроил?

— Ты заставил меня вспомнить грустные времена.

Больше она ничего не сказала, только попыталась освободить руку. По-прежнему задерживая ее, он поднес ее к губам.

— А я не могу заставить тебя подумать о других временах — о тех, что настанут и будут счастливее? Если ты не можешь не думать о прошлом, почему бы не оглянуться на то время, когда я тебя полюбил?

Она только вздохнула в ответ на его вопрос.

— Пощади меня, Генри, — грустно спросила она. — Не говори больше ничего.

Снова румянец залил ее щеки. Ее рука подрагивала в его руке. Она

была неотразима: глаза опущены, еле заметно дышит грудь. В ту минуту он отдал бы все на свете, лишь бы заключить ее в объятия и поцеловать. Таинственный ток, перелившийся из его руки в ее руку, вероятно, подсказал ей, что было у него в мыслях. Она освободила руку и прямо взглянула на него. В ее глазах стояли слезы. Она молчала — глаза говорили вместо нее. Без гнева, без раздражения они молили не мучить ее больше в этот день.

— Скажи только, что ты меня простила, — сказал он, поднимаясь с кушетки.

— Да, — ответила она, — простила.

— Я не утратил твоего уважения, Агнес?

— Что ты!

— Ты хочешь, чтобы я ушел сейчас?

Не отвечая, она поднялась и прошла к бюро. Письмо, что ей помешала дописать леди Монтбарри, так и лежало в бюваре. Она посмотрела на письмо, потом на Генри, и на ее лице зажглась улыбка, так восхищавшая всех.

— Пока не уходи, — сказала она, — у меня есть кое-что сказать. Даже не знаю, какие подобрать слова. Проще всего было бы, узнай ты это сам. Ты только что говорил о моей одинокой, незащищенной жизни. Да, признаться, это не очень счастливая жизнь, Генри. — Она замолчала, с озадачившим его удовлетворением видя тревогу на его лице. — Знаешь, я раньше тебя пришла к этой мысли, — продолжала она. — Я собираюсь произвести большие перемены в своей жизни, если только твой брат Стивен и его жена ответят согласием. — Говоря, она открыла ящичек стола, достала письмо и передала его Генри.

Он машинально взял его. Смутные опасения, вряд ли понятные ему самому, замкнули ему уста. Невозможно, чтобы перемена, о которой она говорила, могла означать ее намерение выйти замуж, и тем не менее он чувствовал необъяснимое желание читать это письмо. Их глаза встретились, она снова улыбнулась.

— Взгляни на адрес, — сказала она. — Тебе полагалось бы знать почерк, но, ручаюсь, ты его не знаешь.

Он взглянул на адрес, выведенный кривыми, крупными буквами — явно детской рукой. Тогда он сразу извлек письмо из конверта.

«Дорогая тетя Агнес! Наша гувернантка уходит. Она получила в наследство деньги и собственный дом. Мы ели торт и пили вино за ее здоровье. Вы обещали быть нашей гувернанткой,

если нам понадобится другая. Вы нам нужны. Мама пока ничего не знает об этом. Пожалуйста, приезжайте, пока мама не взяла другую гувернантку. Любящая вас Люси, которая пишет это письмо. Клара и Бланш тоже пытались писать вам, но они слишком маленькие. Они просто промокали чернила».

— Это моя старшая племянница, — объяснила Агнес удивленно глядящему на нее Генри. — Дети привыкли звать меня тетей, когда я гостила в Ирландии у их матери прошлой осенью. Я была неразлучна с этими тремя девочками — других таких очаровательных детей я не видела. Это правда, что я предложила быть их гувернанткой, если таковая понадобится, когда возвращалась от них в Лондон. Перед твоим приходом я как раз писала их матери и предлагала свои услуги.

— Ты шутишь! — воскликнул Генри.

Агнес передала ему неоконченное письмо. Из того немногого, что там было написано, вполне явствовало, что она всерьез предлагает себя семейству Уэствиков в качестве гувернантки их детей. Генри не находил слов выразить свое изумление.

— Они не поверят, что ты пишешь всерьез, — сказал он.

— Почему? — спокойно спросила Агнес.

— С братом Стивеном вы кузены; с его женой вы старые подруги.

— Тем больше у них оснований доверить мне детей.

— Но ты им ровня, ты не должна этим зарабатывать себе на жизнь. Есть что-то абсурдное в том, что ты будешь у них гувернанткой.

— Да что же тут абсурдного? Дети меня любят, мать меня любит, отец бесконечно выказывает мне дружеское расположение. Я вполне подхожу для этого места, а что касается моего образования, то надо перезабыть все на свете, если я не смогу научить троих детей, старшей из которых всего одиннадцать лет. Ты говоришь, я им ровня. Но разве другие не служат гувернантками, будучи ровней людям, которым они служат? И потом, какая я им ровня? Мне сдается, что твой брат Стивен ближайший наследник титула. Разве не он станет новым лордом? Не трудись мне отвечать. Не будем спорить, права я или не права, занимая место гувернантки. Подождем, когда это случится. Мне надоело мое одинокое бесполезное существование. Я хочу внести в свою жизнь немного счастья и пользы, хочу жить с людьми, найти свое место среди них. Эти личные соображения я еще не привела в письме. Ты хуже меня знаешь своего брата и невестку, если сомневаешься в их ответе. Полагаю, у них довольно ума и сердца, чтобы сказать мне «да».

Так и не убежденный, Генри смирился.

Генри не любил экстравагантных отклонений от привычного распорядка жизни и уж совсем ничего хорошего не ждал от предполагавшейся перемены в жизни Агнес. Поглощенная новыми заботами, она, чего доброго, не так благосклонно будет слушать его, когда в следующий раз он заведет речь о сватовстве. «Одинокое бесполезное существование», на которое она жаловалась, определенно действовало в его пользу. Пока ее сердце было свободно, оно было достижимо; когда же им завладеют его племянницы, его будущее окутается туманом. Он достаточно хорошо знал женщин, чтобы не выказывать сейчас эгоистических поползновений. С такой чуткой особой, как Агнес, единственно правильно держаться выжидательной политики.

— Письмо моей малышки племянницы, — сказал он, — возымело действие, на которое и не могла рассчитывать кроха. Оно напомнило мне дело, ради которого, собственно, я и пришел сегодня.

Агнес взглянула на детские каракули.

— Как же это удалось Люси? — спросила она.

— Гувернантка Люси не единственная счастливица, унаследовавшая деньги, — ответил Генри. — Твоя нянюшка дома?

— Не хочешь ли ты сказать, что она получила наследство?

— Она получила сто фунтов. Пошли за ней, Агнес, а я пока покажу письмо.

Он вынул из кармана пачку писем и просматривал их, пока Агнес звонила. Вернувшись, она увидела на столе отпечатанный лист бумаги. Это был проспект, наверху листа значилось: «Венецианская компания». Отель «Палас». Слова «Палас» и «Венецианская» напомнили ей о незваном визите леди Монтбарри.

— Что это? — спросила она, указывая на бумагу.

Генри оторвался от поисков и бросил взгляд на проспект.

— Очень многообещающее дело, — сказал он. — Большие отели всегда приносят неплохой доход, если ими хорошо управлять. Я знаком с будущим управляющим отеля и до такой степени ему доверяю, что стал акционером этой компании.

Ответ не совсем удовлетворил Агнес.

— Но почему отель называется «Палас»? — спросила она.

Генри взглянул на нее и понял причину, по которой она спрашивала.

— Да-да, — сказал он. — Это то самое палаццо, что Монтбарри снимал в Венеции. Компания приобрела его, чтобы переделать в отель.

Не проронив ни слова, Агнес отвернулась и села в кресло в глубине

комнаты. Генри огорчил ее. Она прекрасно понимала, что младшие сыновья должны пополнять свой доход удачными сделками, однако известный предрассудок мешал одобрить его стремление извлечь выгоду из дома, в котором умер его брат. Не в силах понять этот сентиментальный подход к сугубо деловой проблеме, Генри снова занялся своими бумагами, недоумевая, почему так внезапно переменялась к нему Агнес. Наконец он нашел искомое письмо, и в ту же минуту в комнату вошла няня. Он бросил взгляд на Агнес, ожидая, что та заговорит первой. Но она даже не взглянула на вошедшую. Объяснить старухе, зачем ее вызвали, предстояло Генри.

— Ну что, няня, — сказал он, — вам привалило неожиданное счастье: вы получили в наследство сто фунтов.

Внешне няня не выказала радости. Подождав, пока сообщение о наследстве хорошо обоснуется в ее сознании, она ровным голосом спросила:

— А кто, с вашего позволения, завещал мне эти деньги, мистер Генри?

— Мой покойный брат, лорд Монтбарри.

Впервые проявив интерес к происходящему, Агнес взглянула в его сторону. Генри продолжал:

— По завещанию он оставил определенные суммы пережившим его домочадцам. Вот и письмо его адвоката, дающее вам право требовать с них деньги.

Благодарность принадлежит к редчайшим добродетелям в людях независимо от их общественного положения. В случае с няней о благодарности не могло быть и речи. Ее отношение к человеку, обманувшему и оставившему ее госпожу, было непоколебимо. Его ни в какой степени не изменило свалившееся на нее наследство.

— Интересно, кто это напомнил милорду о его старых домочадцах? — сказала она. — Сам бы он ни за что про нас не вспомнил.

Природа не терпит однообразия и даже в мягчайших душах держит про запас раздражительность. Редко-редко, но и Агнес могла вспылить. Нянино высказывание о Монтбарри вывело ее из равновесия.

— Если в тебе осталась хоть капля совести, — взорвалась она, — тебе должно быть стыдно за то, что ты только что сказала! Твоя неблагодарность возмутительна! Я оставляю вас наедине, Генри, вам будет нетрудно договориться. — Прозрачно намекнув тем самым, что он уже лишился ее расположения, она вышла из комнаты.

Эту резкую отповедь, высказанную в сильнейшем негодовании, няня восприняла, пожалуй, даже с юмором. Когда за Агнес закрылась дверь, этот философ в юбке подмигнула Генри.

— Упрямые они, молодые дамочки, — сказала она. — Даже когда милорд обманул ее, мисс Агнес не позволяла никому сказать худого слова о нем. А уж теперь, когда он умер, она и вовсе подобрела к нему. Попробуйте сказать слово против него — тут же взвьется. Упрямая! Держитесь ее, мастер Генри, держитесь ее!

— Похоже, вы на нее не обиделись, — сказал Генри.

— Чтобы я на нее обижалась? — удивилась няня. — Я только рада, когда она злится. Сразу вспоминаю ее маленькой, когда, бывало, приду попрощаться с ней на ночь, а она меня поцелует и скажет: «Няня, это я не нарочно». А что до этих денег, мастер Генри... Будь я моложе, я потратила бы их на обнову и украшения, а сейчас я старовата. Что мне делать с этим наследством, когда получу?

— Отдайте его под проценты, — предложил Генри. — За год будет кое-что набегать.

— Сколько будет набегать? — спросила няня.

— Если вы поместите вашу сотню фунтов в ценные бумаги, то за год это будет от трех до четырех фунтов.

Няня помотала головой:

— Три или четыре фунта в год? Это мне не годится. Мне нужно больше. Послушайте, мастер Генри. Я этими деньгами не дорожу: человека, который мне их оставил, я никогда не любила. Потеряй я их завтра, я не умру от огорчения. Я и так обеспечена до конца своих дней. Вы, я слышала, играете на бирже. Пристройте вы меня к чему-нибудь выгодному. Рисковать так рисковать! А эти ценные бумаги... — И она щелкнула пальцами, выказывая презрение к трехпроцентной ставке на капитал.

Генри взял со стола проспект компании венецианского отеля.

— Занятная вы женщина, — сказал он. — Вот, отчаянный вы биржевик, вот дело, стоящее риска. Только держите это в секрете от мисс Агнес. Я совершенно не уверен, что она одобрит мое пособничество вам.

Няня вынула очки. «Гарантированный доход шесть процентов, — читала она, — причем у Правления есть все основания думать, что десять и более процентов могут быть со временем выплачены акционерам отеля».

— Пристройте меня сюда, мастер Генри! И всем своим друзьям, где их ни встретите, рекомендуйте этот отель!

Так вслед за расчетливым Генри и няня связала свои материальные интересы с домом, где умер лорд Монтбарри.

Прошло три дня, прежде чем Генри снова пришел к Агнес. На этот раз

облачко, набежавшее на их отношения, окончательно развеялось. Она разговаривала с ним еще сердечнее, чем прежде. Она вообще была в приподнятом настроении. На ее письмо миссис Стивен Уэствик ответила уже обратной почтой. Предложение было с радостью принято — с одной-единственной поправкой: ей предстояло погостить у Уэствиков месяц, и, если ей действительно понравится учить детей, она будет и гувернанткой, и тетей, и кузиной — всем сразу, а уедет от них в одном случае (и на этом особо настаивали ее ирландские друзья): если она выйдет замуж.

— Ты видишь, я была права, — сказала она Генри.

Он по-прежнему не мог поверить.

— Ты действительно едешь? — спросил он.

— На следующей неделе.

— Когда же мы снова увидимся?

— Ты знаешь, что тебя всегда ждут в доме твоего брата. Мы увидимся, когда ты только пожелаешь. — Она протянула ему руку. — Извини, что я уже с тобой прощаюсь: я начинаю собираться.

Прощаясь, Генри хотел ее поцеловать. Она отшатнулась.

— Почему нельзя? Я твой кузен, — сказал он.

— Вот это мне и не нравится, — ответила она.

Генри взглянул на нее и смирился. То, что она запретила воспользоваться правами родственника, было в его глазах добрым знаком. Это было как бы поощрением на роль возлюбленного.

На следующей неделе Агнес выехала из Лондона в Ирландию. Как выяснилось, это не станет конечным пунктом ее путешествия. Поездка в Ирландию была лишь начальной стадией ее окольного пути, который приведет ее в венецианское палаццо.

Часть третья

Глава 1

Весной 1861 года Агнес обосновалась в поместье своих друзей, по смерти своего бездетного родственника ставших лордом и леди Монтбарри. Старая няня осталась при ней. В радушном ирландском доме нашлось и ей место, приличное ее годам. Она была совершенно счастлива в новой обстановке, и первые полугодовые дивиденды венецианского отеля она истратила широким жестом на подарки детям.

В начале того же года обе страховые конторы смирились с обстоятельствами и выплатили десять тысяч фунтов. Сразу после этого вдова первого лорда Монтбарри уехала из Англии с бароном Риваром в Соединенные Штаты. Целью барона, как объясняли научные обозреватели газет, было знакомство с новинками экспериментальной химии в великой Американской республике. На расспросы друзей его сестра отвечала, что уезжает с ним, надеясь в новой обстановке найти утешение после постигшей ее тяжелой утраты. Выслушав эту новость от Генри Уэствика, гостившего тогда у брата, Агнес ощутила известного рода облегчение.

— Теперь, когда нас разделяет Атлантический океан, — сказала она, — я наконец отделаюсь от этой женщины.

Но не прошло и недели, как случай вновь напомнил Агнес о ней.

В тот день Генри был вынужден вернуться по делам в Лондон. Утром он в очередной раз приступил к Агнес с предложением руки и сердца, и, как он и ожидал, невольным препятствием на пути к успеху оказались дети. С другой стороны он заручился надежной поддержкой невестки.

— Имей немного терпения, — сказала ему новоиспеченная леди Монтбарри, — и предоставь мне повернуть влияние детей в нужную сторону. Если возможно убедить ее выслушать тебя, они это сделают.

Обе дамы проводили Генри и еще нескольких уезжающих гостей на станцию, а когда вернулись, слуга доложил, что «некто Ролланд» желает видеть ее светлость.

— Это женщина?

— Да, миледи.

Леди Монтбарри повернулась к Агнес.

— Это та самая «некто», на помощь которой рассчитывал ваш адвокат, когда пытался найти следы пропавшего курьера.

— Неужели та горничная-англичанка, что была у леди Монтбарри в Венеции?

— Дорогая, пожалуйста, не называй моим нынешним именем гадкую вдову Монтбарри. Мы со Стивеном договорились оставить за ней ее иностранный титул, — какой был у нее до замужества. Я — леди Монтбарри, она — графиня. В этом случае не будет никакой путаницы. Миссис Ролланд служила у меня, прежде чем стать горничной графини. Она чрезвычайно положительная особа с одним-единственным недостатком, из-за которого я ее и отослала. У нее ужасный характер. В людской на нее постоянно жаловались. Ты хочешь ее увидеть?

Агнес изъявила такую готовность, втайне надеясь узнать что-нибудь для жены курьера. Неудавшиеся попытки отыскать пропавшего мужа миссис Феррари восприняла как окончательный приговор. Она намеренно носила траур и на жизнь зарабатывала службой, которую неистощимая на доброту Агнес нашла ей в Лондоне. То, что могла сказать бывшая компаньонка Феррари, давало последний шанс проникнуть в тайну его исчезновения. Возбужденная ожиданиями, Агнес прошла вслед за подругой в комнату, где их ждала миссис Ролланд.

Высокая сухопарая женщина, уже в годах, с запавшими глазами и проседью в волосах, чопорно поднялась со стула и церемонно поклонилась вошедшим. Тотчас был виден человек безупречно положительный, хотя и с обескураживающей внешностью. Большие кустистые брови, важный низкий голос, резкие, независимые манеры и совершенное отсутствие женственной мягкости в фигуре — все в этой замечательной особе являло добродетель в ее наименее привлекательном виде. Знакомясь с ней, люди обычно недоумевали, отчего она не мужчина.

— Как драгоценное здоровье, миссис Ролланд?

— По моим летам, леди. Грех жаловаться.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезна?

— Ваша милость окажет мне огромную услугу, если даст отзыв о моей службе у вас. Мне предложили место — ухаживать за больной леди, что поселилась здесь недавно.

— А, да, я слышала. Это миссис Карбери, у нее прелестная племянница. Но вы ведь ушли от меня некоторое время назад, миссис Ролланд. Миссис Карбери, безусловно, рассчитывает получить отзыв с вашего последнего места.

Запавшие глаза миссис Ролланд вспыхнули благородным негодованием. Она закашлялась, отвечая, словно слова «последнее место» костью стали у нее в горле.

— Я объяснила миссис Карбери, миледи, что дамы, у которой я была в услужении последнее время — в присутствии вашей светлости не могу ее

титуловать, — нет в Англии, она уехала в Америку. Миссис Карбери знает, что я ушла от нее по доброй воле, знает почему и одобряет мой шаг. Одного слова вашей светлости будет достаточно, чтобы я получила это место.

— Хорошо, миссис Ролланд. Если так, то я не возражаю быть вашим поручителем. Завтра, до двух часов, миссис Карбери застанет меня дома.

— Миссис Карбери нездорова и не выходит из дома. Если ваша светлость не возражает, то навести справки придет ее племянница, миссис Холдейн.

— Я нисколько не возражаю. Приглашение в равной степени распространяется и на прелестную племянницу. Одну минутку, миссис Ролланд! Это мисс Локвуд, кузина моего мужа и моя добрая приятельница. Ей было бы любопытно поговорить с вами о курьере, который был в услужении у лорда Монтбарри в Венеции.

Сдвинув кустистые брови, миссис Ролланд выразила резкое недовольство темой разговора.

— Мне неприятно слышать это, миледи, — всего-навсего сказала она в ответ.

— Возможно, вы не в курсе того, что случилось в Венеции после вашего отъезда, — решила вступить Агнес. — Феррари скрылся из дворца, и с тех пор о нем ничего не слышно.

Миссис Ролланд закрыла глаза, словно изгоняя призрак пропавшего курьера, недостойный являться приличной даме.

— Я ничему не удивлюсь из того, что мог натворить мистер Феррари, — ответила она почти басом.

— Вы так резко отзываетесь о нем... — сказала Агнес.

Миссис Ролланд раскрыла глаза.

— Я ни о ком не отзываюсь резко, не имея на то оснований, — сказала она. — По отношению ко мне, мисс Локвуд, мистер Феррари повел себя так, как не позволял себе ни один мужчина — ни до него, ни после.

— Что же он такое сделал?

С застывшим ужасом в глазах миссис Ролланд отвечала:

— Он позволил себе вольность.

Леди Монтбарри резко отвернулась и, давась от смеха, прикрыла рот платком.

Мрачно упиваясь растерянностью Агнес, миссис Ролланд продолжала:

— Когда же я потребовала извинений, он заявил, что ему скучно в Венеции и он не знает, как себя занять.

— Боюсь, вы меня не совсем правильно поняли, — сказала Агнес. — Я спрашиваю о Феррари не из собственного интереса. Вы знаете, что он

женат?

— Мне жаль его жену, — сказала миссис Ролланд.

— Естественно, что она переживает из-за него, — продолжала Агнес.

— Она должна была благодарить Бога, что избавилась от него, — вставила миссис Ролланд.

Агнес не давала себя сбить.

— Я знала миссис Феррари еще девочкой, и мне очень хочется помочь ей в этом деле. Там, в Венеции, вы не заметили чего-нибудь такого, что могло бы объяснить мне странное исчезновение ее мужа? В каких отношениях, например, он был со своими господами?

— С госпожой — в самых приятельских, — ответила миссис Ролланд, — чего уважающий себя слуга-англичанин не должен допускать. Она поощряла его откровенничать о всех его делах — и как у него с женой, и как с деньгами, и все в этом роде, как будто они были ровня друг другу! Срамота — иначе я это не могу назвать.

— А с господином? — продолжала Агнес. — Какие у него были отношения с лордом Монтбарри?

— Милорд проводил все время за письменным столом или в постели, — отвечала миссис Ролланд, особо важным голосом выражая уважение к памяти его светлости. — Мистер Феррари получал жалованье в срок, и больше его ничто не волновало. «Если бы я мог себе это позволить, я бы тоже ушел отсюда. Но я не могу себе позволить...» Феррари мне это сказал в то утро, когда я уходила из дворца. Я не ответила. После того, что произошло (я вам говорила), я, естественно, не разговаривала с мистером Феррари.

— И вы так-таки ничего не скажете мне, что могло бы пролить свет на это дело?

— Ничего не скажу, — ответила миссис Ролланд с нескрываемым удовольствием от причиняемой досады.

— Там был еще один член семьи, — сказала Агнес, решив до конца использовать представившуюся возможность. — Барон Ривар.

Миссис Ролланд воздела свои большие руки в порыжевших черных печатках, протестуя против того, чтобы разбирательство выходило на это имя.

— Разве вам не известно, миссис, что я оставила место после того, как стала свидетельницей...

Агнес прервала ее.

— Я единственно хотела спросить, — зашепила она, — не было ли в словах или поступках барона чего-нибудь такого, что могло объяснить

странное поведение Феррари?

— Мне это неизвестно, — сказала миссис Ролланд. — Барон и мистер Феррари были, если позволительно так выразиться, два сапога пара. Оба эти проходимца стоили друг друга. Я справедливый человек, и я приведу вам один пример. Как раз за день до моего ухода, проходя мимо открытой двери, я услышала, как барон сказал: «Феррари, мне нужна тысяча фунтов. Что бы вы сделали ради тысячи фунтов?» Я услышала ответ Феррари: «Что угодно, сэр. Только бы не попасться». И оба рассмеялись. Больше я не слышала. Сами делайте вывод, мисс.

Агнес на минуту задумалась. Именно тысячу фунтов прислал миссис Феррари анонимный корреспондент. Не было ли тут связи с разговором между бароном и Феррари? Расспрашивать дальше миссис Ролланд не имело смысла. Хоть сколько-нибудь полезных сведений она не сообщит. Не оставалось ничего другого, как отпустить ее. Итак, еще одна попытка напасть на след пропавшего человека оказалась напрасной.

В тот день обедали в семейном кругу. Из гостей остался только племянник лорда Монтбарри — старший сын его сестры, леди Барвилл. Леди Монтбарри не удержалась и рассказала историю о первом и последнем покушении на добродетель миссис Ролланд, с комическим правдоподобием воспроизводя ее низкий, мрачный голос. Когда муж спросил, с какой целью являлось в дом это пугало, она, естественно, упомянула мисс Холдейн и ее предстоящий визит. До того задумчивый и молчаливый, Артур Барвилл с необыкновенным жаром вмешался в разговор.

— Мисс Холдейн самая очаровательная девушка в Ирландии, — сказал он. — Я мельком видел ее вчера у них в саду, когда ехал вдоль ограды. В какое время она приходит? Около двух? Я как будто случайно зайду в гостиную. До смерти хочется, чтобы меня представили.

Его пылкость позабавила Агнес:

— Уж не влюбился ли ты в мисс Холдейн? — спросила она.

Артур ответил совершенно серьезно:

— Мне не до шуток. Я сегодня целый день проторчал около сада, надеясь ее снова увидеть. Сделать меня счастливейшим или несчастным зависит только от мисс Холдейн.

— Глупый мальчик! Как ты можешь нести такую чушь?

Он, несомненно, нес чушь. Но если бы Агнес знала, что здесь была не одна чушь! Сам того не ведая, он еще на один перегон приблизил ее к Венеции.

Глава 2

Пока шло лето, переделка венецианского палаццо в современный отель быстро продвигалась к завершению.

Было разумно решено не трогать снаружи здание, выходящее фасадом на канал. Зато внутри потребовалось целиком перекроить размеры и расположение помещений. Обширный зал был разгорожен на апартаменты по три-четыре комнаты. На верхних этажах просторные коридоры легко превратились в спальни для прислуги и приезжающих с ограниченными средствами. Нетронутыми оставались лишь основательные полы и потолки. Прекрасно сохранившийся потолок после расчистки, с обновленной позолотой, прибавил красоты и торжественности лучшим комнатам отеля. В целости был сохранен интерьер самых крайних помещений здания на первом и втором этаже. Вполне умеренных размеров, прелестно декорированные, эти комнаты по предложению архитектора были оставлены в прежнем виде. Уже потом выяснилось, что именно эти покои занимали лорд Монтбарри (на первом этаже) и барон Риван (на втором). Комната, в которой умер лорд Монтбарри, по-прежнему оставалась спальней и именовалась теперь «номер 14». Спальня же барона над нею в регистрационной книге значилась «номер 38». После того как освежили роспись на стенах и потолках, а тяжелые дубовые кровати, кресла и столы заменили светлой, легкой, роскошной современной мебелью, обе эти комнаты обещали стать самыми привлекательными и самыми удобными спальнями в отеле. Прекрасные столовые, гостиные, бильярдные, курительные превратили некогда запущенный и бесполезный цокольный этаж в современный дворец. Даже напоминавший каземат подвал с новейшим освещением и вентиляцией словно по волшебству превратился в кухни, в людские, холодильные камеры и винные погреба, заслуженно подтверждавшие репутацию лучшего итальянского отеля, каким он и был семнадцать лет назад.

Из летней Венеции перенесясь в летнюю Ирландию, отметим, что миссис Ролланд получила место сиделки при немощной миссис Карбери и что прелестная миссис Холдейн, подобно Цезарю в юбке, пришла, увидела и победила дом лорда Монтбарри в свой первый же визит.

В похвалах ей дамы не уступали самому Артуру Барвиллу. Лорд Монтбарри сказал, что он впервые встречает совершенно прелестную

женщину, даже не подозревающую, насколько она привлекательна. Старая няня сказала, что она словно сошла с картины, не хватало только золотой рамы для полного впечатления. Со своей стороны, мисс Холдейн вернулась от лорда Монтбарри совершенно очарованная своими новыми знакомыми. В тот же день явился Артур Барвилл с фруктами и цветами для миссис Карбери и наставлением узнать, в состоянии ли та принять утром лорда и леди Монтбарри и мисс Локвуд. Через неделю оба семейства были в самых дружеских отношениях. Прикованная болезнью позвоночника к софе, миссис Карбери лишь с помощью племянницы утоляла одну из немногих оставшихся ей радостей — слушать чтение новейших романов. Узнав об этом, Артур вызвался сменять мисс Холдейн в роли чтеца. У него были золотые руки, он внес некоторые усовершенствования в кушетку миссис Карбери, сделал удобным ее перемещение из спальни в гостиную, чем облегчил ее страдания и скрасил унылую жизнь. Заслуженная благодарность тетки вкупе с бесспорными достоинствами Артура быстро обеспечили ему благосклонность очаровательной племянницы. Разумеется, она знала, что он влюблен в нее, хотя сам он скромно помалкивал на сей счет. Ей труднее было разобраться в своих чувствах. Близко наблюдая молодую пару и к тому же не имея других впечатлений в своем вынужденном одиночестве, больная подметила, как в присутствии Артура мисс Холдейн заметно оживляется, чего за ней никогда не водилось в общении с другими поклонниками. Придя к определенным выводам, миссис Карбери в интересах Артура подвергла их проверке.

— Не представляю, что я буду делать, — сказала она однажды, — когда Артур уедет.

Оторвавшись от работы, мисс Холдейн вскинула на нее глаза.

— Он не собирается уезжать! — воскликнула она.

— Дорогая моя! Он и так гостит у дяди второй месяц. Наверняка родители ждут его домой.

Из этого затруднения мисс Холдейн вышла, высказав предположение, которое могло зародиться только в душевном сумбуре.

— А почему родителям не навестить его у лорда Монтбарри? — спросила она. — Дом сэра Теодора всего в тридцати милях отсюда, леди Барвилл все-таки сестра лорда Монтбарри. Им нет необходимости соблюдать этикет.

— У них могут быть другие планы, — заметила леди Карбери.

— Откуда мы это знаем, тетушка? Может быть, ты спросишь Артура?

— Может быть, ты его спросишь?

Мисс Холдейн склонилась над работой. Но тетка уже заметила

выражение ее лица, которое выдало ее с головой.

Когда на следующий день пришел Артур, миссис Карбери, воспользовавшись тем, что племянница была в саду, переговорила с ним. Только что пришедший новый роман остался лежать на столике невостребованным, Артур отправился к мисс Холдейн в сад. На следующий день он написал домой письмо, вложив фотографическую карточку мисс Холдейн, и к концу недели сэра Теодор и леди Барвилл прибыли в поместье лорда Монтбарри и могли воочию убедиться, насколько портрет соответствует оригиналу. Сами они поженились молодыми, и, как ни странно, у них не было предубеждения против ранних браков. Проблема возраста, таким образом, была снята, а других препятствий у любви не было. Единственный ребенок, мисс Холдейн имела вполне достаточное состояние. Университетские успехи Артура заслуживали похвалы, но, безусловно, не были столь блестящими, чтобы посчитать катастрофическим его уход. Старший сын сэра Теодора, он мог не беспокоиться о своем будущем. Не было никаких оснований томить любящих ожиданием, как и не было оснований тянуть со свадьбой в сентябре. На время неизбежного заграничного путешествия молодоженов у миссис Карбери согласилась пожить ее сестра. После медового месяца молодожены должны были вернуться в Ирландию и поселиться в большом и удобном доме миссис Карбери.

Обо всем этом было договорено уже в начале августа. Примерно в это же время завершились переделочные работы в Венеции. Проветривались комнаты, заполнялись погреба, управляющий подбирал армию опытных слуг, и на всю Европу было объявлено, что отель открывается в октябре.

Глава 3

Из письма мисс Агнес Локвуд миссис Феррари.

«Я обещала тебе, дорогая Эмили, представить отчет о свадьбе мистера Артура Барвилла и мисс Холдейн. Она имела место десять дней назад. Однако в отсутствие хозяев на меня свалилось столько дел, что я только сегодня выбралась написать тебе.

Учитывая болезненное состояние тетушки мисс Холдейн, на свадьбу пригласили только родственников с обеих сторон. От семейства Монтбарри, кроме самих лорда и леди Монтбарри, присутствовали сэр Теодор и леди Барвилл, миссис Норбери (ты, может быть, помнишь: это вторая сестра его светлости), мистер Фрэнсис и мистер Генри Уэствики. Трое девочек и я были подружками невесты. К нам присоединились еще две барышни — кузины невесты, очень милые девушки. На нас были белые платья, отделанные зеленым — в честь Ирландии; у каждой на руке был красивый золотой браслет — подарок жениха. Добавь к перечисленным старших членов семьи, миссис Карбери и старых слуг из обоих домов, за дальним концом стола возглашавших здравицы молодоженам, и ты будешь иметь полный список гостей, вкушавших свадебное угощение.

Погода была великолепная, служба прошла прекрасно, с музыкой. Нет слов, как прелестно выглядела и держалась невеста. За обедом мы много веселились, в целом было сказано много хороших слов. Последним, уже под самый конец, всех затмив, произнес спич мистер Генри Уэствик. Он высказал счастливую мысль, которая внесет неожиданные перемены в мою жизнь.

Насколько помню, он закончил такими словами: „Мы едины в одном чувстве: жаль, что приближается час расставания, и хорошо бы встретиться снова. Так почему нам не встретиться снова? Сейчас осень, многие из нас разъезжаются на отдых. Если у вас нет других планов, может быть, мы присоединимся к нашим юным друзьям в конце их свадебного путешествия и повторим это восхитительное дружеское застолье, еще раз отпраздновав их медовый месяц? Сейчас молодые едут в Германию и Тироль, а

потом в Италию. Я предлагаю предоставить их самим себе на целый месяц, а в конце его всем съехаться на севере Италии — в Венеции, например“.

Это предложение было встречено шумными рукоплесканиями, по милости моей драгоценной нянюшки сменившимися хохотом. В ту самую минуту, когда мистер Уэствик произнес слово „Венеция“, она вскочила на своем конце стола и во весь голос крикнула:

„Езжайте в наш отель, леди и джентльмены! Мы уже имеем шесть процентов на свой капитал, а если вы там все соберетесь и раскошелитесь, то тут же положим себе в карман все десять! Спросите мистера Генри!“

Столь бесцеремонно призванный к ответу, мистер Уэствик вынужден был объяснить, что к нему обращаются как к акционеру новой венецианской компании и что он от имени няни вложил в дело небольшую сумму денег (весьма неосмотрительный поступок, на мой взгляд). Присутствовавшие, развеселившись, провозгласили новый тост: „За успех няниного отеля! За быстрый рост дивидендов!“

Когда пришло время всерьез обсудить встречу в Венеции, выявились сложности, поскольку многие гости уже приняли другие приглашения на осень. Из родственников миссис Карбери лишь двое оказались свободны и могли прибыть на встречу. В нашем семействе вольных птиц оказалось больше. Мистер Генри Уэствик решил ехать в Венецию раньше всех, чтобы убедиться в готовности нового отеля к открытию. Миссис Норбери и мистер Фрэнсис Уэствик вызвались сопровождать его, а после уговоров пошли на уступки лорд и леди Монтбарри. На Венецию его светлость не мог выкроить времени, но решил с леди Монтбарри проводить до Парижа миссис Норбери и мистера Фрэнсиса Уэствика. Пять дней назад они уехали в Лондон, где встретятся со своими попутчиками, а меня оставили тут опекать всю ненаглядную троицу. Конечно, дети умоляли папу и маму взять их с собой; однако было сочтено за лучшее не прерывать учебы и не подвергать их утомительной дороге — обе младшие совсем крохи.

Сегодня утром я получила из Кёльна очаровательнее письмо от наших новобрачных. Ты не представляешь, как скромно и мило заверяет она меня в своем счастье. В Ирландии говорят:

есть люди, которым повезло родиться, — и Артур Барвилл, я думаю, из таких.

Надеюсь услышать от тебя добрые вести о здоровье и настроении и что служба тебе по-прежнему нравится.

Твой верный друг А. Л.».

Агнес только-только закончила и отдала письмо, как в комнату вошла ее старшая ученица и сообщила поразительную новость: из Парижа вернулся слуга, взятый лордом Монтбарри в дорогу. Тревожась, не случилось ли беды, она выбежала в вестибюль. Ее лицо раньше слов выразило, как сильно она перепугана.

— Ничего страшного, мисс! — поспешил заверить ее слуга. — Милорд и миледи предаются веселью в Париже. Им только хочется, чтобы вы и барышни были с ними. — С этими удивительными словами он передал Агнес письмо от леди Монтбарри.

«Дорогая моя Агнес, — читала она, — восхитительная перемена обстановки — не забывай, что последний раз я была на континенте шесть лет назад, — так вскружила мне голову, что я употребила все свои чары, чтобы уломать лорда Монтбарри поехать в Венецию. И, короче говоря, я в этом преуспела. Чтобы не упустить почту в Англию, он сейчас отправился к себе в комнату писать оправдательные письма. Желаю тебе такого же хорошего мужа, моя дорогая, когда приспеет твое время! Пока же для полного счастья мне не хватает тебя и драгоценных малюток. Монтбарри без них тоже плохо, хотя он не хочет в этом признаться. Все это не сулит тебе больших хлопот. Доставивший тебе эти торопливые строки Луис позаботится о вас в пути до Парижа. Поцелуй за меня детей тысячу раз — а учеба подождет! Немедля собирай вещи, дорогая, а я тебя за это люблю еще больше.

Твой любящий друг Адела Монтбарри».

Агнес сложила письмо и, взбудораженная, пошла остыть к себе в комнату. Первоначальный восторг при мысли увидеть Венецию сменился менее приятными чувствами. Когда к ней вернулось обычное самообладание, она с неудовольствием вспомнила прощальные слова вдовы

Монтбарри: «Мы встретимся снова — здесь ли, в Англии, или в Венеции, где умер мой муж, и встретимся в последний раз».

В конце концов, это всего лишь совпадение, что именно после этих слов ход событий неожиданно увлекал Агнес в Венецию. Точно ли, что эта зловещая прорицательница еще в Америке и между ними тысячи и тысячи миль? А может, ход событий и ее влечет сейчас в Венецию? Агнес вскочила с кресла, устыдившись, что хоть на минуту поддалась суеверию, внушившему ей эти мысли.

Она позвонила, послала за своими подопечными и объявила домашним о скором отъезде. Шумный восторг детей, лихорадка быстрых сборов придали ей новые силы. Как они того заслуживали, она брезгливо отринула нелепые опасения. Она работала, как могут работать только женщины, отдающиеся делу всем сердцем. В тот же день путешественники добрались до Дублина и сразу сели на корабль, отплывавший в Англию. А через два дня они были в Париже с лордом и леди Монтбарри.

Часть четвертая

Глава 1

Было 20 сентября, когда Агнес с детьми приехали в Париж. А миссис Норбери и ее брат Фрэнсис уже начали свое итальянское путешествие — по меньшей мере за три недели до того, как открывшийся отель примет приезжающих.

Виновником этого заблаговременного отъезда был Фрэнсис Уэствик.

Подобно своему младшему брату Генри, он упрочил свое финансовое положение благодаря собственной энергии и смекалке — с той лишь разницей, что действовал он в области искусства. Сначала он зарабатывал деньги, выпуская еженедельную газету, потом вложил доход в один лондонский театр. Это прекрасно поставленное дело пользовалось у публики твердой и великодушной поддержкой. Раздумывая, чем привлечь театралов в наступающем зимнем сезоне, Фрэнсис решил встряхнуть пресыщенных балетоманов зрелищем собственного изобретения, где танец сочетался с драматическим действием. Соответственно сейчас он был занят поисками лучшей танцовщицы, какая только могла отыскаться на континенте, с, непременно условием, чтобы та была привлекательна. Прослышав от своих зарубежных корреспондентов, что в Милане и Флоренции блеснули две дебютантки, он пожелал непременно посетить оба города и составить собственное мнение о достоинствах обеих танцовщиц, после чего присоединиться к новобрачным в Венеции. У его вдовой сестры были друзья во Флоренции, ей хотелось их увидеть, и она охотно составила ему компанию. В ожидании дня, на который был назначен семейный сбор в Венеции, Монтбарри оставались в Париже. Во французской столице их нашел Генри проездом из Лондона на открытие нового отеля.

Вопреки советам леди Монтбарри, он воспользовался встречей с Агнес, чтобы возобновить свои домогательства. Трудно было выбрать менее удачное время для выяснения отношений. Ни сама она, ни окружающие не могли этого понять, но парижские увеселения подействовали на Агнес угнетающе. Она не жаловалась на нездоровье; она охотно отдавалась калейдоскопу развлечений, какие предлагает иностранцам выдумка этого самого бойкого народа на свете, но ничто не встряхнуло ее, ей было скучно и утомительно все это. В таком душевном и физическом состоянии неуместные речи Генри не только не встретили благожелательного отклика, но и просто переполнили чашу терпения: она откровенно и наотрез отказалась слушать его.

— Зачем ты напоминаешь мне о том, что я перестрадала? — раздраженно спросила она. — Неужели ты не видишь, что это оставило след во мне на всю жизнь?

— Я полагал, что кое-что уже знаю о женщинах, — исповедался он леди Монтбарри, ища утешения. — Но Агнес — совершенная загадка. Прошел год после смерти Монтбарри, а она остается верной его памяти, словно он умер, храня верность ей самой, — она по-прежнему переживает потерю его, как никто из нас.

— Вернее ее не было женщины на земле, — ответила леди Монтбарри. — Помни об этом, и ты ее поймешь. Разве может такая женщина, как Агнес, отдать свое сердце или охладеть, сообразуясь с обстоятельствами? Если человек оказался недостоин ее, перестал ли он быть ее избранником? Вернейший и лучший его друг при жизни, хотя он этого и не заслужил, она, естественно, остается вернейшим и лучшим другом его памяти. Если ты ее действительно любишь — жди; доверься двум своим лучшим друзьям — мне и времени. Завтра же отправляйся в Венецию, а когда будешь прощаться с Агнес, найди теплые слова, словно ничего не случилось.

Генри мудро последовал ее совету. Прекрасно понимая его состояние, Агнес, со своей стороны, попрощалась с ним тепло и сердечно. Когда он уже от двери бросил на нее последний взгляд, она, пряча лицо, поспешно отвернулась. Был ли то добрый знак? Спускаясь с ним по лестнице, леди Монтбарри сказала:

— Конечно, это добрый знак. Напиши нам, когда будешь в Венеции. Мыждемся здесь письма от Артура и его жены, чтобы знать, когда ехать в Италию.

Прошла неделя, но писем от Генри не было. Прошло еще несколько дней, и пришла телеграмма. Отправленная из Милана, а не из Венеции, она содержала странное сообщение: «Выбыл из отеля. Вернусь к приезду Артура с женой. Временный адрес: Алберго, Реале, Милан».

При том, что Венецию он предпочитал всем прочим европейским городам и к тому же предполагал быть на месте, когда съедутся родственники, какая неожиданность могла вынудить Генри переменить свои планы? И почему такой скупой текст, без всяких объяснений? Пусть наш рассказ нагонит его и в самой Венеции отыщет ответы на эти вопросы.

Глава 2

Делая ставку в основном на английских и американских путешественников, отель «Палас» отмечал свое открытие, как водится, грандиозным банкетом и нескончаемыми речами.

Задержавшись в пути, Генри Уэствик объявился, когда гости уже перешли к кофе и сигарам. Обозревая великолепие гостиных и особо отмечая искусное сочетание удобства и роскоши в спальнях, он был готов разделить оптимизм старой няни относительно десятипроцентных дивидендов. Начало, во всяком случае, обнадеживало. Повсеместная реклама пробудила такой интерес к этому предприятию, что в первую же ночь были заняты все номера. Генри смог получить лишь комнатку на верхнем этаже — и то благодаря счастливому случаю: не приехал джентльмен, письмом заказавший ее. Генри это вполне устроило, и он уже шел ложиться спать, когда уже другой случай отвел ему иной ночлег, поместив в лучшие условия.

Поднимаясь из цоколя к себе наверх, Генри вдруг услышал рассерженный голос (он различил в нем новоанглийский акцент), обличавший грубейшее издевательство, какое только можно сотворить над гражданином Соединенных Штатов, а именно предложить ему ночевать в комнате без газовой горелки.

Вообще американцы не только самый покладистый народ на свете, они еще при определенных условиях и самый терпеливый и уравновешенный народ. Но они тоже люди, и отживший обычай спальной свечи кладет предел американскому долготерпению. Путешествующий американец, о котором идет речь, отказывался верить тому, что его спальня может считаться таковой без газового рожка. Указывая на стены и потолок, управляющий обратил его внимание на прекрасные старые росписи, подновленные и со свежей позолотой, и объяснил, что газовая лампа непременно все зачадит уже через несколько месяцев. Путешественник отвечал, что это возможная вещь, но росписи ему без надобности. Он привык к спальне с газом, он хочет спальню с газом, и он намерен ее получить. Уступчивый управляющий согласился поспрашивать на верхнем этаже, где условия похуже, но освещение газовое, не согласится ли какой-нибудь джентльмен поменяться номерами. Генри, слышавший это, был вовсе не прочь обменять маленькую спальню на большую и вызвался быть этим добровольцем. Замечательный американец тут же пожал ему руку.

— Вы культурный человек, сэр, — сказал он, — и вам эта роспись в самый раз.

Входя в номер, Генри поднял глаза на табличку. Там стояла число «14».

Усталый и сонный, он предвкушал хороший ночной отдых. Имея абсолютно здоровые нервы, он хорошо спал и дома, и на новом месте. Однако без сколько-нибудь внятной причины его ожидания не оправдались. Роскошная постель, хорошо проветренная комната, восхитительная тишь венецианской ночи — все располагало ко сну. А он не сомкнул глаз. Невыразимая тоска и тревога не покидали его ни ночью, ни на рассвете. Как только отель подал признаки жизни, он спустился в столовую и заказал завтрак. Когда принесли еду, он обнаружил в себе еще одну необъяснимую перемену. У него абсолютно отсутствовал аппетит. Прекрасный омлет, отличные отбивные он вернул, даже не попробовав, а ведь он никогда не жаловался на отсутствие аппетита и чего только не усваивало его пищеварение!

День был ясный, погожий. Он заказал гондолу и отправился в Лидо.

В открытой ветрам лагуне он почувствовал себя другим человеком. Еще десять минут назад он был в отеле, а сейчас уже крепко спал в гондоле. Проснувшись, когда они приставали к берегу, он пересек Лидо и с удовольствием искупался в Адриатике. В те дни на острове был всего один плохонький ресторан; однако к этому времени его аппетит разыгрался не на шутку, и он съел все, что ему подали. Вспоминая, как в отеле он отказался даже попробовать свой прекрасный завтрак, он не мог этому поверить.

В Венеции он провел остаток дня в картинных галереях и соборах. К шести часам, когда гондола доставила его в отель, он нагулял себе хороший аппетит и, встретив дорожных знакомых, договорился с ними пообедать за табльдотом.

Обед заслужил высшую похвалу у всех постояльцев, кроме Генри. К его изумлению, едва он сел за стол, аппетит мгновенно и таинственно пропал. Он выпил немного вина, но так ничего и не съел.

— Что с вами творится? — спрашивали знакомые.

Он честно отвечал:

— Я знаю это не больше вас.

С наступлением ночи он подвергнул новому испытанию свою удобную и красивую спальню. Результат был тот же, что и в первый раз. Снова им овладели безысходная тоска и тревога. Снова он провел бессонную ночь. И опять, когда он сел завтракать, он не испытывал ни малейшего аппетита.

Что новый отель действует на человека столь необычным образом, нельзя было обойти молчанием. Генри обмолвился об этом друзьям в

холле, а управляющий услышал. Управляющий, естественно, болел за свой отель, и его задело, что на 14-й номер ложится пятно. Он пригласил присутствующих самим рассудить, насколько спальня мистера Уэствика виновна в его бессоннице; он особо побуждал возглавить расследование седоголового джентльмена, которого пригласил на завтрак некий английский гость.

— Это доктор Бруно, наш первый врач в Венеции, — объяснил он окружающим. — Пусть он разберется, оказывает комната мистера Уэствика какое-нибудь вредное влияние или нет.

В номере 14 доктор огляделся с явным интересом, который не укрылся от присутствующих.

— Последний раз я был в этой комнате, — сказал он, — в связи с грустным событием. Тогда еще это было палаццо, а не отель. Меня вызвали к английскому дворянину, который тут умер.

Кто-то поинтересовался, как звали этого дворянина. Совершенно не подозревая, что он говорит в присутствии брата покойного, доктор Бруно ответил:

— Лорд Монтбарри.

Генри молча выскользнул из комнаты.

Он ни в коем случае не был суеверным человеком. И тем не менее нежелание оставаться в отеле завладело всем его существом. Он решил уехать из Венеции. Просить другую комнату — значило оскорбить управляющего. Переехать в другой отель — значило ставить под удар дело, в успехе которого он был кровно заинтересован. Артуру Барвиллу, когда тот приедет в Венецию, он оставил записку, в которой писал, что уехал на озера и что одной строчки по адресу его миланского отеля будет достаточно, чтобы вызвать его обратно; после чего он сел в дневной поезд на Падую, а потом с аппетитом обедал и ночью спал без задних ног.

На следующий день, возвращаясь к себе в Англию, в отель прибыли некий джентльмен с супругой, не имевшие никакого отношения к семейству Монтбарри, и заняли 14-й номер.

Тревожась о том, что на его лучшую спальную комнату легло пятно, управляющий не преминул спросить путешественников наутро, как они нашли свою комнату. Они предоставили ему самому судить об этом, задержавшись в Венеции на лишний день, чтобы еще насладиться прекрасными условиями, которые им предлагал новый отель.

— Мы не видели ничего подобного в Италии, — сказали они. — Будьте уверены, мы будем рекомендовать вас всем нашим друзьям.

Когда 14-й номер снова освободился, комнату увидела английская

дама, явившаяся в отель с горничной, и, увидев, сразу же ее заняла.

Это была миссис Норбери. Фрэнсис Уэствик был занят переманиванием в свой театр новой танцовщицы из Ла Скала, и миссис Норбери оставила его в Милане. Не имея опровергающих сведений, она полагала, что Артур Барвилл с женой уже приехали в Венецию. Ей интереснее было повидаться с молодоженами, чем дожидаться завершения долгого и трудного торга с танцовщицей; она обязалась передать извинения от имени брата, если театральные дела вынудят его задержаться и он не успеет к празднованию медового месяца.

На миссис Норбери 14-й номер подействовал совершенно иначе, чем на ее брата Генри.

Как всегда, быстро заснув, она погрузилась в вереницу кошмаров; главным действующим лицом неизменно был ее покойный брат, первый лорд Монтбарри. То его морили голодом в смрадной темнице; то за ним гнались убийцы и, догнав, закалывали ножами; то он тонул в темных пучинах; то лежал в постели, и его пожирал огонь; то какая-то призрачная фигура соблазняла его глотком воды, и он умирал от яда. Повторяемость этих ужасных видений так подействовала на нее, что она поднялась с рассветом и уже не решалась лечь в постель. Еще в детстве было замечено, что из всей семьи она одна хорошо относилась к Монтбарри. Ее сестра и братья постоянно ссорились с ним. Даже мать признавалась, что старшего сына она любит меньше других детей. Женщина впечатлительная и не из пугливых, миссис Норбери сидела у окна, за которым вставало солнце, и содрогалась от ужаса, вспоминая ночные видения.

Когда в обычное время вошла горничная и испугалась ее вида, она сказала первое, что пришло ей в голову. Горничная отличалась суеверием, и было бы крайне неблагоприятно сказать ей правду. Миссис Норбери просто сказала, что кровать пришлась ей не по вкусу — она велика для нее. Дома она привыкла спать на узкой постели, и горничная это знала. Когда позже об этом неудобстве узнал управляющий, он огорчился, что может предложить даме только еще одну спальню на выбор, а именно номер 38-й, располагавшийся прямо у нее над головой. Миссис Норбери согласилась переменить комнаты. Теперь ей предстояло провести вторую ночь в покоях, которые прежде занимал в палаццо барон Ривар.

Как всегда, она быстро заснула, и снова, как в первую ночь, ее принялись терзать, сменяя друг друга, страшные видения. На этот раз разгулявшиеся нервы не выдержали новой пытки. Она накинула халат и среди ночи выбежала из комнаты. Всполошенный хлопнувшей дверью швейцар видел, как она стремглав сбегает по лестнице, не зная к кому

кинуться. Не переставая удивляться пресловутым английским чудачествам, швейцар справился в книге и повел даму наверх, в комнату ее горничной. Та не спала и, что самое удивительное, даже не раздевалась. Она совершенно спокойно восприняла приход госпожи. Когда они остались наедине и миссис Норбери была вынуждена посвятить горничную в свою тайну, последовал очень странный ответ.

— За ужином в людской я расспрашивала о нашем отеле, — сказала горничная. — Лакей проживающего тут джентльмена слышал, что последним обитателем палатки, пока его не переделали в отель, был покойный лорд Монтбарри. Пролетную ночь вы спали как раз в той комнате, где он умер. Ваша сегодняшняя комната прямо над ней. Я не говорила, чтобы не напугать вас. Сама я, как видите, сижу со светом и читаю Библию. Сдается мне, никто из вашей семьи не будет иметь покоя под этой крышей.

— Что вы хотите сказать?

— Извольте, я объясню, мадам. Когда здесь был мистер Генри Уэствик (это мне тоже лакей сказал), он, как и вы, занимал комнату, где умер его брат (не зная об этом, конечно). Так он две ночи не смыкал глаз. Без всякой причины (лакей слышал, он сам это говорил джентльменам в столовой)... без всякой причины он просто не мог спать; он тосковал и не находил себе места. А днем ему кусок в горло не шел в этом доме. Можете смеяться надо мной, мадам, но у слуг тоже есть свои соображения. Вот и я думаю: мы ничего не знаем, но что-то стряслось с милордом, когда он умирал в этом доме. И его дух мыкается и страдает, пока не поведает об этом. А родственники чувствуют, что он близко. Им еще доведется его увидеть. Умоляю вас, не оставайтесь в этом страшном доме! Сама бы я ни за что не осталась тут еще на ночь, хоть вы меня озолотите.

На этот счет миссис Норбери сразу ее успокоила.

— Я не разделяю ваших мыслей, — строго сказала она, — но о случившемся нужно сказать брату. Мы возвращаемся в Милан.

Проведя еще несколько часов в вынужденном ожидании, они уехали с первым же утренним поездом.

До отъезда горничная успела по секрету рассказать лакею о своем разговоре с госпожой. Лакей, в свою очередь, поделился новостью с друзьями. Передаваемый из уст в уста рассказ дошел до управляющего. Тот сразу смекнул, что репутация отеля под угрозой, если не удастся каким-либо образом обелить комнату номер 14. Отлично знавшие отечественное сословие пэров путешественники-англичане объяснили ему, что Генри Уэствик и миссис Норбери далеко не единственные члены семейства Монтбарри. Любопытствуя, в отель могут нагрянуть и другие

родственники, прослышав о случившемся. Сообразительность подсказала управляющему, как ввести их в заблуждение. На привинченных к дверям белых фарфоровых пластинах номера комнат были выписаны синей эмалевой краской. Он заказал пластину с номером 13А и, пока ее готовили, в опустевший номер никого не селил. Потом комната получила новый номер, а освободившаяся пластина с номером 14 перекочевала на дверь его собственной комнаты, на втором этаже, которая не предназначалась для постояльцев и посему избежала нумерации. Благодаря этой хитрости номер 14 как спальный номер раз и навсегда исчез из всех книг.

Под страхом увольнения наказав слугам не проболтаться приезжающим о переменных номерах, управляющий утешил себя мыслью, что свой долг перед хозяевами он выполнил. «Теперь, — думал он с простительным торжеством, — пусть хоть вся семья приезжает сюда! Концов они тут не найдут».

Глава 3

Уже к концу недели «семья» напомнила о себе управляющему. Из Милана пришла телеграмма, извещавшая, что на следующий день в Венецию прибывает мистер Фрэнсис Уэствик и что он будет признателен, если для него придержат номер 14 на первом этаже, если он окажется свободным.

Прежде чем отдавать распоряжение, управляющий основательно задумался.

Перенумерованную комнату уже отдали французскому джентльмену. Она будет занята, когда приедет мистер Фрэнсис Уэствик, но уже на следующий день освободится. Так, может, ее действительно оставить для мистера Фрэнсиса? И когда, ничего не подозревая, он благополучно переночует в номере 13А, наутро спросить его при свидетелях, как ему спалось. Если о комнате снова пойдут худые толки, его ответ восстановит справедливость, поскольку будет исходить от члена той самой семьи, которая впервые опорочила номер 14. Немного поразмышляв, управляющий решил рискнуть и распорядился, чтобы 13А оставили за мистером Фрэнсисом Уэствиком.

Фрэнсис Уэствик приехал в наилучшем расположении духа.

Он подписал контракт с самой известной итальянской танцовщицей, порекомендовал миссис Норбери заботам брата Генри, уже съехавшегося с ними в Милане, и теперь он имел полную возможность доставить себе развлечение, всесторонне расследуя необычайное действие нового отеля на своих родственников. Когда брат с сестрой поведали ему о своих испытаниях, он тотчас заявил, что поедет в Венецию исключительно ради собственного театра. Сообщенные ему обстоятельства сулили самую настоящую драму с привидениями. В вагоне он даже придумал название: «Отель с привидениями». Напечатайте это красными шестифутовыми буквами на черном фоне да расклейте афиши по всему Лондону — и, будьте уверены, возбужденная публика валом повалит в театр. Несмотря на самый любезный прием, оказанный ему управляющим, в отеле Фрэнсиса ждало разочарование.

— Тут какая-то ошибка, сэр. Никакого номера 14 на первом этаже нет. Комната с этим номером находится на втором этаже, и со дня открытия отеля ее занимаю я сам. Возможно, вы имеете в виду номер 13А? Это на первом этаже. Она будет к вашим услугам завтра; прекрасная комната. А

пока мы сделаем все, чтобы обеспечить вам сегодняшний ночлег.

Мало кто так же неспособен держаться хорошего мнения о ближнем, как преуспевающий хозяин театра. Про себя Фрэнсис записал управляющего в мошенники, а разговор о нумерации комнат счел враньем.

В тот день он обедал в ресторане один, до табльдота, имея ясную цель: расспросить официанта без посторонних. Из ответов выяснилось, что номер 13А располагается там же, где по описаниям брата и сестры находился номер 14. Потом он спросил список постояльцев. Выяснилось, что занимавший номер 13А французский джентльмен был владельцем парижского театра, которого он лично знал. Он сейчас в отеле? Он отсутствовал, но обязательно вернется к табльдоту. Фрэнсис пришел в столовую к концу табльдота, и парижский коллега встретил его буквально с распростертыми объятиями.

— Приходите ко мне выкурить сигару, — сказал сердечный француз. — Мне интересно знать, в самом ли деле вы ангажировали эту итальянку.

Фрэнсису сама собой представилась возможность сравнить интерьер комнаты с описанием ее, слышанным в Милане.

Уже подходя к двери, француз вспомнил о своем попутчике.

— Со мной тут декоратор, — сказал он, — собирает материал. Прекрасный парень, он будет признателен, если мы его позовем. Я велю швейцару направить его к нам, когда он появится. — Он передал ключ от комнаты Фрэнсису. — Вернись через минуту. Это в конце коридора — «тринадцать-а».

Фрэнсис один вошел в комнату. Вот она, роспись на стенах и потолке, о которой он столько слышал! Он уяснил это себе с первого взгляда, и в ту же минуту случилась такая мерзость, что он мог теперь заниматься только своими ощущениями.

Он вдруг почувствовал, как комната наполнилась непонятно откуда взявшимся зловонием, гаже которого он в жизни своей не знал. В его состав, если такое возможно, входили два вполне различных запаха: слабый и малопрятный душок, замешанный на тошнотворном смраде. Не в силах вынести эту отраву, он распахнул окно и высунул голову наружу.

С сигарой во рту вернулся его французский коллега. При виде открытого окна, страшнее чего не могут представить себе его соотечественники, он отпрянул в смятении.

— Вы, англичане, совершенно помешаны на чистом воздухе! — вскричал он. — Мы же насмерть простудимся.

Фрэнсис обернулся и изумленно уставился на него.

— Как! Вы не чувствуете, какой в комнате запах? — спросил он.

— Запах? — повторил собрат по искусству. — Я чувствую запах моей хорошей сигары. Угощайтесь! И, ради бога, закройте окно.

Помотав головой, Фрэнсис отказался от сигары.

— Извините меня, — сказал он. — Закройте окно сами, когда я уйду. У меня темно в глазах и кружится голова — мне лучше выйти. — Он прикрыл нос и рот платком и направился к двери.

Француз шел за ним в полной растерянности, упуская случай закрыть окно.

— Неужели это так противно? — спросил он, изумленно выкатив глаза.

— Чудовищно! — глухо сказал Фрэнсис из-за платка. — Ничего подобного я не ощущал за всю мою жизнь.

В дверь постучали. Вошел декоратор. Его хозяин сразу спросил, какой запах он чувствует.

— Запах вашей сигары. Восхитительный! Дайте мне попробовать!

— Погодите, а кроме сигары, вы ничего не чувствуете? Ничего гадкого, мерзкого, удушающего, неопишуемого, небывалого?

Столь темпераментная речь озадачила декоратора.

— Воздух как воздух, — сказал он, — чистый и свежий.

Он удивленно оглянулся на Фрэнсиса Уэствика, с нескрываемым отвращением смотревшего из коридора в комнату.

Приблизившись, парижский коллега внимательно и тревожно взгляделся в него.

— Смотрите, мой друг, нас двое, и у нас такие же носы, как у вас, однако мы ничего не чувствуем. Если вам угодно еще доказательство, то вот еще носы. — Он показал на пару английских девчушек, игравших в коридоре. — Дверь у меня открыта, а запах, вы знаете, распространяется быстро. Сейчас я допрошу эти невинные носы на языке вашего унылого острова. Душеньки, вы чувствуете какой-нибудь ужасный запах, а?

Дети рассмеялись и решительно ответили:

— Нет!

— Дорогой Уэстик, — продолжал тот по-французски, — вывод, очевидно, ясен? Что-то скверное, очень скверное происходит с вашим собственным носом. Я рекомендую обратиться к врачу.

Подав этот совет, он вернулся в комнату и с возгласом облегчения закрыл окно. Фрэнсис вышел из отеля и улочками направился на площадь Святого Марка. Вечерний ветерок взбодрил его. Он наконец раскурил сигару и смог спокойно размышлять о происшедшем.

Глава 4

Сторонясь толчеи под колоннадами, Фрэнсис мерил державное пространство площади, залитой светом поднимавшейся луны.

Он был, не ведая о том, законченным материалистом. Странное действие, которое произвела на него комната, до этого столь же странной подействовавшая на других близких его покойного брата, не очень обескуражило эту чувствительную натуру. «Возможно, — размышлял он, — я в большей степени фантазер, чем полагал, и воображение сыграло со мной скверную шутку. А может, прав мой друг и со мной что-то неладно? Я определенно не чувствую себя больным, но иногда это ни о чем не свидетельствует. Ночевать в этой мерзкой комнате мне, слава богу, не надо, а утром увидим, показываться врачу или нет. И не похоже, чтобы отель подсказал мне сюжет пьесы. Смердящий невидимый призрак — это, безусловно, свежая мысль. Однако она с изъясном. Возьмись я осуществить это на сцене, я выкурю из зала всю публику».

Завершив свои здравые суждения этим остроумным выводом, он заметил, что его самым внимательным образом разглядывает некая дама, одетая во все темное.

— Если не ошибаюсь, мистер Уэствик? — спросила дама, когда он ответно взглянул на нее.

— Да, это мое имя, мадам. А с кем, простите, имею честь говорить?

— Мы с вами виделись всего одни раз, — сказала она, уходя от ответа. — Ваш покойный брат знакомил меня с вашим семейством. Интересно, вспомните ли вы мои большие темные глаза и страшный облик? — Она подняла вуаль и подставила лицо лунному свету.

Фрэнсис тотчас узнал эту единственную в своем роде женщину, вызывавшую в нем самое неприязненное чувство: вдова его брата, первого лорда Монтбарри. Он нахмурился. Намучившись на репетициях со строптивыми актерами, он приучил себя грубить женщинам, которые ему неприятны.

— Я вас помню, — сказал он. — Я думал, вы в Америке.

Она оставила без внимания его нелюбезное обращение, и когда, приподняв шляпу, он собрался уходить, просто задержала его.

— Походите со мной несколько минут, — невозмутимо сказала она. — Мне нужно кое-что сказать вам.

Он показал на сигару.

— Я курю, — сказал он.

— Я не возражаю.

Оставалось либо грубить дальше, либо покориться. Он покорился, кое-как соблюдая приличия.

— Ну? — сказал он. — Что вы хотите мне сказать?

— Сейчас услышите, мистер Уэствик. Но сначала скажу, в каком я положении. Я одна на белом свете. К потере мужа теперь добавилась другая утрата: в Америке погиб мой брат, барон Ривар.

Фрэнсису были хорошо известны и репутация барона, и сомнительность, по слухам, его родства с графиней.

— Пристрелили в игорном доме? — без церемоний спросил он.

— Кому, как не вам, задавать этот вопрос, — осадила она его тем насмешливым тоном, какой приберегала для особых случаев. — Вы же все помешаны в Англии на скачках, вы нация игроков. Нет, мистер Уэствик, мой брат умер своей смертью. Как множество других несчастных, его свела в могилу лихорадка, трепавшая западный городок, где мы оказались проездом. Боль утраты настроила меня против Америки. С первым же пароходом я отплыла из Нью-Йорка. Это было французское судно, оно доставило меня в Гавр. Мое одинокое путешествие продолжилось на юг Франции. И вот я приехала в Венецию.

«Какое мне до этого дело?» — думал Фрэнсис.

Она между тем ждала, что он скажет.

— Вот вы приехали в Венецию, — сказал он безразличным голосом. — Зачем?

— Затем, что ничего не могла с собой поделать.

Он взглянул на нее с откровенным любопытством.

— Странное дело, — сказал он. — Как это? Ничего не могли с собой поделать?

— У женщин в обычае совершать импульсивные поступки, — пояснила она. — Можно допустить, что какой-то импульс подвигнул меня на это путешествие. При том, что меньше всего на свете мне хотелось тут оказаться. Самые ненавистные мысли связаны у меня с этим местом. Будь моя воля, я бы никогда сюда не вернулась. Я ненавижу Венецию. И однако я здесь, как видите. Встречалась вам когда-нибудь еще такая же несообразная женщина? Уверена, что нет. — Она смолкла, не спуская с него глаз, и неожиданно сменила тон. — Когда ожидается в Венеции мисс Агнес Локвуд? — вдруг спросила она.

Как ни трудно было вывести Фрэнсиса из равновесия, своим невероятным вопросом она этого добилась.

— Откуда, к черту, вы знаете, что мисс Локвуд приезжает в Венецию? — вскричал он.

Она рассмеялась — ядовито, с издевкой:

— Допустим, догадалась.

Ее тон, а может, этот вызывающе дерзкий взгляд взбесили его.

— Леди Монтбарри!.. — начал он.

— Не продолжайте! — перебила она его. — Так теперь зовется жена вашего брата Стивена. А я ни с кем не делюсь титулом. Зовите меня тем именем, что было у меня до моего злосчастного замужества. Будьте любезны, зовите меня графиней Нароной.

— Графиня Нарона, — продолжал Фрэнсис, — если, пользуясь знакомством со мной, вы намерены задавать мне загадки, то со мной это не пройдет. Либо высказывайтесь начистоту, либо, с вашего позволения, я раскланиваюсь.

— Если вы намерены держать в тайне приезд мисс Локвуд в Венецию, — парировала она, — так и скажите, тоже начистоту.

Она явно хотела его позлить, и это ей удалось.

— Чушь! — взорвался он. — Мой брат не делает тайны из своих дорожных планов. С леди Монтбарри и детьми он везет сюда и мисс Локвуд. Если вы обо всем так хорошо осведомлены, может, вы знаете, зачем она едет в Венецию?

Графиня вдруг впала в тяжелую задумчивость. Она не отвечала.

Странная пара дошла до края площади и стала перед собором Святого Марка. Заливавший его лунный свет выявил дивное разнообразие архитектурных деталей. Были видны даже голуби Святого Марка: плотными рядами они облепили арки высоченных входных дверей.

— Впервые вижу, чтобы храм так прекрасно смотрелся при луне, — скорее себе, чем Фрэнсису, вполголоса сказала графиня. — Прощай, Святой Марк при луне! Больше мы не увидимся. — Отвернувшись от собора, она увидела, что Фрэнсис слушает ее с озадаченным видом. — Нет-нет, — продолжала она, возвращаясь к прерванному разговору, — я не знаю, зачем сюда едет мисс Локвуд; я только знаю, что мы должны увидеться в Венеции.

— Это договоренность?

— Это судьба, — ответила она, уронив голову на грудь (Фрэнсис рассмеялся). — Или то, что глупцы называют случаем, — вставила она, — если вам это больше подходит.

Призвав все свое здравомыслие, Фрэнсис поддержал разговор.

— Случай странно устраивает вашу встречу, — сказал он. — Мы все

договорились съехаться в отеле «Палас». Как же случилось, что вас нет в списке постояльцев? Уж, наверное, судьба должна была доставить и вас в отель «Палас».

Вдруг она опустила вуаль.

— Судьба еще может это сделать, — сказала она. — Отель «Палас»? — повторила она, уясняя себе. — Ад, претворенный в Чистилище. То же самое место! О Святая Мария! То же самое место! — Она смолкла и положила руку ему на локоть. — А вдруг мисс Локвуд не остановится с вами? — тревожно спросила она. — Вы положительно уверены, что она будет с вами в отеле?

— Уверен. Я же сказал вам, что мисс Локвуд путешествует с лордом и леди Монтбарри, что она член семьи, — разве вы это не поняли? Так что, графиня, придется вам пожаловать в наш отель.

Ее несколько не задел его подтрунивающий тон.

— Да, — слабо сказала она. — Придется пожаловать в ваш отель.

Она еще держала его за локоть; он чувствовал, как она дрожит с головы до ног. Как ни была она ему неприятна и сомнительна, элементарная человечность побудила его обеспокоиться, не холодно ли даме.

— Да, зябко. И темнеет в глазах, — сказала она.

— Зябко и темнеет в глазах... в такую ночь, графиня?

— Ночь не имеет к этому никакого отношения, мистер Уэствик. Что, по-вашему, чувствует преступник, когда палач затягивает петлю у него на шее? Ему, я уверена, тоже зябко, и у него темнеет в глазах. Не взыщите, что у меня такая фантазия. Судьба затянула петлю на моей шее, и я это ощущаю.

Она огляделась. Они стояли неподалеку от кафе «Флориан».

— Зайдите со мной туда, — сказала она, — мне надо чем-нибудь взбодриться. И не раздумывайте, это в ваших интересах. Я еще не сказала вам того, что хотела сказать. Это деловой разговор, он имеет отношение к вашему театру.

Гадая про себя, какая ей корысть в его театре, Фрэнсис без особой охоты внял неизбежному и вошел с ней в кафе. Он нашел тихий уголок, чтобы не особенно бросаться в глаза.

— Чего вы желаете? — спросил он.

Не желая затруднить его, она сама сделала заказ официанту:

— Мараскине ^[7]. И чайник с заваркой.

Официант и Фрэнсис изумленно округлили глаза. В сочетании с мараскине чай был новостью для них. Когда ее заказ был исполнен,

графиня, не задумываясь, как к этому отнесутся, велела официанту вылить большую рюмку ликера в стакан и долить доверху чаем.

— Я не могу сама, — объяснила она, — у меня дрожат руки.

Эту странную смесь она выпила с жадностью, обжигаясь.

— Мараскиновый пунш, — сказала она. — Не желаете попробовать? Я наследую патент на этот напиток. Когда ваша королева Каролина ^[8]жила на континенте, мою матушку определили к ее двору. В счастливую минуту обиженная жизнью августейшая особа изобрела мараскиновый пунш. Сердечно привязавшись к этой милостивой государыне, матушка усвоила ее вкусы, а от нее в свою очередь я переняла. Итак, мистер Уэствик, позвольте теперь сказать о деле. У вас театр. Вам нужна новая пьеса?

— Мне всегда нужна новая пьеса — хорошая, разумеется.

— Если она хорошая, вы платите за нее?

— Я плачу щедро, это в моих интересах.

— Если пьесу напишу я, вы ее прочтете?

Фрэнсис опешил.

— Что вас надоумило писать пьесу? — спросил он.

— Случай, — ответила она. — Мне довелось рассказывать покойному брату о визите к мисс Агнес в последний приезд в Англию. Его не заинтересовало содержание разговора, но поразил сам рассказ. Он сказал: «Происшедшее между вами ты изложила точным и выразительным языком театрального диалога. У тебя есть сценическая жилка. Попробуй написать пьесу. Можешь заработать на этом деньги». Вот это меня и надоумило.

Последние слова его потрясли.

— Но вам же не нужны деньги! — воскликнул он.

— Мне всегда нужны деньги. У меня расточительные вкусы. А имею я жалкие четыреста годовых и что осталось от других денег — фунтов двести в кредитных письмах.

Фрэнсис понял, что речь идет о тех десяти тысячах, что она получила от страховых контор.

— Профукать все эти тысячи! — воскликнул он.

Она дунула поверх сложенных пальцев.

— Вот так это делается, — холодно ответила она.

— Барон Ривар?

Она подняла на него вспыхнувшие гневом темные глаза.

— Мои дела — это моя тайна, мистер Уэствик. Я сделала вам предложение, и вы пока не ответили мне. Не говорите «нет», сначала подумайте. Вспомните, какую жизнь я прожила. Мало кто, включая драматургов, столько же перевидал. Я извела удивительные

приключения, наслушалась замечательных историй, я присматривалась, я запоминала. И что же, в моей голове не наберется материала на пьесу, представься мне возможность написать ее? — Минуту помолчав, она снова проявила непонятный интерес к Агнес: — Когда вы ожидаете здесь мисс Локвуд?

— Какое это имеет отношение к вашей будущей пьесе, графиня?

Та словно бы затруднилась подходящим ответом. Наполнив второй стакан мараскиновым пуншем, она на добрую половину опустошила его, прежде чем заговорить.

— Это имеет самое прямое отношение к моей будущей пьесе, — отрезала она. — Отвечайте же.

И Фрэнсис ответил:

— Мисс Локвуд может быть здесь через неделю, если не раньше.

— Отлично. Если через неделю я буду жива и на воле, а иначе говоря, в здравом рассудке — не прерывайте, я знаю, о чем говорю, — у меня будет готов набросок, по которому можно будет видеть, на что я способна. Еще раз спрашиваю вас: вы прочтете?

— Безусловно, прочту. Но я не понимаю, графиня...

Подняв руку, она призвала его к молчанию и допила второй стакан пунша.

— Я — живая загадка, — сказала она. — И вам хочется меня разгадать. Что ж, вот вам отгадка. Широко распространена глупая идея, что-де уроженцы теплых стран обладают богатым воображением. Это глубочайшее заблуждение. Таких прозаических людей, как в Италии, Испании, Греции и других южных странах, вы больше нигде не встретите. Мир фантазии и духа от рождения недоступен им. Редко-редко, однажды в несколько столетий, среди них рождается гений, и это то исключение, что подтверждает правило. Так вот, я хоть и не гений, но, на свой скромный лад, тоже, думается мне, исключение. Мне перепала толика воображения, которым столь щедро одарены англичане и немцы в ущерб итальянцам, испанцам и прочим. Каков же результат? Мое воображение приняло болезненный характер. Меня томят предчувствия, превратившие грешную мою жизнь в один нескончаемый ужас. Но речь сейчас не о том, что они собой представляют, мои предчувствия. Достаточно того, что они совершенно подчинили меня себе. По собственному страшному произволу они гонят меня за моря и земли, они терзают меня даже сейчас! Отчего я им не противлюсь, вы скажете? Ха! Я противлюсь. И сейчас, с помощью доброго пунша, пытаюсь противиться. Я пестовала в себе труднейшую добродетель: здравый смысл. И здравомыслие порой внушает мне, что я

небезнадёжна. Был случай, когда окружающую меня явь я посчитала бредовым измышлением, — и я даже советовалась с английским врачом! И вообще трезвые сомнения посещают меня. Но что толку говорить сейчас об этом! Кончается это всегда теми же неотступными кошмарами. Через неделю я буду знать: судьба решает мое будущее, или оно в моих руках? Если последнее, то я намерена загрузить мое изболевшее воображение работой, о чем я вам уже сказала. Вы понимаете меня хоть чуточку лучше? О деле мы договорились, и не выйти ли нам теперь, дорогой мистер Уэствик, из этой душной комнаты на свежий воздух?

Они встали. Про себя Фрэнсис заключил, что мараскиновый пунш — другой причины он не видел — развязал графине язык.

Глава 5

— Мы еще увидимся? — спросила она, протягивая ему на прощание руку. — О пьесе, я считаю, мы договорились?

Фрэнсис вспомнил вечернее происшествие в перенумерованной комнате.

— С моим пребыванием в Венеции все неопределенно, — ответил он. — Если вы еще что-то имеете сказать об этой вашей театральной затее, то лучше сделать это сейчас. Вы остановились на каком-нибудь сюжете? Я лучше вас знаю английскую публику, и, если ваш сюжет не годится, я мог бы сберечь вам и время, и силы.

— Когда я пишу, мне неважно, о чем я пишу, — не задумываясь, ответила она. — Если у вас есть свой сюжет — милости просим. Я отвечаю за характеры и диалоги.

— Вы отвечаете за характеры и диалоги! — повторил Фрэнсис. — Смело сказано для начинающего автора. Интересно, поколеблется ли ваша самонадеянность, предложи я вам рискованный сюжет, какой только возможен на театральных подмостках? Не желаете ли, графиня, потягаться с Шекспиром и испытать себя в драме с призраком? При этом — доподлинный случай, события происходят в этом самом городе и прямо касаются нас с вами.

Схватив его за руку, она потянула его из-под людной колоннады на пустынную площадь.

— Говорите! — приказала она. — Здесь нас не слышат. Каким образом это касается меня?

Она нетерпеливо встряхнула его, ожидая признания. Он был в нерешительности. Пока его забавляла ее неискушенная вера в свои силы, он отчасти валял дурака. Теперь он видел всю серьезность ее намерений, и ему было не до шуток. Ведь она знала все, чем жило старое палаццо до своего преобразования в отель, и, вполне возможно, предложит хоть какое-то объяснение случившемуся с его братом и сестрой, да и с ним тоже. А нет — так, может, проговорится о чем-то своем, личном? И опытный драматург с ее подсказки сделает пьесу. У него была одна забота в жизни: благополучие его театра. «Может, сами „Корсиканские братья“ ^[9]идут мне в руки, — думал он. — Этакая новинка соберет мне десять тысяч фунтов, не меньше!»

С этими мыслями (а не будь он беззаветно предан своему делу —

плохой он тогда антрепренер) Фрэнсис, не мучаясь больше сомнениями, рассказал, какие испытания выпали ему в этом окаянном отеле и что пережили его близкие. Он не упустил сказать и про темную горничную миссис Норбери с ее суеверным ужасом.

— Грустная история, если задуматься, — заметил он. — Но есть драматическое зерно в самой мысли, что призрак дает о себе знать близким родственникам, когда те по очереди оказываются в роковой комнате, и что кому-то одному выходец с того света объявится и поведаст страшную тайну. Вот вам, графиня, и материал для пьесы — первоклассный материал!

Он умолк. Она не двигалась и молчала. Наклонившись, он заглянул ей в лицо.

Попытайся он специально привести ее в такое состояние, он и тогда бы настолько не преуспел. Перед ним стоял каменный истукан — как тогда, перед Агнес, давший наконец ясный ответ о Феррари. Пустой, остановившийся взгляд, помертвелое лицо. Фрэнсис взял ее за руку — холодную, как камни, на которых они стояли. Он спросил, не дурно ли ей.

Она была недвижна. С таким же успехом он мог толковать с мертвецом.

— Не достанет же у вас глупости, — сказал он, — принять всерьез, что я вам тут наговорил!

Тут у нее дрогнули губы. Похоже, она что-то пыталась сказать ему.

— Громче, — попросил он. — Я не слышу.

Она с трудом приходила в чувство. Чуть прояснился тусклый, стылый взгляд. Наконец он ее услышал.

— Нет, о том свете я не думала, — глухо, как во сне, выговорила она.

Мыслями она вернулась к памяtnому разговору с Агнес; она припомнила сорвавшееся признание, неотвратимость новой встречи. Ничего не ведавший Фрэнсис только растерянно взирал на нее. С отсутствующим видом, смутно глядя на него, она глухим, ничего не выражающим голосом перебирала свои мысли:

— Я сказала, что в следующий раз нас сведет какой-нибудь пустячный случай. Но нет, не пустячный случай сведет нас. Сказала, что могу оказаться тем человеком, кто расскажет ей, что случилось с Феррари, — если она вынудит меня к этому. А не другая ли это будет сила? Не он ли вынудит меня рассказать? И когда она увидит его, увижу ли я его тоже?

Она понурила голову; тихо сомкнулись тяжелые веки; она испустила протяжный, мучительный стон. Пытаясь ее ободрить, Фрэнсис взял ее под руку.

— Ну-ну, графиня, вы утомились и перенервничали. Мы с вами

чересчур разговорились. Позвольте, я провожу вас в отель. Это далеко?

Когда он двинулся и повлек ее за собой, она вздрогнула, словно очнувшись от сна.

— Недалеко, — слабо сказала она. — Старый отель на набережной. Что-то странное творится с головой: я забыла его название.

— «Даниэли»?

— Да!

Он медленно шел с нею. Она молчала всю дорогу до Пьяцетты. Когда перед ними открылась залитая лунным светом лагуна и он свернул в сторону Рива дели Скиавони, она задержала его.

— Мне надо сказать еще кое-что. Я подумаю и вспомню.

Ускользнувшая мысль вернулась не скоро.

— Вы будете сегодня ночевать в этой комнате? — спросила она.

Он объяснил, что на эту ночь комната остается еще за прежним постояльцем.

— Но завтра управляющий отдает ее мне, — добавил он, — если я пожелаю взять.

— Не надо, — сказала она, — уступите ее.

— Это кому же?

— Мне.

Он вздрогнул.

— Вы в самом деле хотите ночевать завтра в этой комнате после всего, что я вам рассказал?

— Я должна в ней переночевать.

— Вам не страшно?

— Мне смертельно страшно.

— Охотно верю, проведя с вами сегодняшней вечер. Зачем вам эта комната? Что вас вынуждает?

— Меня ничто не вынуждало ехать в Венецию, когда я распрощалась с Америкой, — ответила она. — Тем не менее я приехала сюда. Я должна снять эту комнату и оставаться в ней, пока... — Она оборвала себя. — Впрочем, неважно, — сказала она. — Вам это неинтересно.

Спорить с ней было бесполезно. Фрэнсис переменял разговор.

— Сегодня мы уже ничего не решим, — сказал он. — Я зайду к вам завтра утром и спрошу, что вы надумали.

Они снова направились к отелю. У подъезда Фрэнсис спросил, под своим ли именем проживает она сейчас в Венеции.

Она покачала головой.

— Здесь помнят вдову вашего брата. Здесь помнят графиню Нарону. А

я хочу, чтобы незнакомые люди ничего не слышали обо мне, и поэтому называюсь простой английской фамилией. — Она запнулась и замерла. — Что же со мною происходит? — пробормотала она. — Что-то я помню, что-то забываю. Забыла «Даниэли», а теперь еще и свое имя.

Она спешно потянула его за собой в вестибюль, где на стене висел список постояльцев. Медленно спускаясь по столбцу, ее палец уткнулся в английскую фамилию: «Миссис Джеймс».

— Не забудьте, когда придете завтра утром, — сказала она. — Какая у меня тяжелая голова. Спокойной ночи.

Фрэнсис вернулся к себе в отель, гадая, что принесет завтрашний день. В его отсутствие дела приняли неожиданный оборот. В вестибюле служащий попросил его зайти в личный кабинет управляющего. Тот ждал его с озабоченным видом, словно готовясь сообщить нечто серьезное. Он выразил сожаление, что мистер Фрэнсис Уэствик, подобно другим членам своей семьи, столкнулся с серьезными неудобствами в новом отеле. Под строгим секретом ему сообщили, что мистера Уэствика никоим образом не устраивает воздух в верхней комнате. Не осмеливаясь входить в обсуждение этого предмета, он просит, ввиду случившегося, не считать комнату оставленной за мистером Уэствиком.

Отчасти раздраженный тоном, каким говорил управляющий, Фрэнсис сорвался.

— Весьма и весьма возможно, что я отказался бы ночевать в этой комнате, если бы она была за мной оставлена, — сказал он. — Прикажете убираться из отеля?

Управляющий увидел свой промах и поспешил его исправить:

— Что вы, сэр! Мы не пожалеем усилий, чтобы вы чувствовали себя удобно у нас. Простите, если я чем-нибудь вас обидел. Репутация такого заведения — вещь чрезвычайно серьезная. Смею ли я надеяться, что вы окажете нам громадную услугу, промолчав о случившемся? Оба французских джентльмена любезно обещали сохранить это в тайне.

Приняв извинения, Фрэнсис, как вежливый человек, согласился и на просьбу управляющего. «Вот и рухнул безумный план графини, — думал он, отправляясь спать. — Тем лучше для графини!»

Наутро он встал поздно. На вопрос о его французских друзьях ему ответили, что оба джентльмена уехали в Милан. Проходя вестибюлем в ресторан, он обратил внимание на то, как главный швейцар метит цифрами прибывшую кладь, прежде чем ту разнесут по номерам. Его особенно заинтересовал один сундук, весь обклеенный дорожными бирками. Швейцар как раз писал на нем мелом: «13А». Фрэнсис посмотрел карточку

на крышке. Там значилась обычная фамилия: «Миссис Джеймс». Он тотчас навел справки о владелице багажа. Дама приехала рано утром и сейчас находится в читальной комнате. Заглянув туда, он нашел ее в одиночестве. Он прошел в комнату и стал перед графиней.

Опустив голову и сложив на груди руки, та сидела в темном углу.

— Да, — досадливым голосом предупредила она его вопрос, — я решила, что будет лучше не ждать вас, а поспешить сюда, пока номер никому не сдали.

— Вы надолго его сняли? — спросил Фрэнсис.

— Вы сказали, что мисс Локвуд будет здесь через неделю. На неделю и сняла.

— При чем тут мисс Локвуд?

— При том, что она должна переночевать в этой комнате. Я уступлю ей комнату, когда она придет.

Фрэнсис начал уяснять себе суеверную подоплеку ее намерений.

— Неужто вы, образованная женщина, думаете заодно с горничной моей сестры! — вскричал он. — Да и будь оно серьезно, ваше нелепое суеверие, вы неправильно беретесь доказать его истинность. Уж если ничего не видели ни я, ни мой брат и сестра, то почему вместо нас что-то обнаружит Агнес Локвуд? Она дальняя родственница нам, Монтбарри. Всего-навсего кузина.

— Она была ближе вас всех сердцу ушедшего Монтбарри, — твердо сказала графиня. — До своего последнего часа мой жалкий супруг раскаивался, что оставил ее. Она, конечно, увидит то, что вам не дано было видеть, и посему этой комнаты ей не миновать.

Фрэнсис терялся в догадках, какие причины движут ею.

— Не понимаю, вам-то какой интерес ставить этот небывалый опыт?

— По мне лучше бы его не ставить. По мне лучше бежать из Венеции и больше никогда не видеть ни Агнес Локвуд, ни кого-либо из вашего семейства.

— Что же вам мешает это сделать?

Она взвилась с кресла и дико глянула на него.

— А вот это я знаю не лучше вас, — выдохнула она. — Какой-то силой, превосмогающей мою волю, я увлекаюсь к гибели. — Она упала в кресло и движением руки велела ему уйти. — Оставьте меня с моими мыслями.

Фрэнсис оставил ее, теперь уже окончательно убежденный в том, что она не в своем уме. Днем он ее больше не видел. Ночь, насколько он мог знать, прошла спокойно. На завтрак он пошел рано, решив подождать в

ресторане, когда появится графиня. Как и накануне, хмурая, вялая и замкнутая, она вошла и чуть слышным голосом заказала себе завтрак. Он поспешил к ее столику и спросил, как прошла ночь.

— Никак, — ответила она.

— Вы спали, как обычно?

— Совершенно верно. Вы не получали сегодня писем? Не узнали, когда она приезжает?

— Не получал. Вы в самом деле хотите остаться здесь? Сегодняшняя ночь не переубедила вас в том, что вы вчера говорили мне?

— Ни в малейшей степени.

Когда она спрашивала об Агнес, ее лицо оживилось каким-то лучиком, сразу погасшим, когда он ответил. В том, как она глядела на него, говорила, ела, выражалось безучастное смирение женщины, утратившей надежды, интересы — все утратившей! — и способной лишь передвигаться и удовлетворять естественные потребности.

Как это вменено в обязанность всем приезжающим, Фрэнсис отправился посетить гробницы Тициана и Тинторетто. За эти несколько часов в отель пришло письмо на его имя. Писал брат Генри, настоятельно советуя немедленно возвращаться в Милан. Только что вернувшийся из Венеции владелец парижского театра пытался более высоким жалованьем переманить уже нанятую Фрэнсисом известную танцовщицу.

Выложив эту поразительную новость, Генри сообщил далее, что лорд и леди Монтбарри с Агнес и детьми приезжают в Венецию через три дня. «Они ничего не знают о наших злоключениях в отеле, — писал Генри, — и телеграфировали управляющему, какие им нужны условия. Будет глупостью и суеверием, если мы их предупредим и отпугнем дам и девочек от лучшего отеля в Венеции. Нас много на этот раз — что нам призраки! Я, разумеется, их встречу и еще раз попытаю удачу в этом, как ты его называешь, „отеле с привидениями“. Артур Барвилл с женой тоже скоро приедут. Они сейчас в Тренто; обе родственницы нашей новобрачной согласились ехать с ними дальше, до Венеции».

Возмущенный поведением парижского коллеги, Фрэнсис собрался в тот же день ехать в Милан.

Уходя из отеля, он спросил управляющего, пришла ли телеграмма от брата. Оказалось, пришла, и, к изумлению Фрэнсиса, даже номера были оставлены.

— Я полагал, что никого из нашей семьи вы уже не пустите на порог, — ядовито сказал он.

В том же тоне (но и в меру уважительно) управляющий ответил:

— Номеру «тринадцать-а» ничто не угрожает, сэр: его занимает постороннее лицо. Я служащий компании и не намерен лишать отель дохода.

После таких слов Фрэнсису оставалось только попрощаться. Хоть и стыдно было в этом признаться, но ему до смерти хотелось узнать, что тут будет, когда приедет Агнес. К тому же «миссис Джеймс» доверилась ему, и он ценил это доверие. С этим чувством он сел в гондолу.

На третий день к вечеру, как и было договорено, прибыл лорд Монтбарри со всей своей компанией.

Из окна своей комнаты их приезд видела «миссис Джеймс». Первым из гондолы вышел милорд. Он подал руку жене, потом вывел на ступеньки всех троих детей. Последней в дверном проеме кабины появилась Агнес и, тоже дав руку лорду Монтбарри, ступила на набережную. Она была в шляпе без вуали. Глядевшая в театральный бинокль графиня отметила, что на ступенях перед дверью она остановилась и окинула взглядом палаццо и что лицо у нее было очень бледное.

Глава 6

Лорда и леди Монтбарри принял эконом: управляющий еще день-два будет отсутствовать по делам отеля.

На первом этаже путешественникам были оставлены три комнаты, все смежные: две спальни и гостиная. В этой части заявленные условия были соблюдены, но с третьей спальней, для Агнес и старшей дочери лорда Монтбарри, в дороге спавшей у нее, повезло меньше. Спальня, примыкавшая к гостиной справа, уже была занята вдовой англичанкой; не оказалось свободных спален и в другом конце коридора. Агнес могли предоставить только подходящую комнату на втором этаже. Тщетно роптала леди Монтбарри на то, что их спутницу отселили от них. Эконом вежливо намекнул, что не представляется возможным просить других постояльцев уступить свою комнату. Оставалось только, посокрушавшись, утешить Агнес тем, что ее спальня на втором этаже занимает одно из лучших помещений в той части дома.

Когда эконом удалился, леди Монтбарри заметила, что сама Агнес отсиживается в стороне и к вопросу о спальне не проявляет ни малейшего интереса. Ей нездоровится? Нет, просто притомилась в поезде. Слышавший это лорд Монтбарри предложил ей с полчаса прогуляться с ним и подышать вечерней прохладой. Агнес с радостью согласилась. Они направились в сторону площади Святого Марка, где продувает ветерок с лагуны. Агнес впервые была в Венеции. На ее впечатлительную душу дивный город на воде излил все свое очарование. Предполагаемые полчаса растянулись на час, когда лорд Монтбарри наконец убедил свою спутницу вспомнить о заждавшемся их обеде. Проходя колоннадой, они даже не обратили внимания на некую даму в глубоком трауре, бесцельно слонявшуюся по площади. А та вздрогнула, узнав Агнес рядом с новым лордом Монтбарри, помешкала минуту и пошла за ними к отелю, держась на безопасном расстоянии.

Радостная леди Монтбарри встретила Агнес новостью.

Не прошло и десяти минут, как они ушли на прогулку, когда эконом принес леди Монтбарри набросанную карандашом записку. Писавшая оказалась не кем иным, как вдовой, занимавшей соседнюю с гостиной комнату, что так тщетно пыталась добиться для Агнес ее светлость. Назвавшись мисс Джеймс, любезная вдова писала, что слышала от эконома о неприятностях леди Монтбарри в связи с комнатами. Миссис Джеймс

совсем одна, и, будь у нее просторная и удобная комната, ей безразлично, на каком этаже спать. Поэтому она от души предлагает обменяться комнатами с мисс Локвуд. Ее вещи уже вынесли, и мисс Локвуд может размещаться в номере 13А, он в ее полном распоряжении.

— Я немедленно пожелала видеть миссис Джеймс, — продолжала леди Монтбарри, — и лично поблагодарить ее за необычайную доброту. Но мне передали, что она ушла и не сказала, когда вернется. Я написала ей благодарственную записочку и высказала надежду, что завтра же будем иметь удовольствие выразить миссис Джеймс свою признательность. Пока же, Агнес, я распорядилась перенести вниз твои вещи. Иди и убедись, дорогая, что эта славная дама уступила тебе самую прелестную комнату в доме.

Засим она оставила Агнес, дабы та не запоздала с обеденным туалетом.

Новая комната сразу же приглянулась Агнес. Через высокую стеклянную дверь, выходящую на балкон, открывался великолепный вид на канал. Росписи на стенах и потолке были искусной копией рафаэлевских композиций в Ватикане. В огромном гардеробе с необычной величины отделениями можно было развесить вдвое больше платьев, чем их водилось у Агнес. В углу комнаты, у изголовья постели, имелась ниша, превращенная в раздевалку и через дверь выходящая на черную лестницу, которой пользовались слуги. Удовлетворившись беглым осмотром, Агнес быстро переделась к обеду. Когда она возвращалась в гостиную, встретившаяся в коридоре горничная попросила у нее ключ.

— Я приберу в комнате и приготовлю постель, мисс, — сказала женщина, — а ключ принесу вам в гостиную.

Пока горничная занималась своим делом, из-за балюстрады второго этажа ее высматривала одинокая дама. Выйдя из комнаты через раздевалку и черную лестницу, горничная появилась с ведром в руках. Когда она скрылась из виду, дама со второго этажа (надо ли говорить, что это была сама графиня) сбежала по лестнице, вошла в спальню из коридора и спряталась в пустом отделении гардероба. Вернувшись, горничная закончила уборку, закрыла изнутри дверь раздевалки, снаружи заперла входную дверь и отнесла ключ Агнес — в гостиную.

Путешественники уже садились за свой запоздалый обед, когда кто-то из детей заметил, что при Агнес нет ее часов. Может, забыла в спальне, когда в спешке одевалась? Она отправилась искать часы, а леди Монтбарри вдогонку посоветовала еще проверить запоры: вдруг в доме поворовывают? Как она и ожидала, часы она забыла на туалетном столике. Памятуя совет

леди Монтбарри, она повертела ключом в двери раздевалки. Замок был надежный. Она вышла из спальни и заперла за собой входную дверь.

Сразу после ее ухода графиня, страдая без воздуха в гардеробе, рискнула покинуть свой тайник.

Войдя в раздевальню, она послушала у двери, когда стихнет в коридоре. Потом она отперла дверь, вышла и мягко замкнула ее за собой; если посмотреть теперь изнутри, ручка стояла так же, как ее оставила, заперев дверь, Агнес.

Они еще обедали, когда к ним присоединился Генри Уэствик, вернувшийся из Милана.

Когда он появился на пороге зала и потом, когда, приблизившись, жал ей руку, в Агнес и раз, и другой встрепенулось навстречу его радости ее дремавшее чувство. Всего на одну секунду она подняла на него глаза и тут же убедилась, что молчком подала ему надежду: он весь расцвел от счастья. Она смешалась и спряталась за расспросы о родственниках, покинутых в Милане.

Подсев к столу, Генри забавно живописал, как разбирался брат Фрэнсис с корыстной танцовщицей и беспринципным управляющим французским театром. Дело было зашло в тупик, и вынужден был вмешаться закон, решивший спор в пользу Фрэнсиса. Одержав победу, сей театральный деятель тотчас уехал в Лондон, куда его позвали новые заботы. Завершал он свое путешествие, как, впрочем, и начинал его, в сопровождении сестры. После двух кошмарных ночей в венецианском отеле миссис Норбери зареклась возвращаться в него и просила извинить ее отсутствие на семейном торжестве — по причине нездоровья. В ее возрасте переезды утомительны, и она рада вернуться в Англию под присмотром брата.

Застольная беседа журчала, время было к ночи — давно пора отсылать детей спать.

Когда вместе со старшей девочкой Агнес поднялась уходить, ее поразила перемена в поведении Генри. Он посерьезнел, замкнулся; племянницу, желавшую ему приятных сновидений, он вдруг спросил:

— Скажи, Мэриан, где ты сегодня спишь?

Озадаченная этим вопросом, Мэриан отвечала, что будет спать, как всегда, у тети Агнес. Не удовлетворившись, Генри справился, далеко ли их спальня от комнат, где ночуют остальные. Теряясь в догадках, зачем ему это нужно, Агнес сменила девочку и рассказала, на какую жертву пошла миссис Джеймс ради ее удобства.

— Благодаря любезности этой дамы, — сказала она, — мы с Мэриан

обитаем рядом с гостиной.

Генри промолчал; пропуская их перед собою в дверь, он казался чем-то раздосадованным. В коридоре он пожелал им доброй ночи, подождав, убедился, что они вошли в роковую угловую комнату, и резким голосом позвал брата:

— Выйди, Стивен! Надо покурить.

Когда братья смогли говорить без помех, Генри объяснил, чего ради он учинил этот странный допрос о спальнях. Фрэнсис рассказал ему о своей встрече с графиней и о том, что из этого последовало; сейчас он, боясь упустить малейшую подробность, повторил его рассказ Стивену.

— Причина, по которой эта женщина уступила свою комнату, — закончил он, — меня не убеждает. Не надо пугать женщин, передавая наш разговор, но, может быть, ты предупредишь Агнес, чтобы она лучше заперла дверь?

Лорд Монтбарри ответил, что жена уже предупредила ее об этом и что Агнес из тех, кто позаботится и о себе, и о своей младшей компаньонке. Вообще же в графине с ее суевериями он видел одно фиглярство. Да, забавно, но стыдно даже на одну минуту принимать это всерьез.

Пока джентльмены оставались на улице, в комнате, уже связавшей себя с разными поразительными явлениями, разыгралось еще одно удивительное событие, на этот раз с участием старшей дочери лорда Монтбарри.

Пока Мэриан готовили ко сну, она вряд ли даже осмотрелась на новом месте. Став же на колени помолиться, она подняла глаза на потолок в изголовье постели. В следующую секунду она всполошила Агнес, испустив вопль ужаса и тыча пальцем в бурое пятно на белой филенке лепного потолка.

— Это пятно крови! — кричала девочка. — Уведите меня! Я не буду тут спать!

Урезонивать ее, пока она в комнате, было бесполезно, и кое-как укутав Мэриан в халат, Агнес отвела ее к матери в гостиную. Там они обе, как могли, принялись успокаивать и ободрять дрожавшего ребенка. Все было напрасно: никакими уговорами нельзя было перебить впечатление, оставшееся в ее неокрепшем, чутком сознании. Мэриан не могла объяснить, отчего ее охватил ужас; не могла сказать, почему пятно на потолке показалось ей кровавым. Ей было ясно одно: она умрет от ужаса, если увидит это снова. Делать было нечего, решили, что девочка переночует в комнате с младшими сестрами и няней.

Через полчаса Мэриан мирно спала, обняв за шею сестренку. Леди

Монтбарри отправилась к Агнес посмотреть пятно, нагнавшее страх на ее ребенка. Его и разглядишь-то не сразу — такое оно маленькое. И скорее всего, его посадил неловкий маляр либо из номера сверху просочилась пролившаяся вода.

— Я все-таки не могу понять, почему Мэриан дала этой чепухе такое ужасное толкование, — заметила леди Монтбарри.

— Боюсь, нет ли тут няниной вины, — предположила Агнес. — Не рассказала ли она Мэриан какую-нибудь страшную небылицу, оставившую вот этот печальный след. Занимаясь детьми, люди, увы, не сознают, насколько опасно возбуждать их воображение. Ты поговори завтра с няней.

Леди Монтбарри восхищенно оглядела комнату.

— Загляденье, а не комната, — сказала она. — Ты-то, надеюсь, не откажешься тут спать?

Агнес рассмеялась.

— Я так устала, — ответила она, — что мне легче распрощаться с тобой, чем тащиться в гостиную.

Леди Монтбарри повернулась к двери.

— Я вижу, ты оставила шкатулку на столе, — заметила она. — Не забудь запереть другую дверь, на черную лестницу.

— Я уже заперла ее собственным ключом, — сказала Агнес. — Я тебе ни за чем не понадобится больше?

— Нет, дорогая, спасибо. Я, как и ты, не чаю добраться до постели. Спокойной ночи, Агнес, желаю тебе приятных сновидений в твою первую ночь в Венеции.

Глава 7

Заперев за леди Монтбарри дверь, Агнес надела халат и занялась разборкой вещей. Спеша переодеться к обеду, она схватила что подвернулось, а дорожный костюм кинула на постель. Сейчас она впервые открыла гардероб и стала развешивать платья в просторном левом отделении.

Через несколько минут ей наскучило это занятие, и она решила не трогать сундуки до завтра. Не стихавший весь день горячий южный ветер давал о себе знать и ночью. В комнате стояла духота; Агнес накинула шаль и вышла на балкон.

Ночь была темная, хмурая, взгляду не на чем было остановиться. Внизу провалом чернел канал; на беззвездном и безлунном небе смутно обозначались темные массы противоположных домов. Редко-редко слышался далекий остерегающий крик позднего гондольера, когда он в опасной темени выплывал из-за поворота. Ближе хлюпали весла невидимых гондол, привозивших постояльцев в отель. Когда бы не эти звуки, в ночной Венеции была, можно сказать, могильная тишина.

Облокотившись на балконный парапет, Агнес безучастно погрузила взгляд в темную пустоту. Ее мысли обратились к несчастному, кто нарушил обет верности ей и умер в этом самом доме. Со времени ее приезда в Венецию что-то в ней переменилось, какие-то новые настроения возобладали. Впервые, сколько она помнила, сострадание и жалость были не единственными чувствами, что она испытывала при мысли о покойном Монтбарри. В ее кроткой и великодушной душе вдруг нашлось место неведомой прежде острой обиде. О пережитом унижении она думала с тем же негодованием, что и Генри Уэствик, а ведь сама же корила его, когда он оскорбительно отзывался о брате в ее присутствии. Ее вдруг охватили страх и неверие в себя. Она отшатнулась от мрачного провала с темной водой на дне, словно его таинственная тьма и навела эти чувства. Захлопнув балконную дверь, она сбросила шаль и, уступая неодолимому желанию осветить свой одинокий приют, зажгла свечи на камине.

После наружного мрака разлившийся вокруг живительный свет взбодрил ее. Она совсем по-детски радовалась огню.

«Так что же, — спросила она себя, — лечь в постель? Ну нет!» Дремотную усталость, которая одолевала ее полчаса назад, как рукой сняло. Она снова занялась скучным делом — разборкой вещей, но уже

через несколько минут оставила это занятие. Она села к столу и положила перед собой путеводитель. «Попробуем узнать что-нибудь о Венеции», — решила она.

Ее внимания едва хватило на первую страницу.

Мыслями ее завладел Генри Уэствик. В подробностях припоминая каждую мелочь прошедшего вечера, она неизменно видела его только с выигрышной стороны. Розовея лицом, она расчувствованно улыбалась про себя, упиваясь его чистой и застенчивой преданностью ей. Та хандра, что находила на нее в дороге, — не следствие ли она их долгой разлуки, которой еще добавляло горечи ее позднее раскаяние за суровый прием в Париже? Сознавая недвусмысленность этого вопроса, теряя почву под ногами, она убоялась несдержанности своих мыслей и тупо уставилась в книгу. Какие только поползновения к запретной нежности не укроет женский халат, когда женщина коротает ночное одиночество! Ведь если ее сердце оплакивает Монтбарри, то как же смеет она думать о другом мужчине, больше того — о любви? Какой позор, как это недостойно ее! Она снова попыталась вникнуть в путеводитель — и снова напрасно. Отложив книгу в сторону, она в отчаянии ухватилась за последнюю возможность отвлечься — снова стала разбирать багаж, намереваясь изнурить себя до последней степени, чтобы потом, валясь с ног, еле добраться до постели.

Некоторое время она заставляла себя заниматься этим однообразным делом — носить вещи из сундука в гардероб. Часы в вестибюле пробили полночь, она спохватилась, что уже поздно, и села в кресло у постели передохнуть.

В объявшей тишине ей сделалось беспокойно. Неужели она одна не спит до сих пор? Надо скорее исправляться. С нервной поспешностью встав, она разделась. «Я потеряла целых два часа отдыха, — думала она, укладывая волосы на ночь и хмурясь своему отражению в зеркале. — Хороша же я буду завтра!»

Она погасила ночник, задула свечи, оставив лишь одну — на столике с другого края постели. Спичечницу и путеводитель на случай бессонницы она положила рядом со свечой, задула ее и опустила голову на подушку.

Постельный полог был подобран, чтобы легче дышалось. Повернувшись к столу спиной, она лежала на левом боку и в смутном свете ночника различала кресло. На его бледно-зеленой ситцевой обивке цвели розы. Торопя сон, она принялась их считать. Дважды ее сбивали посторонние шумы: сначала часы пробили половину первого, потом наверху с хамским безразличием к близким, чему быстро научается

человечество в отеле, кто-то с грохотом выставил в коридор свои сапоги. Агнес все продолжала считать розы, пока наконец не сбилась совсем, хотела еще переждать и начать снова, но уже глаза слипались и тяжелела на подушке голова, и, прерывисто вздохнув, она провалилась в сон.

Она не знала, сколько длился этот первый сон. Потом она будет вспоминать, что проснулась неожиданно.

Переход от сна к яви она совершила, если можно так выразиться, одним прыжком и уже сидела в постели неведомо зачем, неведомо к чему прислушиваясь. В голове у нее был сумбур, сердце бешено стучало. За время ее сна кое-что произошло — впрочем, мелочь: погас ночник — и ее окружала абсолютная темнота.

Она нащупала спичечницу. В голове еще был туман, и она не спешила зажигать свечу. Сейчас ей было приятно помешкать в темноте.

Немного приведя в порядок свои мысли, она задалась естественным вопросом. Что пробудило ее так внезапно и так странно ее возбудило? Дурной сон? Но ей ничего не снилось; во всяком случае, она не могла припомнить, чтобы ей что-то снилось. Эту тайну она не могла постигнуть, и темнота стала угнетать ее. Она чиркнула спичкой и зажгла свечу.

Желанный свет разлился по комнате, и она, щурясь, повернулась на другой бок.

В ту же минуту ужас ледяной хваткой сковал ее сердце.

Она была не одна!

Рядом с нею в кресле, выявленная светом, полулежала женщина. Откинув голову на спинку, уставив в потолок закрытые глаза, она словно была объята глубоким сном.

У потрясенной Агнес отнялся язык, она не знала, что делать. Чуть оправившись, она потянулась с постели и заглянула в лицо неведомо как попавшей в ее комнату ночной гостьи. Сразу узнав ее, она отпрянула с изумленным воплем: то был не кто иной, как вдова Монтбарри, сулившая ей новую встречу — и не где-нибудь, а в Венеции!

Гнев, которым она закипела в присутствии графини, вернул ей самообладание.

— Проснитесь! — окликнула она. — Как вы попали сюда? Как вы вошли? Уходите, не то я позову людей!

Последние слова она выкрикнула в полный голос. Они не произвели никакого впечатления. Еще подавшись вперед, она отважно схватила графиню за плечо и стала ее трясти. Но и эта попытка не пробудила спящую. Все так же она лежала в кресле, ничего не слыша, ничего не чувствуя, как мертвая. Да точно ли она спала? Не обморок ли это?

Агнес взгляделась — нет, не обморок. Спящая тяжело и шумно дышала; порой страшно скрежетала зубами; ее лоб густо усеяли бисерины пота. Медленно поднимались с колен и опускались сжатые в кулаки руки. Ее терзает кошмар? Или она чувствует какое-то тайное присутствие в этой комнате?

От этой мысли Агнес стало не по себе. Она решила разбудить ночную прислугу.

Шнурок звонка был с другой стороны, над столиком.

Она села прямо и потянулась к звонку, мельком подняв глаза. И обмерла. Рука бессильно упала. Задрожав, она повалилась на подушку.

В комнате был еще один гость.

Отделившись от потолка, над ней нависла словно ножом гильотины отрубленная голова.

Ни знак, ни звук не предварили ее появление. Она объявилась неслышно и вдруг. Ничего сверхъестественного не произошло и не происходило в комнате. В кресле безмолвно страдала женщина; за изножием постели темнело окно, за окном чернела ночь; на столе горела свеча — все оставалось на своих местах. И только прибавился один этот невыразимо страшный предмет. Только это и произошло — ни больше и ни меньше.

Она хорошо видела эту голову, залитую желтым светом. Оцепенев от ужаса, она не могла отвести от нее глаз.

Высохшее лицо, потемневшая, как у египетских мумий, сморщенная кожа. На шее она была светлее, в тех же буроватых крапинах, что пятно на потолке, которое перепуганная детская фантазия приняла за пятно крови. По остаткам выцветших усов на верхней губе и бакенбард в провалах щек можно было заключить, что это мужская голова. Смерть и время произвели свою опустошительную работу. Веки были сомкнуты. Волосы также выцвели и местами выгорели. Раздвинувшиеся сизые губы очертили весь оскал. Совершенно неподвижная, когда она увидела ее, теперь голова стала медленно спускаться на простертую Агнес. И так же медленно стало заполнять комнату то сдвоенное зловоние, которое члены комиссии обнаружили в подвале палаццо, а Фрэнсис Уэствик, рискуя здоровьем, вдыхал в спальне нового отеля. Неостановимо снижаясь, эта жуткая невидаль остановилась совсем близко от Агнес и медленно обратилась к запрокинутому лицу спавшей в кресле женщины.

Все замерло. Потом таинственный толчок потревожил окоченелый покой мертвого лица.

Медленно разлепились веки, и показавшиеся глаза, сверкнув мертвым

слюдяным блеском, грозно глянули на женщину в кресле.

Агнес видела этот взгляд, видела, как у живой так же медленно, по-мертвому разлепились веки, видела, как та поднялась, словно повинуюсь безмолвному распоряжению, — и дальше она ничего не видела.

Очнувшись, она увидит солнце в окне, участливо склонившуюся леди Монтбарри и озадаченные мордашки заглядывающих в дверь детей.

Глава 8

— Ты имеешь кое-какое влияние на Агнес, Генри. Постарайся, чтобы она разумно посмотрела на это дело. Ведь решительно не из-за чего поднимать шум. Камеристка жены постучала к ней рано утром с чашкой чая. Не дождавшись ответа, она идет на черную лестницу. Дверь в раздевалку не заперта, Агнес лежит на постели в обмороке. С женой они привели ее в чувство, и она рассказала поразительную историю, которую я тебе передал. Ты сам мог видеть, что переезды вымотали бедняжку, она изнервничалась, и в таком состоянии очень просто перепугаться во сне. Она же упорно отказывается посмотреть на вещи здраво. Не подумай, что я ей выговаривал. Я, как мог, поддакивал ей. Еще я написал графине, что она может вернуться в свою комнату. Она ответила, что решительно не желает этого. Чтобы не было огласки, я договорился на ночь-другую оставить комнату за нами, а пока что Агнес будет поправляться под присмотром жены. Что еще от меня требуется? На все расспросы Агнес я отвечал в меру своего разумения; все, что ты вчера рассказал мне о Фрэнсисе и графине, я ей передал. Но при всем моем старании я не могу утешить ее. Я отчаялся и ушел. Будь молодцом, ступай к ней в гостиную и как-нибудь постарайся ее успокоить.

Такова была разумная позиция лорда Монтбарри в этом деле. Ничего не сказав в ответ, Генри прямо направился в гостиную.

Агнес возбужденно ходила по комнате.

— Если ты пришел повторить все, что мне говорил твой брат, — выпалила она, не дав ему открыть рот, — то можешь не трудиться. Мне не нужен здравый смысл — мне нужен настоящий друг, который меня поймет.

— У тебя он есть, — невозмутимо сказал Генри, — ты это знаешь.

— Ты правда веришь, что я не ошиблась и это был не сон?

— Я знаю, что ты не ошиблась, — по крайней мере, в одном отношении.

— В каком же?

— В отношении графини. Она на самом деле...

Агнес перебила его.

— Почему я только сегодня утром узнала, что графиня и миссис Джеймс — одно лицо? — спросила она с подозрением. — Почему мне не сказали вчера вечером?

— Ты забыла, что вы договорились о перемене комнат, когда меня еще

не было в Венеции, — ответил Генри. — И все равно меня подмывало сказать, но вы всю готовились ко сну, я бы только внес панику и встревожил тебя. И я отложил разговор на утро, узнав от брата, что ты сама приняла меры против незваных гостей. Уму непостижимо, как можно было проникнуть в твою комнату. Как бы то ни было, графиня рядом с твоей постелью тебе не приснилась. Сама графиня это подтверждает.

— «Сама графиня»? — жадно переспросила Агнес. — Ты видел ее сегодня утром?

— Я только что от нее.

— Что она делала?

— Писала, забыв обо всем на свете. Пока я не догадался назвать твое имя, она даже глаз на меня не подняла.

— Она, конечно, вспомнила про меня?

— С трудом. Поскольку иначе она вообще не стала бы мне отвечать, я сказал, что пришел к ней от тебя. Тогда она заговорила. Она не только призналась в том, что заманила тебя в эту комнату из суеверных побуждений, в которых открылась Фрэнсису, но и подтвердила, что этой ночью была у тебя, чтобы, как она выражается, «увидеть, что ты увидела». Я попытался узнать, каким образом она попала в твою комнату. Но тут, к несчастью, ее взгляд упал на рукопись, и она снова занялась писаниной. «Барону нужны деньги, — сказала она. — Меня заждались пьеса». Сейчас невозможно дознаться, что она видела в твоей комнате или что ей снилось этой ночью. Судя по тому, что рассказал брат, и по собственным моим прежним впечатлениям, эта несчастная в силу каких-то недавних причин сильно сдала. Она просто нетверда в рассудке — может, после сегодняшней ночи. Вот тебе доказательство: она говорит мне о бароне, как о живом человеке, а Фрэнсису сказала, что он умер. И он действительно умер. В Милане консул Соединенных Штатов показывал нам американскую газету с некрологом. Если я правильно понимаю, оставшейся у нее толикой здравого ума целиком овладела одна безумная идея: она напишет пьесу, а Фрэнсис поставит ее у себя в театре. Он признался, что обнадежил ее возможностью заработать деньги таким путем. По-моему, он зря это сделал. Ты не согласна со мной?

Вместо ответа Агнес резко встала с кресла.

— Окажи мне еще одну любезность, Генри, — сказала она. — Отведи меня к графине.

Генри заколебался.

— Ты в силах ее видеть после ночных потрясений? — спросил он.

Она вздрогнула, краска отхлынула от лица, она стояла мертвенно

бледная. Решимость, однако, не покидала ее.

— А ты знаешь, что я видела ночью? — слабо спросила она.

— Не говори об этом! — остановил ее Генри. — Зачем без нужды волновать себя?

— Я не могу не говорить об этом. У меня в голове стучат страшные вопросы. Я понимаю, что это нельзя было опознать, и все равно спрашиваю себя снова и снова: в чьем обличье оно явилось? Феррари? Или... — Она смолкла, унимая дрожь. — А графиня знает. Мне нужно видеть графиню! — горячо заключила она. — Страшно — не страшно, но я должна попробовать. Пойдем, пока я действительно не испугалась.

Генри тревожно взглянул на нее.

— Если ты действительно решилась, — сказал он, — то, согласен, лучше тебе повидать ее скорее. Ты помнишь, как она прорвалась к тебе в Лондоне и повела странные речи о твоём будто бы влиянии на нее?

— Отлично помню. Почему ты спрашиваешь?

— Именно по этой причине. Сомнительно, чтобы в своем теперешнем состоянии она долго оставалась в бредовом убеждении, что ты-де ангел-мститель, предьявляющий ей счет за все ее злодеяния. Так, может, ты используешь свое влияние, покуда она способна его воспринимать?

Он ждал, что ответит Агнес. Она взяла его за руку и молча повела из комнаты.

Они поднялись на второй этаж и, постучавшись, вошли к графине.

Та, не поднимая головы, писала за бюро. Оторвавшись, она увидела Агнес, и в ее диком темном взоре смутно выразилось недоумение. Память и соображение медленно возвращались к ней. Перо выпало из пальцев. Осунувшаяся, трепеща, она вглядывалась в Агнес и наконец узнала ее.

— Пробил мой час? — глухим, смиренным голосом спросила она. — Но дайте же мне малую отсрочку, я еще не кончила мой опус.

Она упала на колени и моляще воздела руки, сжатые в кулаки. Агнес еще далеко не оправилась от ночного потрясения, и новое испытание было не для ее нервов. Перемена в графине поразила ее до такой степени, что совершенно лишила ее способности говорить и действовать. Генри пришел на выручку.

— Спрашивай, пока можно, — шепнул он. — А то она опять уходит в себя.

Агнес набралась духу.

— Вчера вы были в моей комнате, — начала она.

Охваченная ужасом, графиня с мучительным стоном ломала руки. Агнес отпрянула и было пошла из комнаты. Генри удержал ее, шепотом

велел продолжать. Она не без труда послушалась его.

— Вчера я ночевала в комнате, которую вы мне уступили, — продолжала она. — Я видела...

Графиня вскочила на ноги.

— Ни слова об этом! — вскричала она. — О Святая Мария! Вы думаете, мне нужно ваше признание? Думаете, я не понимаю, что это значит для нас с вами? Вам решать, мисс. Загляните в свою собственную душу. Вы совершенно уверены, что настал час расплаты? Вы готовы, заглянув со мною в прошлое, вынести преступления и узнать тайну мертвых?

Не ожидая ответа, она вернулась к бюро. Ее глаза сверкали, и в продолжение своей отповеди она напомнила себя прежнюю. Но то был минутный порыв. Понуриив голову, она тяжело вздохнула и, отперев бювар, достала лист веленовой бумаги с поблекшим шрифтом. Обрывки шелковой нити свидетельствовали, что лист был вырван из книги.

— Вы читаете по-итальянски? — спросила она Агнес, передавая ей страницу.

Та молча кивнула головой.

— Эта книга, — продолжала она, — из старой библиотеки палаццо. Вам нет нужды знать, кто вырвал эту страницу. А с какой целью вырвали, вы и сами поймете. Прочтите, начиная с пятой строки.

От Агнес потребовалась вся ее выдержка.

— Дай мне стул, — сказала она Генри, — попробую разобраться.

Он встал за ней, чтобы видеть из-за ее плеча и помочь с переводом. Текст гласил:

«Я закончил мое описание первого этажа палаццо. По желанию моего славного и великодушного патрона, владельца этого превосходного сооружения, я перешел на второй этаж, дабы продолжить каталог — иначе говоря, опись картин, росписей и других наличных там сокровищ искусства. Начну с угловой комнаты в западном крыле здания, называемой „Комната с кариатидами“, ибо эти фигуры поддерживают в ней каминную доску. Они довольно позднего происхождения, изготовлены в восемнадцатом столетии и в полной мере обличают тогдашний испортившийся вкус. Впрочем, сам камин представляет определенный интерес: в нем между полом и потолком нижней комнаты в недоброй памяти времена инквизиции было хитроумно устроено убежище, где, по преданию, спасался от страшного

судилища предок моего великодушного господина. Механизм этого любопытного тайника, как некую диковину, нынешний владелец содержит в исправности. Он соблаговолил показать мне его работу. Стоя лицом к камину, положите ладонь на лоб левой фигуры и надавите. Скрытый в стене механизм приведет в действие поворотную плиту, под которой откроется полое пространство. Там свободно в полный рост уляжется мужчина. Столь же просто эта полость закрывается. Возьмитесь обеими руками за виски и потяните голову фигуры на себя, и плита вернется на место».

— Дальше можете не читать, — сказала графиня. — Потрудитесь запомнить, что вы только что прочли.

Она положила веленевую страницу обратно в бювар, заперла его и направилась к двери.

— Идемте, — сказала она, — и посмотрим, что имел в виду француз-пересмешник, сказав: «Начало конца» [\[10\]](#).

Дрожавшая с головы до пят Агнес едва нашла силы подняться, Генри подал ей руку.

— Ничего не бойся, — шепнул он, — я буду рядом.

Графиня прошла по коридору и стала перед дверью с номером 38. В прежнее время ее занимал барон Ривар — это как раз над спальней, где провела ночь Агнес. Последние два дня комната пустовала. В ней и сейчас, когда они вошли, не было никакого багажа, из чего следовало, что ее еще не сдали.

— Вот она, — сказала графиня, указывая на резную фигуру у камина. — Вы знаете, что нужно сделать. Надеюсь, вы смягчите милосердием ваше правосудное чувство? — продолжала она, понизив голос. — Дайте мне еще несколько часов. Барону нужны деньги, я должна заняться своей пьесой.

Она отсутствующе улыбнулась, производя правой рукой пишущее движение. Попытка слабеющего разума сосредоточиться на чем-то, помимо вечной нужды барона в деньгах, и слабая надежда заработать на пьесе, которую еще надо написать, истощили ее последние душевные силы. Когда ее просьбу удовлетворили, она даже не выказала особой благодарности Агнес, сказав только:

— Не пугайтесь, мисс, я от вас не ускользну. Я должна оставаться при вас до самого конца.

Она вяло и тупо огляделась напоследок и медленно, совсем по-

старушечьи побрела к себе.

Глава 9

Генри и Агнес остались одни в комнате с кариатидами. Сделавший описание палатки литературный поденщик (а может, это был художник) совершенно правильно отметил недостатки камина. Каждая его деталь говорила о вопиюще дурном вкусе, била в глаза роскошью. Между тем невежественные приезжающие всех родов и званий дружно восхищались камином — и потому, что он столь внушительных размеров, и потому, что скульптор умудрился оснастить его еще множеством разноцветных мраморных фигурок. В гостиных лежали фотографические открытки с этим камином, и заезжие англичане и американцы охотно их покупали.

Генри подвел Агнес к левой кариатиде.

— Я попробую, — спросил он, — или ты?

Она тут же вырвала руку и вернулась к двери.

— Я даже глядеть не стану на это жестокое мраморное лицо, — сказала она. — Мне страшно.

Генри положил руку на лоб фигуры.

— А что страшного в этом заурядном классическом лице? — сказал он, поддразнивая ее.

Боясь, что он нажмет, она быстро отворила дверь.

— Дай я сначала уйду! — крикнула она. — Мне страшно подумать, что ты там можешь найти! — Выходя, она оглянулась. — Я не совсем ухожу, — сказала она. — Подожду тебя в коридоре.

И она закрыла за собой дверь. Генри снова возложил руку на голову кариатиды. И в другой раз не удалось ему привести в действие тайный механизм. Из-за двери донесся взрыв дружеских возгласов.

— Агнес, душенька, — воскликнул женский голос, — как я рада снова тебя видеть!

Тут же мужской голос стал кого-то знакомить с мисс Локвуд. Третий же голос (Генри узнал управляющего) велел эконому показать дамам и господам покои в другом крыле здания.

— А ежели потребуется еще, — говорил управляющий, — я могу предложить вот эту очаровательную комнату. — На этих словах он открыл дверь и стал лицом к лицу с Генри Уэствиком. — Приятнейший сюрприз, сэр! — обрадовался управляющий. — Восхищаетесь нашим знаменитым камином? Как вам живется у нас на сей раз? Сверхъестественные силы не лишают аппетита?

— На сей раз они пощадили меня, — ответил Генри. — Но как бы вам не пришлось узнать, что они докучают кое-кому еще из нашей семьи. — (Фамильярный тон, каким управляющий помянул его предыдущий приезд в отель, его покоробил, почему он и одернул его.) — А вы, значит, вернулись? — сменил он тему разговора.

— Буквально только что, сэр. Я имел честь ехать в одном поезде с вашими друзьями, они уже в отеле — мистер Артур Барвилл с супругой и компаньонами. Сейчас смотрят комнаты, с ними мисс Локвуд. Они скоро пожалуют сюда, если надумают иметь в своем распоряжении еще одну комнату.

Услышав это, Генри решил, пока не помешали, добраться до тайника. Еще когда Агнес уходила, он подумал, что неплохо бы иметь свидетеля на тот маловероятный случай, если обнаружится нечто чрезвычайное. Ничего не подозревавший управляющий, лезший в друзья, подвернулся как нельзя кстати. Он вернулся к карийской деве, зловредно отведя управляющему роль свидетеля.

— Я очень рад, что мои друзья наконец прибыли, — сказал он. — Но прежде чем повидаться с ними, позвольте спросить вас об этом диковинном творении. Я видел фотографические открытки внизу. Они продаются?

— Конечно, мистер Уэствик.

— Вы полагаете, основательный вид камина не обманчив? — продолжал Генри. — А я до вас задумался над тем, что вот эта фигура словно бы чуть подалась от стены. — Он в третий раз положил ладонь на мраморный лоб. — По-моему, она не очень прямо стоит. Мне сейчас кажется, что я могу ее качнуть. — И он надавил на голову фигуры.

Тотчас за стеной заскрежетало железо. У самых их ног отошла в сторону каменная плита, обнаружив под собой темный провал. В ту же минуту оттуда потек и наполнил комнату тот дикий тошнотворный запах, что прежде отмечался в подвале палатки и спальне этажом ниже.

Управляющий отпрянул.

— Бог мой! — воскликнул он. — Что это, мистер Уэствик?

Генри помнил и то, что пережил этажом ниже брат Фрэнсис, и то, что довелось там испытать этой ночью Агнес, а посему решил придержать язык.

— Я удивлен не меньше вас, — только и сказал он.

— Подождите меня здесь, сэр, — сказал управляющий, — я должен позаботиться, чтобы сюда не вошли дамы и господа.

Он выбежал, не забыв плотно притворить дверь. Генри открыл окно, чтобы продышаться. Только теперь его стало томить предчувствие

неизбежной находки. Он тем более укрепился в решении и шагу не ступить без свидетеля.

Управляющий вернулся со свечой, которую сразу и зажег.

— Только бы нам не помешали, — сказал он. — Будьте любезны, мистер Уэствик, поддержите свечу. Я обязан разобраться с этим сюрпризом.

Генри взял свечу. В слабом трепещущем свете на дне полости угадывался темный предмет.

— По-моему, я дотянусь, — сказал управляющий, — если лечь на пол. — Став на колени, он помедлил. — Вас не затруднит, сэр, дать мне перчатки? — спросил он. — Они в моей шляпе, на стуле за вашей спиной.

Генри подал ему перчатки.

— Неизвестно, что я там нащупаю, — с неловкой улыбкой пояснил управляющий, надевая перчатку на правую руку. Вытянувшись на полу, он сунул руку в провал. — Не знаю что, — сказал он, — но что-то я ухватил.

Поднявшись на колени, он вынул руку. И в ту же секунду с воплем ужаса воспрянул на ноги как ужаленный. Из бесчувственной руки выпала и покатилась к ногам Генри человеческая голова. Та самая, жуткая, что в ночном видении нависала над Агнес!

Потерявшие от страха дар речи мужчины смотрели друг на друга. Первым опомнился управляющий.

— Пойдите у двери, ради бога! — сказал он. — Меня могли услышать.

Генри как во сне пошел к двери.

Держась за ключ, чтобы запереть, если потребуется, он все не мог отвести глаз от страшного предмета на полу. Не было никакой возможности связать этот запах с любым памятным ему живым лицом — и все же смутная и страшная догадка надрывала ему душу. Мучившие Агнес вопросы перешли теперь к нему, и уже он спрашивал себя: «В чьем обличье, пока не коснулся тлен, явилась бы она мне? В обличье Феррари? Или...» И он содрогнулся, как содрогалась при этих вопросах Агнес. Агнес! Ему страшно было произнести это желаннейшее имя. Что он ей скажет? Что с ней станет, если он доверит ей страшную тайну?

Ни шагов, ни голосов не было слышно за дверью. Приехавшие еще смотрели комнаты в другом конце коридора.

За это недолгое время управляющий овладел собой настолько, что смог задуматься о своей насущной обязанности перед отелем. Он подошел к Генри с тревожной миной.

— Если об этой страшной находке станет известно, — сказал он, — отель всенепременно закроют, а компания разорится. Я могу положиться на

ваше благоразумие, сэр, не так ли?

— Разумеется, можете, — ответил Генри, — но благоразумие имеет границы, когда делаются вот такие находки.

Управляющий уразумел, что Генри ведет речь о гражданском долге, как его понимают честные и законопослушные господа.

— Я найду возможность скрытно вынести из дома останки, — сказал он, — и сам передам их властям. Вы идете со мной? А может, вам лучше покараулить здесь и помочь мне, когда я вернусь?

В это время из коридора послышались далекие голоса, и Генри, не раздумывая, согласился ждать в комнате. Выйти сейчас в коридор значило увидеться с Агнес, а эта мысль страшила его.

Надеясь проскользнуть незамеченным, управляющий выбежал из комнаты. Но добежать ему удалось только до лестницы. Запирая за ним, Генри ясно слышал голоса. По одну сторону двери делалось страшное открытие, по другую ее сторону буднично интересовались венецианскими развлечениями, находчиво сравнивали достоинства французской и итальянской кухни. Удаляясь, разговор стихал. Составив для себя увеселительную программу, приезжие шли к выходу. Через минуту-другую снова стало тихо.

Генри вернулся к окну, надеясь видами по ту сторону канала перебить тяжелое настроение. Но скоро ему наскучила знакомая картина. Все ужасное патологически тянет к себе, и этот мрачный предмет на полу не отпускал его.

Все равно, во сне или наяву, — как вынесла Агнес такое зрелище? С этой мыслью он что-то увидел на полу рядом с головой. Вглядевшись, он понял, что это золотая пластинка с тремя зубами: очевидно, протез выпал, когда управляющий уронил голову на пол.

Он сразу понял и важность находки, и необходимость помалкивать о ней пока. Если вообще мыслимо опознать эти чудовищные останки — то вот она, такая возможность, вот он, немой свидетель преступления! Когда все средства будут испытаны напрасно, эти зубы могут оказаться решающей уликой, и он положил протез в карман.

Он снова вернулся к окну, одиночество стало угнетать его. Тут в дверь тихо постучали. Он медлил открывать. Вдруг это не управляющий? Он окликнул:

— Кто там?

И услышал голос Агнес:

— Ты мне ничего не скажешь, Генри?

У него перехватило горло.

— Пока нет, — сказал он в замешательстве. — Прости, что я не впускаю тебя. Я потом все расскажу.

Милый голос жалобно просил из-за двери:

— Не оставляй меня одну, Генри. Я не могу спуститься к нашим счастливым.

Как не поддаться на такую мольбу? Он слышал ее вздох, слышал, как, шелестя платьем, она в отчаянии отошла от двери. И он сделал то, что минуту назад считал для себя невозможным: вышел к ней в коридор. Услышав его, она обернулась и устала дрожащий палец на затворенную дверь.

— Там очень страшно? — тихо спросила она.

Он успокаивающе положил ей руку на талию. Когда он заглянул в ее вопрошающие и одновременно страшящиеся его ответа глаза, ему пришла в голову одна мысль.

— Ты узнаешь, что я там обнаружил, — сказал он, — если наденешь шляпу и плащ и выйдешь со мной.

Это условие удивило ее.

— А зачем нам выходить? — спросила она.

На это он мог ответить не таясь.

— В первую очередь, — сказал он, — я хочу рассеять свои и твои сомнения в обстоятельствах смерти Монтбарри. Я хочу пойти с тобой к врачу, который пользовал его, и консулу, который был на его погребении.

Она устремила на него благодарные глаза.

— Ты так хорошо меня понимаешь! — сказала она.

На лестнице им встретился управляющий. Генри отдал ему ключ от комнаты и велел служителю кликнуть гондольера.

— Вы уходите? — спросил управляющий.

— Если я понадобится властям, — шепнул Генри, указывая на ключ, — я буду через час.

Глава 10

День клонился к вечеру. Лорд Монтбарри и молодые супруги с гостями отправились в оперу. Сказавшись усталой, Агнес осталась в отеле. Генри Уэствик из приличия тоже пошел с друзьями в театр, однако улизнул после первого действия и вернулся к Агнес в гостиную.

— Ты думала над тем, что я тебе сказал днем? — спросил он, садясь на стул рядом. — Согласись, что относительно страшного подозрения, мучившего нас обоих, теперь можно успокоиться.

Агнес грустно покачала головой:

— Если бы так, Генри! Если бы я могла честно сказать, что у меня отлегло на душе.

Такое начало у многих мужчин отобьет желание продолжать разговор. Терпение же Генри, когда дело касалось Агнес, было неистоцимо.

— Если ты переберешь события дня, — сказал он, — ты не станешь отрицать, что мы кое-чего добились. Ты вспомни, как рассеял наши сомнения доктор Бруно: «После тридцати лет практики могу я, по-вашему, не распознать, что смерть наступила от бронхита?» Вот уж действительно вопрос, не требующий ответа. Или свидетельство консула — разве в нем было что-нибудь сомнительное? Узнав о смерти лорда Монтбарри, он предложил располагать им; он был в палатке, когда прибыл гроб, и собственными глазами видел, как укладывали тело и завинчивали крышку. Свидетельство священника также не вызывает сомнений. Он не отходил от гроба, читал отходную, пока покойный был в доме. Зная все это, как ты можешь отрицать, что смерть и погребение Монтбарри уже не таят загадок? Осталась лишь одна неясность: принадлежат ли найденные останки пропавшему курьеру? Или это не он? В этом все дело. Я понятно выразил свою мысль?

С этим она не стала спорить.

— Тогда что мешает тебе почувствовать такое же облегчение, какое чувствую я? — спросил Генри.

— Мне мешает то, что я видела ночью, — ответила Агнес. — Когда мы вернулись к этой теме, уже переговорив с очевидцами, ты упрекнул меня в том, что я впадаю в суеверие, как ты изволил выразиться. Это далеко не так, хотя, выкажи это суеверие кто-нибудь другой, я бы ему поверила. Памятуя, что значили в прошлом друг для друга твой брат и я, я могу понять, почему призрак явился мне: просить милости христианского

погребения — и возмездия для преступников. Я даже допускаю некоторую долю истины в том, что ты назвал месмеризмом: что будто бы я видела это под магнетическим воздействием, оказавшись между останками убитого мужа над моей головой и виновницей-женой, буквально у меня под боком мучившейся раскаянием. Но я не могу понять, чего ради я должна была пережить это страшное испытание, если совсем не знала убитого при жизни, то есть знала постольку, поскольку принимала участие в его жене. Это к тому, что, как ты считаешь, я видела Феррари. Я не буду с тобой спорить, Генри, но в глубине души я уверена, что ты ошибаешься. Ничто не разубедит меня в том, что мы по-прежнему далеки от страшной правды.

Генри и не стал ее разубеждать. Скрепя сердце, приходилось уважать ее собственное мнение.

— А каким-нибудь другим способом выяснить истину ты не думала? — спросил он. — Кто нам может помочь? Несомненно, графиня — ключ к тайне в ее руках. Но, имея в виду ее нынешнее состояние, можно ли доверять ее свидетельству, если, конечно, она захочет говорить? По моему впечатлению — нельзя...

— Ты был у нее? — перебила его Агнес.

— Был. Опять помешал нескончаемой писанине, зато потребовал высказаться начистоту.

— Значит, ты ей сказал, что ты обнаружил в тайнике?

— Конечно, — ответил Генри. — Я сказал, что она несет ответственность за эту находку, хотя властям я будто бы пока не сообщил, что она связана с ней. И как об стену горох: продолжает себе писать. Но я тоже настырный человек. Сказал, что головой теперь занимается полиция, а мы с управляющим подписали протокол и дали показания. И снова она не обращает на меня никакого внимания. Чтобы ее разговорить, я добавил, что расследование будет вестись тайно и что она может рассчитывать на мое благоразумие. На миг показалось, что уловка моя удалась. Оторвавшись от писания, она глянула на меня с проблеском любопытства. «Что с ней сделают?» — спросила она, имея в виду, очевидно, голову. Я ответил, что сначала ее сфотографируют, а потом тайно, без шума похоронят. Я даже решил сообщить ей заключение хирурга, с которым консультировались: что будто бы применялись — и не вполне успешно — химические препараты, задерживающие разложение, и я прямо спросил, прав ли хирург. Недурная была западня, только она в нее не попала. С самым безучастным видом она вдруг говорит мне: «Раз вы здесь, я хочу посоветоваться с вами относительно моей пьесы; никак не могу придумать некоторые эпизоды». Имей в виду, это говорилось без тени иронии! Ей в

самом деле не терпится прочесть мне свой замечательный труд — на том, видимо, основании, что я должен всем этим чрезвычайно интересоваться, коль скоро мой брат — директор театра. Под первым же подвернувшимся предложением я ее оставил. Так что у меня с ней ничего не получается. Зато твое влияние на нее может возыметь действие, как это уже было. Может, попробуешь — и развеешь свои сомнения? Она наверху, я охотно провожу тебя к ней.

Сама мысль о новой встрече с графиней вызвала у Агнес содрогание.

— Не могу! Жутко даже подумать! — воскликнула она. — После того, что произошло в той ужасной комнате, она стала мне еще неприятнее. Не проси, Генри! Потрогай мою руку — я обмираю от одного твоего рассказа.

Она не преувеличивала. Генри поспешил перевести разговор на другое.

— Давай поговорим о чем-нибудь поинтереснее, — сказал он. — У меня есть вопрос касательно тебя самой. Я прав, что чем скорее ты уедешь из Венеции, тем легче у тебя будет на душе?

— «Прав»?! — возбужденно переспросила она. — Мало сказать «прав». У меня слов нет, как я мечтаю убраться из этого ужасного места. Но ты знаешь мое положение — ты сам слышал, что сказал за обедом лорд Монтбарри.

— А вдруг после обеда его планы переменялись? — предположил Генри.

Агнес удивленно поглядела на него.

— Мне кажется, он получил письма из Англии и завтра утром вынужден уехать из Венеции, — сказала она.

— Совершенно верно, — подтвердил Генри. — Он уже совсем решил завтра ехать в Англию, а тебя и леди Монтбарри с детьми оставить догуливать каникулы в Венеции — под моим присмотром. Но вмешались обстоятельства, и он вынужден переменить свои планы. Ему придется забрать вас всех с собою завтра, потому что я не смогу опекать вас. Мне тоже надо прервать свои каникулы в Венеции и возвращаться в Англию.

Агнес смотрела в некоторой растерянности, не совсем уверенная в том, что правильно поняла его.

— Тебе в самом деле надо возвращаться? — спросила она.

Он улыбался, отвечая:

— Не выдай мой секрет, не то Монтбарри меня не простит.

Остальное она прочла на его лице.

— Не из-за меня ли, — воскликнула она, заливаясь краской, — ты прерываешь свои итальянские каникулы?

— Просто мне надо вернуться с тобой в Англию, Агнес. Это и будут мои каникулы.

В порыве благодарности она схватила его за руку.

— Как бы я справилась с моими напастями, если бы ты меня не жалел? Не могу высказать, как много значит для меня твоя доброта, Генри.

Она безотчетно потянула его руку к губам. Он мягко остановил ее.

— Агнес, — сказал он, — ты начинаешь понимать, как я тебя люблю?

Этот простой вопрос дошел до самого ее сердца. Она призналась ему без слов — просто взглянула и снова отвела глаза.

Он привлек ее к себе.

— Милая моя, — шепнул он, целуя ее.

Ее губы, помедлив, мягко и трепетно коснулись его губ. Обняв его за шею, она спрятала лицо у него на груди. Больше они не говорили.

Волшебная тишина длилась недолго: стук в дверь грубо ее прервал.

Агнес вскочила с места. Она села за рояль: инструмент стоял против двери и вошедшему не будет видно ее лицо. Генри раздраженно отозвался:

— Войдите!

Дверь не отворялась. Стучавший задал из-за двери странный вопрос:

— Мистер Генри Уэствик, вы один?

Агнес тотчас узнала голос графини. Она отбежала ко второй двери, ведущей в спальню.

— Не подпускайте ее ко мне, — растерянно прошептала она. — Спокойной ночи, Генри.

Будь это в его силах, Генри употребил бы их все на то, чтобы, не задумываясь, отправить графиню в самые дальние пределы земли. Не имея такой возможности, он еще раздраженнее повторил:

— Войдите!

Она медленно вошла с неразлучной рукописью. Поступь у нее была нетвердая; обычную бледность сменил кирпичный румянец; воспаленные глаза широко распахнуты. Она поразила Генри неспособностью рассчитывать свои движения. Он сидел около стола, и она наткнулась прямо на стол. Она невнятно говорила, некоторые слова вообще нельзя было разобрать. Другой бы решил, что она оглушила себя каким-нибудь опьяняющим напитком. Генри правильно понял ее состояние. Подставив ей стул, он сказал:

— Боюсь, вы перетрудились, графиня. Вам нужно отдохнуть.

Она поднесла руку ко лбу.

— Не могу сочинять, — сказала она. — Не получается четвертый акт. Совершенная пустота в голове.

Генри посоветовал отложить работу до завтра:

— Ложитесь в постель и постарайтесь уснуть.

Она отмахнулась.

— Я должна кончить пьесу, — ответила она. — Мне нужен ваш совет. Вы должны разбираться в таких вещах. У вашего брата театр. Вы, наверное, часто слышите, как он представляет себе и четвертый акт, и пятый; на репетициях, конечно, бываете, и вообще имеете понятие. — Она сунула ему рукопись. — Я не смогу прочесть ее вам, — сказала она, — у меня кружится голова от собственного почерка. Будьте умницей — пробегите ее глазами и посоветуйте мне что-нибудь.

Генри заглянул в рукопись. Он выхватил список действующих лиц и оторопело вскинул глаза на графиню. Слова замерли на его губах. Говорить с ней не имело никакого смысла. Откинув голову на спинку кресла, она уже была в забытьи. Ее лицо еще больше налилось кровью, он испугался, как бы ее не хватил удар.

Он позвонил и велел вошедшему слуге прислать горничную сверху. Звук его голоса пробудил графиню, она дремотно открыла глаза.

— Уже прочли? — спросила она.

Из простой человечности требовалось успокоить ее.

— Я охотно прочту, — сказал Генри, — если вы отправитесь к себе в постель. Завтра утром вы узнаете мое мнение. На свежую голову у нас легче пойдет четвертый акт.

В эту минуту вошла горничная.

— Боюсь, даме нездоровится, — сказал Генри. — Отведите ее к ней в комнату.

Бросив взгляд на графиню, горничная шепнула ему:

— Не послать ли за доктором, сэр?

Генри велел прежде отвести ее наверх, а уже потом спросить управляющего. Только после многократных обещаний прочесть пьесу за ночь, а утром написать четвертый акт удалось поднять графиню с кресла и об руку с горничной отправить ее к ней в комнату.

Оставшись один, он почувствовал, как его понемногу разбирает любопытство. Он стал листать рукопись, выхватывая строчки. Вдруг он изменился в лице и поднял от рукописи ошеломленные глаза.

— Боже мой! Как прикажете это понимать? — сказал он вслух.

Он нервно глянул на дверь, за которой скрылась Агнес. Вдруг она вернется в гостиную и захочет посмотреть, что тут сочинила графиня? Он еще раз перечитал напугавший его отрывок, задумался, потом, собрав рукопись, рывком встал и тихо вышел.

Глава 11

Войдя в свою комнату на верхнем этаже, Генри положил рукопись на стол, открыл первую страницу. У него совсем разгулялись нервы; пальцы, листавшие рукопись, дрожали; он дергался при малейшем шуме с лестницы.

У наброска, а лучше — плана пьесы графини не было сухих предваряющих замечаний. О себе и своей работе она высказывалась в доверительном, дружеском тоне.

«Позвольте, любезный мистер Фрэнсис Уэствик, представить Вам героев моей задуманной пьесы. Выстраиваю их для Вас по ранжиру: Милорд, Барон, Курьер, Врач, Графиня.

Как видите, я не стала затруднять себя придумыванием имен и фамилий. Мои герои в достаточной степени обособлены как сословными званиями, так и резкой своей противопоставленностью друг другу.

Начало первого акта...

Но нет, прежде чем я начну первый акт, я должна без ложной скромности заявить, что эта пьеса от начала до конца плод моего воображения. Я считаю ниже своего достоинства заимствовать действительные события, и, самое главное, ни одна из моих идей также не заимствована из новейшей французской драмы. Будучи управляющим английским театром, Вы, естественно, откажетесь это признать. Но все это не имеет значения. Сейчас имеет значение одно: начинается первый акт.

Гомбург. Знаменитый „Золотой салон“, разгар сезона. Графиня (изысканно одетая) сидит за игорным столом. За играющими толпится разноплеменная публика: одни делают ставки, другие просто наблюдают за игрой. Среди них Милорд. Он поражен обликом Графини, в котором миловидность и недостатки внешности сочетались самым привлекательным образом. Он смотрит игру Графини и вслед за ее маленькой ставкой сам ставит на тот же цвет. Она оборачивается к нему и говорит: „Не доверяйтесь моему цвету, меня преследует неудача целый вечер. Поставьте на другой цвет, и, может быть, у вас появится шанс выиграть“. Милорд (он истинный англичанин)

краснеет, кланяется и повинуется. Графиня оказывается пророчицей. Она снова проигрывает. Милорд же выигрывает вдвое против поставленной суммы.

Графиня встает из-за стола. Ей нечем больше играть, и она предлагает Милорду свое кресло.

Тот, однако, отказывается и предупредительно вкладывает ей в руку свой выигрыш, умоляя принять его заимообразно в знак расположения к нему. Графиня снова ставит и снова проигрывает. С неподражаемой улыбкой Милорд и другой раз, только что не насильно, ссужает ее деньгами. С этой минуты удача улыбается ей. Она выигрывает. И крупно выигрывает. Из соседнего зала, где он испытывал свою судьбу, приходит привлеченный толками Барон и подходит к Милорду и Графине.

Благоволите уделить внимание Барону. В нем выведен яркий и интересный характер.

Сей благородный человек начал свое жизненное поприще, снедаемый страстью к экспериментальной химии, весьма поразительной в молодом красавце, перед которым открывалась блестящая будущность. Глубоко проникнув в оккультные науки, Барон был убежден, что известная проблема „философского камня“ разрешима. Дорогие опыты давно истощили его собственные средства. Тогда сестра передала ему свое малое состояние, оставив себе только фамильные драгоценности, хранившиеся у ее франкфуртского банкира и друга. Состояние Графини также истратилось, и в роковую минуту, ища новые источники, Барон сел за игорный стол. Ступив на эту опасную дорогу, он показал себя любимцем фортуны. Он крупно выигрывает, но, увы, приверженность губительной страсти игрока позорит его благородное одушевление наукой.

Ко времени событий, происходящих в пьесе, удача изменила Барону. Он стоит на пути к решающему эксперименту, который откроет тайну превращения неблагородных металлов в золото. Но чем оплатить предварительные расходы? С издевательским смехом Судьба вторит: „Чем?“ Достанет ли ему выигрыша сестры (чему содействовал Милорд)? Тревожась об этом, он советует Графине, как играть дальше. С этой злополучной минуты сестре передается его неблагоприятная фортуна. Она снова и снова проигрывает — и теряет все до последнего фартинга.

Милорд, человек душевный и состоятельный, в третий раз

предлагает ссудить ее деньгами. Однако до щепетильности честная Графиня решительно отказывается принять их. Встав из-за стола, она знакомит брата с Милордом. Джентльмены заводят приятный разговор. Милорд просит позволения нанести визит Графине поутру. Барон радушно приглашает его позавтракать с ними. Милорд принимает приглашение и, пожелав спокойной ночи, удаляется, бросив напоследок восхищенный взгляд на Графиню, что не преминет отметить ее брат.

Оставшись с сестрой, Барон высказывается со всей откровенностью. „Наши дела, — говорит он, — в отчаянном положении, и требуется отчаянное средство, чтобы их поправить. Подожди меня здесь, я наведу справки о Милорде. Ты явно произвела на него сильное впечатление. Если из этого можно извлечь деньги, это нужно сделать, ни с чем не считаясь“.

Графиня остается одна на сцене, следует ее монолог, в котором раскрывается ее характер.

Это одновременно отпугивающий и располагающий к себе характер. В этой богатой натуре вместе присутствуют и добрые, и дурные задатки. Обстоятельствам предстоит решить, какие из них возобладают. Производя фурор, где бы она ни появилась, эта благородная дама, естественно, делается жертвой всевозможных скандальных слухов. В эту минуту она негодует против одного из таких слухов, который безосновательно и чудовищно нарекает Барона не братом ее, а любовником. Она высказывает желание уехать из Гомбурга, где была пущена эта гнусная клевета, и вошедший при последних словах Барон говорит ей: „Сделай одолжение, уезжай, но только после обручения с Милордом“.

Пораженная Графиня возмущенно заявляет, что она отнюдь не в восторге от восхищенного ею Милорда. Если на то пошло, она вообще отказывается его видеть. Барон отвечает: „Мне позарез нужны свободные деньги. Выбирай: либо ты ради моего великого открытия выходишь замуж за капиталы Милорда, либо предоставь мне продать себя и свой титул первой же богачке холуйского звания, которая с радостью выложит за меня наличные“.

Графиня слушает его в смятении. Возможно ли, что Барон говорит это всерьез? Оказывается, всерьез. „Женщина, что меня купит, — говорит он, — сейчас находится в соседнем зале. Это богатая вдова еврея-ростовщика. С ее деньгами я наконец решу

великую задачу. Достаточно стать мужем этой женщины, и у меня будет столько золота, что не счесть. Подумай пять минут над тем, что я тебе сказал, и, когда я вернусь, дай ответ, кто из нас обручится с деньгами, которые мне нужны: ты или я?“

Он поворачивается и собирается уйти, но Графиня останавливает его.

В ней вскипают все самые благородные чувства. „Найдется ли женщина, — восклицает она, — что помедлит принести себя в жертву человеку, которому она предана, когда тот потребует жертвы?“ Настоящей женщине не нужно пяти минут, не нужно и пяти секунд, — она протягивает ему руку и говорит: „Жертвуй мною ради своей славы! Пусть моя любовь, свобода и самая жизнь станут ступеньками на твоём пути к триумфу“.

В эту великую минуту падает занавес. Основываясь на первом акте, мистер Уэствик, скажите мне правду — и не бойтесь вскружить мне голову: разве я не способна написать хорошую пьесу?»

Генри не сразу перешел ко второму акту; не о достоинствах пьесы он задумался, а над странной переключкой ее событий с обстоятельствами злополучного брака первого лорда Монтбарри.

Может ли быть такое, что в ее нынешнем душевном состоянии графиня принимала работу памяти за сочинительство?

Этот вопрос был чреват такими серьезными соображениями, что никак нельзя было решать его походя. И, отложив его на потом, Генри перевернул страницу и углубился в чтение.

«Действие второго акта происходит в Венеции. Со времени сцены у игорного стола прошло четыре месяца. Перед нами гостиная в одном из венецианских палаццо.

Когда поднимается занавес, на сцене один Барон. Он перебирает события, прошедшие с конца первого акта. Графиня принесла себя в жертву; брак по расчету был заключен, хотя не без трудностей ввиду разногласий насчет брачного контракта.

Частное расследование, предпринятое в Англии, уведомило Барона, что доход Милорда извлекается в основном из так называемого заповедного имущества. Но ведь он обязан как-то обеспечить свою суженую, если, не приведет господь, случится несчастье? Так пусть он, к примеру, застрахует свою жизнь, а на

какую сумму — подскажет Барон; и пусть так распорядится, чтобы вдова получила эти деньги, если он умрет первым.

Милорд в нерешительности. Барон не тратит времени на бесполезные уговоры. „В таком случае, — говорит он, — брак, безусловно, расстраивается“. Милорд идет на попятный и только просит уменьшить страховочную сумму. Барон роняет: „Я никогда не торгуюсь“. Милорд влюблен, из чего необходимо следует, что он соглашается.

Покуда у Барона нет оснований для недовольства. Но теперь, когда бракосочетание и медовый месяц уже позади, начинает проявлять недовольство Милорд. В венецианском палаццо, которое наняли молодожены, к ним присоединился Барон. Он по-прежнему полон решимости найти „философский камень“. Его лаборатория помещается в подвале палаццо, с тем чтобы запахи, какими сопровождаются его опыты, не досаждали Графине, обитавшей в верхнем этаже. Единственным препятствием на пути к великому открытию, как всегда, остается нехватка денег. Его нынешнее положение поистине драматическое. На нем карточные долги джентльменам своего круга, их, безусловно, надо возвращать; и он по-дружески, как ему представляется, просит займы у Милорда. Милорд грубо отказывает ему. Барон просит сестру использовать свое супружеское влияние. Та отвечает, что ее благородный супруг (опомнившись после безумной любви к ней) теперь явил себя в истинном свете, то есть самым отъявленным скупцом. Ее жертва оказалась напрасной.

Таково положение дел к началу второго акта.

Размышления Барона прерывает неожиданный приход Графини. Она близка к безумию. В ее бессвязных восклицаниях клокочет ярость. Проходит время, прежде чем она овладевает собой и может говорить. Ей дважды нанесли оскорбление — сначала прислуга, потом собственный муж. Английская горничная объявила, что прекращает служить Графине. Не дожидаясь жалованья, она немедленно возвращается в Англию. На просьбу объяснить свой странный поступок она дерзко отвечала, что с тех пор, как в доме появился Барон, служить у Графини стало неприличным делом. Как и всякий на ее месте, возмущенная Графиня немедленно удалила от себя негодяйку.

Привлеченный ее гневно возбужденным голосом, из кабинета, где он обыкновенно уединялся со своими книгами,

пришел Милорд — спросить о причине беспорядка. Графиня высказала ему свое возмущение словами и поведением горничной. Милорд же не только полностью одобрил поведение этой женщины, но и сам выразил сомнение в супружеской верности Графини, говоря при этом такую чудовищную мерзость, что ее из брезгливости не возьмется повторить никакая дама. „Будь я мужчиной, — говорит сейчас Графиня, — и окажись у меня в руках оружие, я бы повергла его труп к моим ногам“.

Дотоле хранивший молчание Барон говорит: „Позволь я договорю за тебя. Ты повергаешь к ногам труп своего мужа и этим опрометчивым поступком лишаешь себя страховки, каковая должна отойти его вдове, то есть ты лишаешься тех самых денег, которые как раз могли избавить твоего брата от невыносимого безденежья“.

Графиня строго напоминает Барону, что ей далеко не до шуток. После того, что сказал Милорд, у нее почти не остается сомнений, что свои гнусные подозрения он доведет до сведения своих стряпчих в Англии. Если не помешать этому, ее ждет развод и разорение; она окажется на улице без всяких средств и умрет с голоду, если не продаст последние драгоценности. В этот момент на сцене появляется Курьер, вывезенный Милордом в эту поездку из Англии. В руке у него письмо. Графиня останавливает его и просит дать посмотреть адрес. Взглянув, она показывает письмо брату. На конверте рукою Милорда надписан адрес его лондонских стряпчих.

Курьер уходит на почту. Барон и Графиня молча обмениваются взглядом, без слов понимая друг друга. Они прекрасно сознают свое положение, им обоим видится страшный выход из него. Одно из двух: либо бесчестье и разорение, либо смерть Милорда и страховка.

Говоря сам с собой, Барон возбужденно ходит по сцене. Графиня слышит обрывки сказанного. Тот рассуждает о здоровье Милорда, возможно, сдавшем после Индии; о простуде, которую два-три дня назад подхватил Милорд; об удивительных случаях, когда такой пустяк, как простуда, вдруг кончается серьезной болезнью и смертью.

Заметив, что Графиня слушает его, он спрашивает, что она может предложить. При всех недостатках у этой женщины есть огромное достоинство — высказываться без околичностей.

„Неужели у тебя в подвале не найдется бутылки, — спрашивает она, — с какой-нибудь „серьезной болезнью“?“

В ответ Барон сумрачно качает головой. Чего он боится? Что после смерти могут сделать вскрытие? Нет, его не страшит никакое вскрытие. Он боится самой процедуры отравления. Милорд слишком заметная фигура, чтобы его можно было объявить серьезно заболевшим без медицинского освидетельствования. А где врач, там всегда есть опасность разоблачения. Дальше: этот Курьер — он предан Милорду, покуда тот платит ему жалованье. Даже если ничего не заподозрит врач, что-то может обнаружить Курьер. Чтобы яд сделал свое тайное дело, его нужно давать отмеренными дозами. Малейший просчет или ошибка могут возбудить подозрение. Слухи могут дойти до страховых контор, и те откажутся платить. При таком положении дел Барон не станет рисковать, да и сестре не позволит рисковать вместо себя.

На сцене появляется еще один герой — сам Милорд. Он раз за разом звонит Курьеру, но тот не является. Что означает эта наглость?

Со сдержанным достоинством (ибо зачем радовать скверного мужа, показывая, как глубоко она уязвлена?) Графиня напоминает Милорду, что Курьер ушел на почту.

Милорд подозрительно спрашивает, видела ли она это письмо. Графиня холодно отвечает, что не интересуется его письмами. Вспомнив о его простуде, она спрашивает, не нужно ли позвать врача. Милорд в сердцах отвечает, что в его годы пора уметь лечиться самому.

В это время входит Курьер, вернувшийся с почты. Милорд велит ему снова выйти и купить лимоны. Он хочет пропотеть в постели после горячего лимонада. Он и прежде так лечился от простуды — вылечится и на этот раз.

Курьер молча повинуется. Судя по его виду, он очень неохотно делает этот второй выход.

Милорд поворачивается к Барону, до этого не принимавшему участия в разговоре, и ядовито интересуется, сколько еще времени тот предполагает оставаться в Венеции. Барон невозмутимо отвечает: „Будем говорить откровенно, Милорд. Если вам желательно, чтобы я покинул ваш дом, вам достаточно это сказать — и я его покину“. Милорд поворачивается к жене и

спрашивает, перенесет ли она разлуку с братом, издевательски упирая на слово „брат“. Графиня сохраняет хладнокровие, ничем не выдавая своей смертельной ненависти к титулованному негодяю, оскорбившему ее. „Вы хозяин у себя дома, Милорд, — только и отвечает она. — Поступайте, как вам заблагорассудится“.

Милорд смотрит на жену, переводит взгляд на Барона и неожиданно меняет тон. Не уловил ли он за спокойствием Графини и ее брата таящейся угрозы? Как бы то ни было, он просит извинить его за несдержанный язык. (Жалкий негодяй!)

С лимонами и горячей водой возвращается Курьер, и Милорд комкает свои оправдания.

Графиня только теперь отмечает болезненный вид слуги. Когда он опускает поднос на стол, у него дрожат руки. Милорд велит Курьеру идти за ним и приготовить лимонад в спальне. Графиня говорит, что Курьер едва ли способен выполнить его распоряжение. При этих словах человек признается, что он действительно нездоров. Он тоже простудился; в лавке, где он брал лимоны, он ждал на сквозняке. Его бросает то в холод, то в жар, и он просит позволения ненадолго прилечь в постель.

Покоряясь голосу человеколюбия, Графиня вызывается сама приготовить лимонад. Милорд берет Курьера под руку, отводит его в сторону и шепчет ему: „Наблюдай за ней, следи, чтобы она ничего не клала в лимонад; принеси мне его сам и уж тогда отправляйся в постель“.

Не сказав более ни единого слова ни жене, ни Барону, Милорд уходит.

Графиня готовит лимонад, и Курьер относит его хозяину.

Возвращаясь к себе в комнату, он чувствует такую слабость и головокружение, что вынужден хвататься за спинки стульев, чтобы не упасть. Всегда внимательный к людям низкого звания, Барон протягивает ему руку, „Боюсь, приятель, говорит он, — вы действительно нездоровы“. На это Курьер дает поразительный ответ: „Конец мне пришел, сэр: я уже не оправлюсь от этой простуды“.

Графиня отказывается верить своим ушам. „Вы совсем не старый человек, — говорит она, желая ободрить Курьера. — В вашем возрасте простуда совсем не обязательно кончается смертью“.

Курьер останавливает на ней полный отчаяния взгляд.

„У меня слабые легкие, миледи, — говорит он. — Два приступа бронхита я уже перенес. Последний раз мой врач показал меня какому-то знаменитому специалисту, и тот сказал, что я выкарабкался просто чудом. „Следите за собой, — сказал он. — Если у вас третий раз будет бронхит, вы как пить дать помрете“. Меня внутри так же колотит, миледи, как в те первые два раза, и я вам еще раз скажу: я нашел свою смерть в Венеции“.

Говоря успокоительные слова, Барон уводит его к нему в комнату. Графиня остается на сцене одна.

Она садится и устремляет взгляд на дверь, в которую вышел Курьер.

„Ах, бедняга, — говорит она. — Если бы ты мог поменяться здоровьем с Милордом, как это было бы славно для Барона и для меня! Если бы ты мог излечиться от пустячной простуды глотком горячего лимонада, а он вместо тебя простудился бы насмерть...“

Она на время смолкает, задумывается и вдруг, торжествующе вскрикнув, вскакивает на ноги: ее осеняет великолепная, небывалая мысль. Пусть эти двое поменяются именами и местами — и дело сделано! Что может этому помешать? Честными либо нечестными средствами выдворить Милорда из его комнаты и тайно от всех держать его узником в палаццо, а жить ему или умереть — это покажет время. Курьера же уложить в освободившуюся постель и пригласить доктора: болеть он будет в качестве Милорда, а умрет (если умрет) под именем Милорда!»

Рукопись выпала у Генри из рук. На него накатила дурманная ужас. Уже к концу первого акта возникший вопрос теперь приобрел новый, мучительный интерес. Вплоть до монолога Графини события второго акта, как и первого, в точности соответствовали событиям жизни его покойного брата. Этот чудовищный замысел, о котором он только что прочел, — плод мрачной фантазии графини? Или здесь она также обманывалась, полагая, что сочиняет, тогда как ее пером водила виноватая память? Если верно второе, то он читал ни много ни мало о намеренном убийстве своего брата, хладнокровно задуманном женщиной, с которой он был сейчас под одной крышей. Усугубляя роковое стечение обстоятельств, не кто иной, как Агнес, свела этих злодеев с человеком, который стал орудием преступления.

Он не вынес бы и малейшего подозрения на этот счет. Он вышел из

комнаты, решив добиться правды от графини и разоблачить ее перед властями как убийцу.

У порога ее комнаты он столкнулся с выходящим человеком. Это был управляющий. Его с трудом можно было узнать. У него был вид и речь безумного человека.

— А-а, милости просим, входите, — сказал ом Генри. Извольте видеть, сэр, я человек не суеверный, но даже я начинаю верить в то, что преступление несет в себе свое собственное проклятье. На этом отеле проклятье. Что было утром? Утром мы с вами обнаруживаем давнее преступление. Приходит ночь — и с ней новый ужас: смерть, неожиданная и страшная смерть в этом самом доме. Входите и смотрите сами! Я уйду с этого места, мистер Уэствик, я не могу сладить с напастями, которые меня тут преследуют.

Генри вошел в комнату.

Графиня лежала на постели. По обе стороны ее стояли врач и горничная. Она прерывисто, с хрипом дышала, словно ее давил кошмар.

— Она умирает? — спросил Генри.

— Она умерла, — ответил врач. — Лопнул сосуд головного мозга. То, что вы слышите, это агония, она может продолжаться долгие часы.

Генри поднял глаза на горничную. Но той нечего было сказать. Отказавшись лечь в постель, графиня села за стол писать. Уговаривать ее было бесполезно, и горничная пошла сказать управляющему. В самом скором времени в отель был вызван врач, который нашел графиню уже мертвой на полу. Вот и весь ее рассказ.

Выходя, Генри глянул на письменный стол и увидел лист бумаги, на котором графиня вывела свои последние строки. Почерк почти невозможно было разобрать, Генри смог прочесть только «первый акт» и «действующие лица». Эта погибшая душа до последней минуты думала о своей пьесе, и она начала ее сызнова!

Глава 12

Генри вошел к себе. Его первым движением было выбросить эту рукопись и никогда больше не видеть ее. Смерть графини отняла у него единственную возможность дознаться истины и избавиться от гнетущей, страшной неопределенности. Что пользы теперь читать? Какого облегчения он мог ждать от этого?

Он прошелся по комнате. Постепенно его мысли приняли другое направление, отношение к рукописи переменилось. Ведь пока он узнал только, как складывался заговор. А сбылся ли он — это ему неизвестно.

Рукопись как упала тогда, так и осталась лежать на полу. Еще немного подумав, он подобрал ее, вернулся к столу и продолжил чтение с того места, где кончил.

«Мысль о дерзкой и вместе такой простой перестановке еще владеет Графиней, когда возвращается Барон. Положение Курьера серьезно заботит его. „Возможно, — думает он, — потребуется врачебная помощь“. Однако с уходом английской горничной в палатку совсем не осталось прислуги. Если потребуется врач, Барону придется самому отправиться за ним.

„Мы, безусловно, прибегнем к врачебной помощи, — отвечает его сестра, — но прежде выслушай меня“. И она посвящает потрясенного Барона в свой замысел. Чего им бояться, какого разоблачения? В Венеции Милорд вел жизнь совершенного затворника — его никто не знает в лицо, и видел его однажды только банкир. Кредитное письмо он предъявлял, будучи для всех новым человеком, и после того первого визита ни он, ни банкир не виделись друг с другом. Он никого не принимал и никуда не ходил сам. Считанные прогулки на гондоле и пешком он совершал в одиночестве. Гнусное подозрение, из-за которого он стыдился бывать на людях с женой, вынуждает Милорда вести такой образ жизни, что осуществить задуманный план будет нетрудно.

Осторожный Барон выслушивает ее, однако не спешит высказать свое мнение. „Пока прощупай почву, — говорит он, — а я приму решение после твоего разговора с Курьером. Прими к сведению важное наблюдение. Такой человек падок на деньги,

если ему предложить достаточно много. На днях я его в шутку спросил, что бы он сделал ради тысячи фунтов. Он ответил: „Что угодно“. Держи это в голове и предлагай ему самую высокую цену, не торгуйся“.

Действие переносится в комнату Курьера; несчастный рыдает над фотографией жены. Входит Графиня.

Умная женщина, она первым делом утешает предполагаемого сообщника. Он выражает ей признательность и поверяет доброй госпоже свои горести. Убежденный, что стоит на пороге смерти, он горько раскаивается в невнимании к жене. Он бы совсем примирился со смертью, когда бы не отчаяние при мысли, что он не скопил денег и оставит вдову без средств, в зависимости от чужих людей.

Услышанного достаточно Графине. „А что если вас попросят сделать одну очень простую вещь, — говорит она, — вознаградив за это тысячью фунтов, которые останутся нашей вдове?“

Курьер отрывает голову от подушки и изумленно глядит на Графиню. „Не может в ней быть столько жестокости, — думает он, — чтобы разыгрывать страдальца. Что такое эта „очень простая вещь“, за которую так небывало вознаграждают?“

В ответ Графиня без всяких недомолвок излагает Курьеру свой план.

Когда она смолкает, в комнате еще несколько минут стоит тишина. Курьер не настолько слаб, чтобы спешить с ответом, не подумав. Не сводя с Графини глаз, он в некотором смысле дерзко отзывается на то, что ему довелось услышать: „До сих пор я не был религиозным человеком, но, похоже, стану им. После слов вашей светлости я верю в дьявола“. Графиня предпочитает обратить в шутку этот символ веры. Обижаться не в ее интересах. Она говорит:

„Даю вам полчаса времени, чтобы обдумать мое предложение. Ваши дни сочтены. Ради собственной жены решайте: умирать без гроша в кармане либо оставить после себя тысячу фунтов“.

Наедине с собой Курьер серьезно раздумывает над своим положением — и решается. Он с трудом выбирается из постели, пишет несколько строк на листке, вырванном из записной книжки, и, медленно, нетвердо ступай, выходит из комнаты.

Вернувшись через полчаса. Графиня находит комнату

пустой. Она в недоумении, но тут открывается дверь и входит Курьер. „Где вы расхаживаете, когда вам надо лежать?“ Тот отвечает: „Я оборонялся, миледи, на тот случай, если вдруг повезет справиться с бронхитом в третий раз. Если вы или Барон поторопите меня расстаться с жизнью либо попытаетесь лишить меня моей тысячи фунтов вознаграждения, врач будет знать, где найти мою записку про заговор вашей светлости. Случись все, как я боюсь, у меня может не хватить сил, чтобы сделать по всей форме признание и разоблачить вас; но уж для нескольких слов я приберегу свой последний вздох и скажу доктору, где искать. Само собой, я скажу это вашей светлости, если увижу, что вы честно выполняете свое обещание“.

После этого смелого начала он выставляет свои условия, на которых соглашается участвовать в сговоре и умереть, оставив после себя тысячу фунтов.

Сама Графиня или Барон должны при нем пробовать его еду и питье и даже лекарства, какие ему пропишет врач. Что касается оговоренной суммы, то на нее должен быть выписан кредитный билет, его надо завернуть в лист бумаги и поверху написать несколько слов — Курьер их продиктует. Потом конверт запечатывается, пишется адрес жены и приклеивается марка. Готовое к отправлению письмо будет лежать у него под подушкой; и пока у врача будет оставаться хоть малейшая надежда на выздоровление пациента, Барон и Графиня вправе в любое время проверять как наличие самого письма, так и сохранность его печати. И наконец последнее. Курьер хочет умереть со спокойной совестью и потому желает оставаться в неведении относительно всего, что касается устранения Милорда. Не то чтобы его особенно тревожит судьба его прижимистого хозяина — просто он не хочет отвечать еще и за других.

Все эти условия принимаются, и Графиня зовет Барона, ожидающего развития событий в соседней комнате.

Ему сообщают, что Курьер соблазнился на предложение, однако сам Барон благоразумно придерживает язык. Став спиной к постели, он показывает Графине бутылку. На ней наклейка: „Хлороформ“. Графиня догадывается, что из своей комнаты Милорд будет удален в бессознательном состоянии. Где он будет содержаться? Уже выходя из комнаты, Графиня шепотом задает этот вопрос Барону. Барон шепчет в ответ: „В подвале“.

Занавес падает».

Глава 13

Этим кончался второй акт.

Генри вяло поворошил страницы третьего акта: душевно и физически он нуждался в передышке.

В одном отношении заключительная часть рукописи разительно отличалась от того, что он читал. Чем ближе к концу, тем чаще давала о себе знать перенапрягающаяся голова. Все хуже делался почерк; длинные предложения не дописывались до конца; в диалогах реплики были перепутаны. В некоторых местах слабеющее соображение пишущей выравнивалось, но скоро возвращалось в прежнее состояние и безнадежно теряло нить рассказа.

Прочитав еще два-три более или менее внятных пассажа, Генри почувствовал, что не может дальше выносить этот сгустившийся мрак. Он оторвался от рукописи и в тоске и совершенном изнеможении повалился на постель. Почти в ту же минуту вошел лорд Монтбарри.

— Мы только что вернулись из оперы, — сказал он, — и узнали, что эта жалкая женщина умерла. Говорят, ты беседовал с ней незадолго до смерти; мне интересно, как это было.

— Ты узнаешь, как это было, — ответил Генри, — и еще кое-что узнаешь. Ты теперь глава семьи, Стивен, и в этом деле, из-за которого я не знаю покоя, решающее слово я оставляю за тобой.

Сделав это вступление, он рассказал брату, каким образом к нему попала пьеса графини.

— Прочти первые две страницы, скачал он. Мне не терпится знать, то ли же самое впечатление производят они на нас обоих.

Не прочитан и половины первого акта, лорд Монтбарри вскинул на брата глаза.

— С какой стати она выдает это за собственное сочинение? — спросил он. — Она совсем, что ли, сошла с ума и не помнила, что все это так и было?..

Генри был удовлетворен: у них складывалось одинаковое впечатление от пьесы.

— Поступай как знаешь, — сказал он. — Но если бы ты меня послушался, то лучше бы тебе не читать дальше, где наш брат жестоко искушает свой злой брак.

— А ты до конца прочел, Генри?

— Не до конца. Я не смог читать последние страницы. После школы мы с тобой мало общались со старшим братом; я, например, считал его поведение с Агнес постыдным и не боялся высказать это вслух. Но когда я читал это бессознательное признание в злодейском заговоре, жертвой которого он пал, я испытывал что-то вроде угрызений совести, вспоминая, что нас родила одна мать. Сегодня ночью я относился к нему так, как, стыдно сказать, не относился никогда прежде.

Лорд Монтбарри взял брата за руку.

— Ты славный малый, Генри, — скачал он, — но уверен ли ты, что не мучил себя напрасно? Если что-то в этом полоумном сочинении совпадает с правдой, какой мы ее знаем, разве это значит, что можно доверять и всему остальному?

— Усомниться в этом невозможно, ответил Генри.

— Невозможно усомниться? — повторил брат. — Буду читать дальше, Генри, и посмотрим, что можно будет сказать в пользу твоей убежденности.

Он читая, не отрываясь до самого конца второго акта. Потом поднял глаза.

— Ты действительно уверен в том, что обезображенные останки, которые ты обнаружил, это прах нашего брата? — спросил он. — И для такой уверенности тебе достаточно вот этого свидетельства?

Генри молча кивнул.

Лорд Монтбарри сдержал вскипавшее раздражение.

— Ты сам признался, что не читал последние страницы, — сказал он. — Не будь ребенком, Генри! Если тебе понадобилось слепо доверять такой чепухе, то изволь, по крайней мере, одолеть ее до конца. Будешь читать третий акт? Не будешь? Тогда я тебе его прочту.

Он вернулся к третьему акту и стал читать отрывки, для стороннего глаза достаточно четко и вразумительно написанные.

— «Вот сцена в подвале палаццо, — начал он. — Жертва спит на жалкой постели; Барон и Графиня обсуждают свое положение. Графиня (насколько я могу понять) достала нужные деньги, заняв под гарантию своих франкфуртских драгоценностей; а наверху врач оставляет Курьеру шанс на выздоровление. Что делать злоумышленникам, если человек поправится? Осторожный Барон предлагает освободить узника. Если тот рискнет обратиться в суд, будет легко объявить его душевнобольным, о чем может свидетельствовать его жена. И обратно: если Курьер умрет, то как избавиться от обобранного до

нити безымянного дворянина? Бездействуя, то есть уморив его голодом? Нет, Барон благородный человек, и бессмысленная жестокость ему претит. Остается действовать — может, смерть от ножа наемного убийцы? Барон возражает: сообщники ненадежны; к тому же он не хочет ни с кем делиться деньгами. Бросить узника в канал? Барон не доверяет и воде: с поверхности можно видеть, что в глубине. Поджечь его постель? Прекрасная мысль, но могут увидеть дым. Нет, теперь обстоятельства переменялись, и простейшим решением будет яд. Этот человек теперь просто всем мешает. Тут подойдет самый обыкновенный яд».

— Неужели ты правда, Генри, веришь, что такое совещание могло иметь место?

Генри не ответил. Зачитанные только что казни шли в том самом порядке, в каком сменялись кошмары, донимавшие миссис Норбери те обе ночи, что она провела в отеле. Бесплезно обращать внимание брата на это совпадение. Он сказал только:

— Продолжай.

Полистав, лорд Монтбарри нашел еще один разборчивый и вразумительный отрывок.

— Вот, — продолжал он, — что-то вроде парной сцены, насколько я могу вникнуть. «Наверху, у постели мертвого Курьера, врач простодушно выписывает свидетельство о смерти Милорда. Внизу, в подвале, у тела отравленного Милорда Барон смешивает сильные кислоты, готовясь превратить труп в кучку пепла...» Ну уж эти-то мелодраматические ужасы мы не будем трудиться расшифровывать! Дальше! Дальше!

Он листал, тщетно ища смысл в сбивчивых эпизодах. Вот вроде бы понятный кусок на предпоследней странице.

— Третий акт, — сказал он, — похоже, делится на две части или картины. Я хорошо разбираю начало второй части. «На сцене Барон и Графиня. Руки Барона интригующе обтянуты в перчатки. Кремируя по собственной методе, он сжег дотла все тело, но голова...»

Тут Генри прервал брата.

— Не читай больше! — воскликнул он.

— Нет, отдадим графине должное, — заупрямился лорд Монтбарри. — Тут не больше десятка строк, остальное не разобрать. «Разбив сосуд с кислотой, Барон сжег себе руки. Он все еще не может приступить к уничтожению головы, а Графиня (при всей ее порочности) в достаточной

степени женщина, чтобы сделать это вместо него, когда доходят первые слухи о скором приезде следственной комиссии, учрежденной страховыми конторами. Барон ни в малейшей степени не тревожится. Пусть себе налаживают следствие, какое хотят, — расследовать-то им придется естественную смерть Курьера (под именем Милорда). Поскольку с головой не заладилось, придется ее спрятать, и эта задача не застает Барона врасплох. Разбирая в библиотеке старые книги, он узнал о тайнике в палаццо. Если Графине противно возиться с кислотами и видеть кремацию, то уж полить хлоркой...»

— Не читай больше! — снова взмолился Генри. — Не читай!

— А больше и нечего читать, дружок. На последней странице уже совершенные бредни. Она правильно сказала тебе, что не может больше сочинять.

— Не может больше вспоминать, Стивен, посмотри же правде в глаза!

Лорд Монтбарри встал из-за стола и с сожалением уставился на брата.

— У тебя разгулялись нервы. Генри, — сказал он. — Оно и неудивительно — после той страшной находки под камином. Не будем сейчас спорить, подождем день-другой, когда ты опять будешь на себя похож. А пока давай решим по крайней мере один вопрос. Ты ведь даешь мне право распорядиться этими бумагами — как главе семьи?

— Конечно, даю.

Лорд Монтбарри взял со стола рукопись и кинул ее в огонь.

— Пусть хоть какая-то польза будет от этого вздора, — сказал он, пригнетая бумагу кочергой. — В комнате уже прохладно, и благодаря графининой пьесе дрова, глядишь, и прогорят. — Еще постояв у камина, он повернулся к брату. — Вот что я скажу тебе напоследок, Генри, и больше не буду к этому возвращаться. Я готов признать, что в недобрую минуту ты наткнулся на следы преступления, совершенного в палаццо бог весть когда. Только при таком допущении я могу все это обсуждать. Лучше я вообще ничему не поверю, чем соглашусь с твоим мнением. Я объявляю чистейшим вздором, галлюцинацией все сверхъестественные силы, что досаждали нам в первую ночь под этой крышей: и твой пропавший аппетит, и ночные кошмары сестры, и запах, преследовавший Фрэнсиса, и голову, что явилась Агнес. Не верю я в это, не верю! — Выходя, он оглянулся с порога. — Зато я в другое верю, — сказал он в заключение. — Жена тут злоупотребила доверием, и я верю в то, что Агнес выйдет за тебя замуж. Спокойной ночи, Генри. Завтра чуть свет мы уезжаем из Венеции.

Вот так лорд Монтбарри искоренил тайну «отеля с привидениями».

Постскрипtum

У Генри оставалось последнее средство так или иначе положить конец разногласию с братом. Когда путешественники вернулись в Англию, он уже представлял себе, каким образом зубной протез может стать средством дознания.

Единственной здравствующей хранительницей семейных преданий оставалась старая нянюшка Агнес Локвуд. При первой же возможности Генри попытался навести ее на воспоминания о покойном лорде Монтбарри. Однако няня наотрез отказалась ворошить свою память.

— Когда я последний раз случайно видела милорда в Лондоне, — сказала старуха, — у меня руки зачесались. Мисс Агнес послала меня куда-то с поручением, а он выходит от дантиста — и слава богу, что больше я его никогда не видела!

Благодаря няниной вспыльчивости и своеобразной манере высказываться объект дознания определился. Генри спросил, не заметила ли она, где находился этот дом. Конечно, заметила и, как сейчас, помнит. Неужели мистер Генри думает, что, раз ей скоро восемьдесят, она уже ничего не соображает? В тот же день он отнес зубной протез дантисту, и все сомнения (а у него их и не оставалось) отпали раз и навсегда. Протез был сделан для первого лорда Монтбарри.

Ни единой живой душе, включая брата Стивена, Генри не поведал об этом последнем звене в разоблачительной цепочке. Эту страшную тайну он унес с собой в могилу.

Так же милосердно молчал он и о другом событии столь памятного прошлого. Миссис Феррари никогда не узнает, что ее муж был соучастником, а не жертвой графини, как она думала. Она продолжала верить в то, что тысячефунтовую банкноту ей послал покойный лорд Монтбарри, и по-прежнему отказывалась воспользоваться подарком, якобы обогранным кровью ее мужа. С согласия вдовы Агнес передала деньги в детскую больницу, там сразу прибавилось много коек.

Весной следующего года сыграли свадьбу. По настоятельной просьбе Агнес на церемонии присутствовали только свои. Приема гостей после венчания не было; медовый месяц прошел в уединенном коттедже на берегу Темзы.

Перед тем как съехать, молодожены пригласили порезвиться в саду детей леди Монтбарри. Тогда-то старшая девочка услышала (а потом

передала матери) обрывок разговора.

— Генри, я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

— Изволь, дорогая.

— Раз я твоя жена, могу я с тобой кое о чем поговорить?

— О чем же?

— Что-то произошло накануне нашего отъезда из Венеции. Ты виделся с графиней в последние часы ее жизни. Скажи, она не сделала тебе никакого признания?

— В здравом уме — нет, так что мне нечем тебя огорчить.

— И что она видела или слышала в ту страшную ночь в моей комнате — она ничего об этом не сказала?

— Ничего. Мы только знаем, что ее рассудок так и не оправился от пережитого страха.

Агнес была не совсем удовлетворена. Предмет разговора не давал ей покоя. Даже ее краткое общение с жалкой бывлой соперницей поставило перед ней вопросы, которые заводили ее в тупик. Она помнила предсказание графини:

«Вы подведете меня у тому дню, который все выявит и назначит мне наказание». Так что же, оно не состоялось, это предсказание, подобно всем прорицаниям смертных? Или оно исполнилось в ту ужасную ночь, когда она видела призрак и помимо своей воли подвигла графиню также увидеть его?

Нельзя не отметить, что к прочим достоинствам миссис Генри Уэствик добавилось то, что впредь она никогда уже не пыталась выманить у мужа его тайны. У других жен столь необычный образ действий вызвал бы сочувственное презрение. С той поры они отзывались об Агнес как о «весьма старомодной личности».

Это все? Это все.

И загадка «отеля с привидениями» никак не объясняется?

А вы спросите себя, объясняется ли чем загадка вашей собственной жизни и смерти? Прощайте.

notes

Примечания

1

Светский сезон (май — июль) в Лондоне.

Герой одноименной новеллы В. Ирвинга, прославивший Войну за независимость и образование Американской республики.

Курортный город с игорными домами в прусской провинции Гессен-Нассау.

4

Вежливое обращение слуги к сыну хозяина.

5

Здесь: агент, обслуживающий путешественников.

6

Так произносит слово горничная-француженка.

Прозрачный сухой ликер из особого сорта кислой и терпкой вишни, измельченной вместе с косточками. Имеет миндальный привкус и крепость 32° (прим. верстальщика).

Каролина-Амелия-Елизавета(1768–1821) — супруга принца Уэльского (с 1811 г. — принц-регент), оставившего ее после года супружеской жизни в 1796 г. При вступлении на престол (1820) Георг IV окончательно развелся с ней.

Пьеса Д. Бусико (1822–1890).

Слова Талейрана по случаю Русской кампании 1812 года.

